ТБ
ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В целинном совхозе имени Павлова, Кустанайской области. За отличное проведение весеннего сева бригаде трактористов Сергея Метельского вручается переходящее Красное знамя.

Фото А. Гостева.

На первой странице обложки: колхоз «Коминтерн», Мичуринского района, Тамбовской области. Председатель колхоза Евгения Ивановна Андреева на стройке.

Фото В. Тарасевича.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 24 (1565) 9 ИЮНЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

За эти обязательства дружно борются все колхозники.

Здесь председателем Андреева

Мы приехали на Тамбовщину, в колхоз имени Коминтерна, когда в садах цвели яблони и вишни, а на полях шел сев кукурузы, сажали картошку.

Председатель Евгения Ивановна Андреева, женщина энергичная и прямая в разговоре, встретила нас восклицанием:

— Опять гости! — И добавила, когда секретарь Мичуринского райкома партии Дмитрий Семенович Черемисинов представил нас: — Дали бы хоть сев закончить. Тогда милости просим...

Мы пообещали не докучать ей. Она улыбнулась и рассказала, сколько к ней приезжает гостей,

Под кукурузу занято 250 гектаров лучшей земли.

сколько писем ей шлют со всех концов страны, из-за границы — из Чехословакии, ГДР, Франции.

— С каждым надо говорить, на каждое письмо отвечать. Встаю я в половине пятого, ложусь спать в полночь.

Знакомой дорогой идет на пастбище племенное стадо коров колхоза имени Коминтерна.

И тут же заявила:

— Сейчас еду на фермы и в поле. Хотите, присоединяйтесь.

Мы вышли из правления и сели в машину.

Дорогой она рассказывала о колхозе:

— Из двух тысяч гектаров земли у нас более 1 300 пахотной, больше 130 гектаров под фруктовыми садами и под огородами еще 60 гектаров. А трудоспособных — 203 человека. Работают все. Старушки, школьники — и те помогают картошку перебирать и в садах, если надо, кое-что делают.

За семь — восемь дней нужно посеять 250 гектаров кукурузы. В 1955 году сеяли 120, а к 1960 году думаем довести посевы кукурузы до 350 гектаров.

И строительство. Тянем водопровод на молочную ферму, в свинарники, в телятник, к молодому саду и в дома колхозников воду дадим. С электроэнергией осложнение. В разлив плотину снесло, теперь из города линию ведем. Мичуринская ТЭЦ ток нам даст. Строим два свинарника на 1 200 голов и воловник для племенных бычков. Дел хватает!

Подъезжаем к молочной ферме. Дойка закончена, коров гонят на прогулку. Сто тридцать симментальских коров важно следуют в привычном направлении.

— Прошлой зимой кукуруза нас спасла, — рассказывает Евгения Ивановна. — Сена не было, а силоса кукурузного более 18 тысяч тонн заложили. По 15 тонн на корову! В этом году посеяли вику с овсом, клевер, суданку. Так что будем с сеном. Кукурузы надеемся по 20 тонн на корову заготовить.

Заходим в молочную. В красном уголке доярки решают кроссворд.

— Какой чешский поэт в прошлом веке жил? — обращается одна из доярок к председателю колхоза.

— Лучше скажите, сколько молока надоили? — улыбаясь спрашивает Андреева.

— Ты кем будешь, дояркой или агрономом? — Такой вопрос часто задают друг дружке школьницы.

— Литров на сто больше вчерашнего, — сообщает зоотехник Люба Лужникова. Она работает в колхозе с весны, после окончания института.

Покидаем ферму. В голосе Евгении Ивановны звучат теплые нотки, когда она говорит:

— Замечательные девушки! На них вся моя надежда. В этом го-

— Эх, дождя бы сейчас! — глядя на небо, говорит агроном колхоза Василий Алексеевич Милованов.

ду обязались от каждой коровы по четыре тысячи килограммов надоить. Почти на 900 килограммов больше прошлогоднего!

— Кто же из них лучше? — спросили мы.

— Все хороши. Но выделяются Валя Туровцева, Клара Гренштейн, Аня Малова.

Рядом с фермой — телятник. Заведует им девушка Валя Жолтикова. Она окончила десятилетку и осталась в колхозе.

Здесь более десяти человек, окончивших среднюю школу. Все отлично работают, уходить никуда не собираются.

Едем в летний лагерь, где откармливаются свиньи. Их в колхозе 810 голов. В 1956 году было триста восемьдесят. В лагере работает Галя Чуканова, светловолосая девушка с приветливым лицом. Она собирается поступать в сельскохозяйственный институт, а пока обязалась сдать 750 центнеров свинины!

Хорошо работают свинарки Зина Воробьева, Валя Конабеева, Зина Жолтикова.

В пути Андреева снова говорит о молодых:

— У нас на самых ответственных участках молодежь. С лихвой оправдывает доверие; всюду хорошо работают: и в животноводстве, и на полях, и в огородах, и в садах.

Едем за пятнадцать километров, на самое отдаленное поле, где сеют кукурузу квадратно-гнездовым способом. Поля обработаны превосходно. Проезжаем озимь, многолетние и однолетние травы. Везде отличные всходы.

В поле мы познакомились с агрономом колхоза, заместителем Андреевой — Василием Алексеевичем Миловановым.

— Дождя бы сейчас, — глядя на небо, говорит агроном.

— Из двухсот пятидесяти гектаров кукурузы, — рассказывает он, — пятьдесят решили посеять вручную и в каждую лунку внести перегной. Эта кукуруза предназначается на зерно. Надеемся, что шефы помогут.

— А кто шефствует над колхозом?

— Плодоовощной институт, — отвечает Милованов. — Связь с наукой у нас тесная. Институт присылает лекторов, часто бывают профессора и преподаватели; студенты практику проходят.

В поле наступил обеденный перерыв. После усердной работы неплохо получить добавку.

Свинарка Галя Чуканова с экскурсантами средней школы, прибывшими из Мичуринска.

Действительно, институт прислал более двухсот студентов, и они помогли посеять кукурузу за три дня.

По дороге в правление Андреева рассказала о своей поездке в Воронеж, на совещание работников сельского хозяйства областей Центрально-Черноземной полосы, где ее высокие обязательства поддержал и одобрил Н. С. Хрущев.

— Встретили меня после этого совещания в колхозе хорошо. За обязательства не беспокоюсь. Мяса дадим в этом году шестьдесят центнеров на сто гектаров угодий и молока двести шестьдесят. Наш колхоз пока еще средний. Собираемся сделать его передовым. Наш сосед, с которым мы соревнуемся, колхоз «Завет Ильича», сильнее, но мы хотим его догнать и обогнать.

Председатель колхоза «Завет Ильича» Василий Федорович Ансимов по этому поводу говорит так:

— Насчет догнать не возражаю, а вот чтобы перегнать...

Нам говорили, что правление артели «Завет Ильича» решило в 1960 году дать по 410 центнеров молока и по 175 центнеров мяса на 100 гектаров угодий. Забежали вперед против коминтерновцев на 10 центнеров молока и на 5 центнеров мяса!

Когда мы об этом сообщили Евгении Ивановне, она улыбнулась и сказала:

— Цыплят по осени считают.

Евгения Ивановна в феврале сдает дипломную работу на тему «Организация и экономика колхозов». Она кончает заочное отделение плодоовощного института имени Мичурина.

Прощаясь, она пожаловалась на кооператоров, которые не завозят в район строительные материалы для постройки домов колхозников:

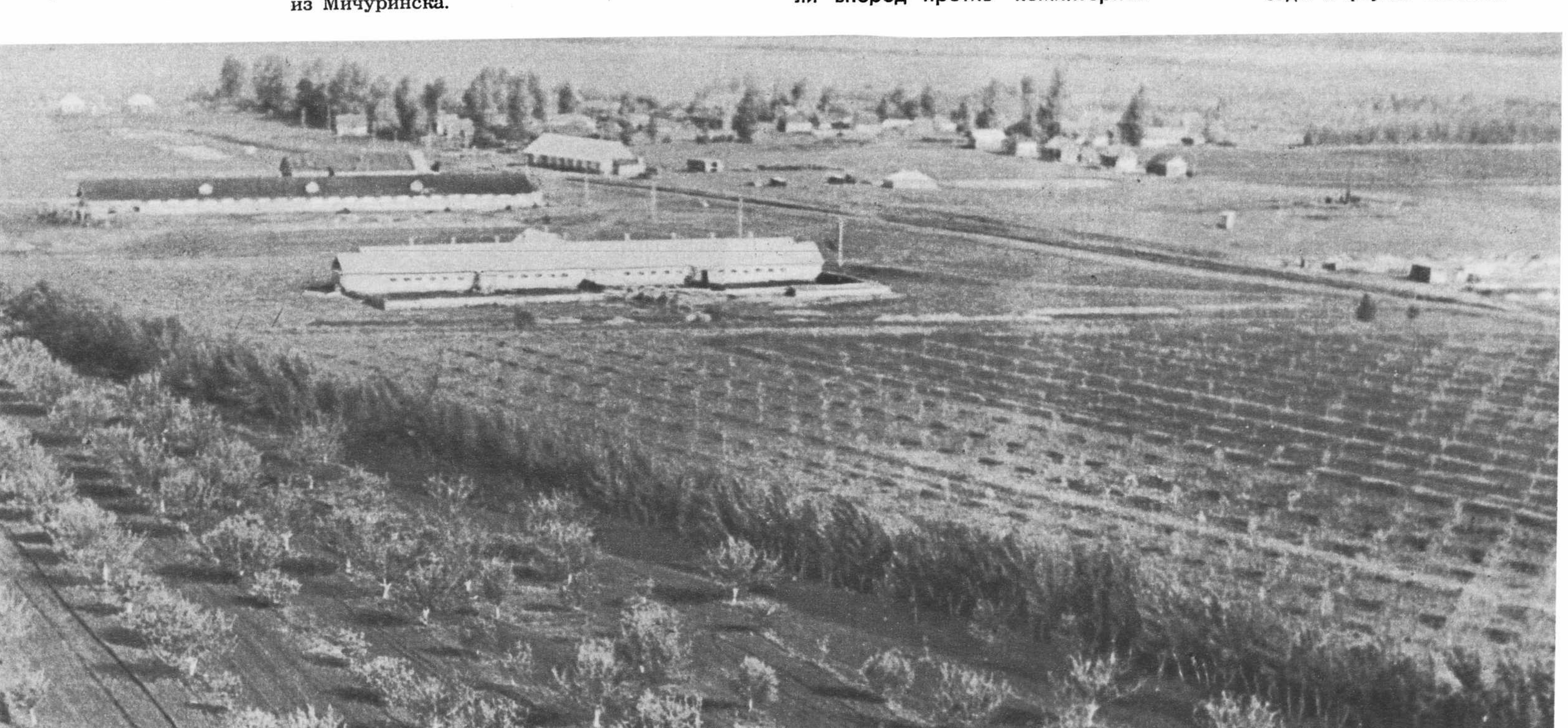
— Многие колхозники хотят новые дома ставить, а кооператоры плохо насчет материалов стараются.

В колхозе имени Коминтерна нет ни одного человека, который сомневался бы в том, что взятые обязательства будут перевыполнены.

— Нас в пример поставили. Не подведем, постараемся! — говорят в колхозе.

Мих. АМШИНСКИЙ
Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Приятно смотреть с самолета на сады и фермы колхоза.



Председатель Президиума Великого Народного Хурала Ж. Самбу вручает товарищу К. Е. Ворошилову орден Сухэ-Батора и Золотую звезду — знак Героя Монгольской Народной Республики.

В БРАТСКОЙ МОНГОЛИИ

А. СОФРОНОВ **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА**

Специальные корреспонденты «Огонька»

С чем можно было сравнить приветственные крики жителей Улан-Батора и скотоводов из соседних селений, приехавших в холодный, ветреный день на аэродром встретить К. Е. Ворошилова?

Позади остались тропики, знойный Ханой с сорока с лишним градусами жары и по-летнему теплый Пекин. Когда наши самолеты приземлились на Улан-Баторском аэродроме, ртутный столбик показывал всего 2 градуса тепла. Но уже в первый момент, поеживаясь от студеного ветра, мы почувствовали большое тепло и радушие монгольского народа. Стараясь не отстать от автомашин, энергично нахлестывая низкорослых лохматых лошадок, скакали по непаханой земле вдоль дороги, ведшей к Улан-Батору, араты — скотоводы. Из уст людей, стоящих с красными флажками у шоссе, неслось протяжное: «А-а-аа...» И это было похоже на протяжную песню степного ветра, могучее гудение стальных проводов.

Город Улан-Батор. Широкая площадь перед зданием Совета Министров и Мавзолеем, в котором покоится прах Сухэ-Батора и Чойбалсана. Новые, светлые здания. Искусно сделанный памятник Сухэ-Батору, скачущему на горячем коне. А вокруг широкие, в весенней дымке горы и белый обелиск на высоком холме — памятник монгольским и советским воинам, отдавшим свои жизни в борьбе за общее дело.

Для тех, кто никогда не бывал в Монголии, не видел ее широких просторов, многое кажется здесь вначале необычным: неожиданно четкая планировка центра столицы — и огороженные заборами юрты на окраинах. Отличное здание Музыкально-драматического театра — и скачущие на лошадях в пестрых национальных одеждах девушки...

О монгольском народе по всему миру идет слава как о народе гостеприимном, всегда радушно встречающем гостей. Монгольская пословица гласит: «Счастлив тот, у кого бывают гости, радостен тот дом, у коновязи которого всегда стоят кони приезжих».

Надо ли говорить о том, с каким хлебосольством принимал народ Монголии Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова?!.

На приеме, устроенном в Доме правительства, перед Климентом Ефремовичем поставили блюдо, на котором был бараний крестец. По обычаю, Климент Ефремович должен был, как почетный гость, нарезать баранье мясо. Ворошилов поднялся, взял нож в руки, отрезал несколько кусков, а затем передвинул блюдо своему спутнику:

— Товарищу Елютину поручается дальнейшая работа в этой области.

Много было сказано хороших слов за дружеским столом. Не раз обращались глаза присутствующих к большому портрету, висевшему в центре зала. На нем был изображен человек с коротко остриженными волосами, энергичными, волевыми глазами, с ремнем портупеи через плечо. Это был Сухэ-Батор. Под его водительством в 1921 году в Монголии победила народная революция, народ встал на путь новой жизни. С тех пор прошло 36 лет. За эти годы окрепла и возмужала дружба наших двух братских народов.

За столом сидела седая женщина в европейском костюме. Когда присутствующие подходили к товарищу Ворошилову, чтобы чокнуться, с бокалом подошла и она. Товарищ Цеденбал сказал:

— Познакомьтесь, Климент Ефремович, это жена Сухэ-Батора.

Климент Ефремович крепко пожал ей руку и сказал:

— Рад видеть верного друга и товарища мужественного Сухэ-Батора, которого знает и любит весь советский народ.

...У трибуны, возле которой был положен белый войлок, покрытый цветными монгольскими коврами, солнечным ветреным утром ожидали Климента Ефремовича и его спутников рабочие трех заводов, объединенных Промкомбинатом. Заводы эти были построены при помощи Советского Союза. И снова совсем другой, не такой, как казалась издалека, предстала Монголия в образе работницы Дашзэгвэ, приветствовавшей Ворошилова. В ней было и женское достоинство, и свобода, и уважение в обращении к гостю, и знание всей жизни фабрики, которую она представляла.

Во время митинга произошло неожиданное событие: кто-то из ребятишек, стоявших со своими родителями около трибуны, пробрался на трибуну, сунул в руки Климента Ефремовича голубя и, смутившись, сбежал с трибуны. Климент Ефремович оглянулся, но принесшего этот дар мальчика уже рядом не было. Тогда, увидев стайку стоящих неподалеку ребятишек, Климент Ефремович подозвал одного из них, протянул ему голубя и сказал:

— Голубя этого воспитайте, это хорошая птица, мирная птица.

Ученик 11-й школы Бавужамц, зажавший голубя в ладонях, был немедленно окружен сверстниками.

В цехе кожаных пальто и тужурок гости с интересом наблюдали, как шкуры превращаются в свежее, хрустящее пальто.

Товарищ Цеденбал говорил:

— Раньше мы экспортировали необработанную кожу, теперь, после того, как реконструировали этот цех, экспортируем шевровые шкурки. В прошлом году на экспорт ушло 300 тысяч штук. После полной реконструкции мы будем продавать на экспорт до миллиона.

На обувной фабрике к Ворошилову подошел юноша с гладко зачесанными наверх волосами, в аккуратном черном халате, в галстуке, видневшемся из-под пиджака.

Техник Цембелдорж.

— Здравствуйте, товарищ Ворошилов,— сказал он,— мне хочется сообщить вам, что я техник, фамилия моя Цембелдорж. Техником стал я у нас, в Улан-Баторе, а вот наш товарищ, инженер Пурве, недавно окончил Институт легкой промышленности в

Во время митинга на Промышленном комбинате.

Советском Союзе. Мне и здесь, на фабрике, помогли техником стать советские специалисты. Товарищ Ворошилов,— проговорил он, немного стесняясь и улыбаясь широкой улыбкой,— я, знаете, очень хочу поехать учиться в Советский Союз.

Климент Ефремович тепло ответил юноше:

— Это очень хорошо, приезжайте учиться к нам, будете инженером. Желаю вам успеха, молодой друг.

Еще накануне на аэродроме, а затем по пути в Улан-Батор мы слышали мелодию одной песни. Не понимая языка, мы различали, что в конце строфы звучало слово «Ворошилов». Я спросил товарища Цеденбала:

— Это что, советская песня о маршале Ворошилове?

— Нет,— сказал Цеденбал,— это монгольская песня о товарище Ворошилове, написанная к приезду его в Монголию.

И потом, где бы нам ни приходилось бывать: в городе, в госхозе, на конезаводе, у пионеров,— мы всюду слышали мотив этой степной песни, в которой монгольский народ выражал свое уважение и любовь к советскому народу, к маршалу Ворошилову.

Неподалеку от здания Совета Министров расположен Государственный центральный музей. В чистых, просторных залах представлены флора и фауна Монголии, собраны изделия народного творчества и работы монгольских художников, хорошо показана история монгольского народа. Стоя около рельефной карты, Климент Ефремович спросил геолога Дугерсуруна, дававшего объяснения гостям:

— Где заканчивается у вас полоса вечной мерзлоты?

Дугерсурун указал палочкой на город Улан-Батор.

— Частично и здесь,— сказал он.

— Видите, как трудно строить каждый новый дом, любое здание здесь,— сказал Климент Ефремович, обращаясь к своим спутникам.

— Бывает так, что для фундамента приходится рыть котлован в 13 метров глубиной,— добавил Цеденбал.

Климент Ефремович интересовался полезными ископаемыми Монголии. Он надолго задерживался возле витрин, на которых лежали куски гипса, серы, графита, слюды, дымчатого кварца, угля...

— Очень хорошее у вас собрание образцов,— сказал он геологу и вдруг неожиданно спросил: — А вы знаете академика Сатпаева?

— Мы вместе учились с ним,— ответил Дугерсурун.

— Я недавно у него был в Казахстане,— сказал Климент Ефремович,— и видел там тоже прекрасный музей. Когда будете у нас, обязательно поезжайте к нему в гости, познакомьтесь с его музеем.

Перед тем как пройти в соседний зал, Климент Ефремович, прощаясь с Дугерсуруном, сказал:

— Я обязательно передам ваш привет академику Сатпаеву и скажу ему, что у вас отличное собрание образцов.

На втором этаже, посреди большого, просторного зала, освещенного солнцем, стоял скелет динозавра. Гости долго осматривали этот редкий экспонат. Кто-то из монгольских товарищей сказал, вздохнув:

— В 1926 году у нас американцы выкопали двух таких динозавров и увезли.

Товарищ Ворошилов долго и подробно осматривал музей и в каждом зале останавливался около образцов оружия и отлично выполненных картин монгольских художников.

...Жарким утром колонна автомашин отправилась из Улан-Батора в гости к аратам, членам Замтынского сельскохозяйственного объединения. Была какая-то особая прелесть в этой степной дороге, лежащей между широкими, с мягкими, округлыми формами горами, на склонах которых только-только начинала пробиваться трава. Здесь не было пальм, не было буйной зеленой растительности, которые мы видели на Яве и Суматре,— суровая, мужественная природа обступала нас со всех сторон. С двух сторон дороги то и дело попадались навстречу табуны лошадей, гордо шагающих верблюдов, бесчисленные отары овец, стада коров. Весна здесь запоздала, природа еще была бедна красками; ее суровый облик как бы говорил о том, что все, что добывается в этой стране, добывается не просто, с большим трудом... Завидев вытянувшуюся на несколько сотен метров колонну автомашин, к дороге, стоя в стременах, скакали всадники.

Но здесь были не только всадники. Несколько раз мы встречали велосипедистов в спортивных костюмах, мчавшихся по шоссе,— они готовились к спортивным соревнованиям. У переезда железной дороги Москва—Улан-Батор—Пекин ремонтные рабочие на вагонетках подвозили шпалы и рельсы.

— Раньше у нас была только узкоколейка,— сказал нам наш друг, монгольский журналист Санжа, когда машина проскочила один из переездов.— А теперь Монголия имеет широкую колею и хороших соседей с двух сторон: Советский Союз и Китай. Нам это очень приятно.

Через несколько десятков километров с какого-то переката мы увидели шеренги всадников на лошадях и верблюдах, выстроившихся вдоль дороги. Кого здесь только не было! И юноши, и девушки, и матери с грудными детьми, и старые, седобородые скотоводы. И снова, как протяжное гудение степного ветра, звучало неторопливое: «А-а-аа...», плывущее над весенней степью.

На небольшой веранде Климента Ефремовича приветствовал председатель Замтынского сельскохозяйственного объединения. Он говорил:

— Наше объединение организовалось 19 лет тому назад, в нем было тогда только 7 семейств, имели мы 13 голов скота. Сейчас у нас 350 членов объединения, мы имеем 13 тысяч голов скота и 75 тысяч гектаров земли. Наше объединение получает в среднем около миллиона тугриков в год дохода.

Здесь же около веранды стоял высокий человек в темно-красном халате; на коротких поводках он держал двух маленьких верблюжат, белого и рыжего. Это был Рабдан, один из старейших членов объединения. На него была возложена почетная обязанность вручить верблюжат в качестве подарка товарищу Ворошилову. Рабдан терпеливо ждал, пока шли выступления, а затем, после того как пионеры Замтынского объединения преподнесли гостям пионерские галстуки, Рабдан подвел к Ворошилову верблюжат.

— Вот просим, дорогой гость, принять этот маленький подарок.

И он протянул поводки Клименту Ефремовичу. Так уж здесь положено: человек, которому дарят коня или верблюда, должен обязательно подержать поводок. Климент Ефремович, гости и скотоводы весело засмеялись, когда верблюжата вдруг протяжно закричали, заглушая чьи-то приветственные слова. Климент Ефремович взял поводок и сказал:

— Красивые верблюжата, но они пока еще малыши, пусть побудут с папой и мамой. Дальше будет видно... А за подарок сердечно благодарю.

Радушные хозяева угощали гостей кумысом, кислым молоком, вареной бараниной и душистым чаем.

Гостей ожидали еще на конезаводе и в госхозе, надо было торопиться. И вдруг случилось неожиданное: едва автомашины отъехали от Замтынского объединения, как навстречу двинулась какая-то серая туча. По ветровым стеклам зло захлестал песок, небо стало черным, подул холодный ветер. В первый момент показалось, что все это случайно, облако немедленно рассеется. Но степь стонала от ветра, машины, находившиеся в 15—20 метрах друг от друга, были едва различимы, ветер подбрасывал кверху мощные пригоршни песка. Через дорогу катились рыжие шары перекати-поля. Автомашины подъехали к длинным строениям конезавода, возле которых на поле должны

Необычный подарок.

были состояться скачки. Здесь тоже бушевала песчаная буря. Летели сорванные с шестов плакаты и флаги, хлестало песком прижавшихся к стенам конюшен и строений людей.

Закрывая лицо руками, виновато разводя руками, хозяева конезавода говорили:

— Что ж делать? Сейчас скачки нельзя проводить. Нельзя показывать и стрельбу из лука и монгольскую борьбу... Буря сломала весь порядок празднества.

Спустя час в конторе госхоза Климент Ефремович расспрашивал агронома о ведении хозяйства в совхозе. Его интересовало все: и как пашут, и что сеют в этом хозяйстве, какие меры принимаются по борьбе с эрозией почвы...

Когда агроном сообщил о том, что они предполагают пахать зимой безотвальным плугом, Ворошилов спросил:

— А достаточно ли здесь мальцевских плугов?

— Достаточно. Вот навесных орудий не хватает.

— Я с Терентием Мальцевым хорошо знаком,— сказал Климент Ефремович.— Когда бывает в Москве, Мальцев заходит ко мне. Очень важно, конечно, чтобы вы точно знали, какими методами надо вести хозяйство.

Хозяева, ведя разговоры о жизни госхоза, с нетерпением смотрели в занесенные пылью окна. Увидев, что на улице посветлело, они настояли на том, чтобы гости вернулись снова к конезаводу: наездники ждут, кони под седлом, подарок — лошадь Пржевальского — рвется с привязи.

И вот снова степь, скачущие степные наездники, с гиканьем пролетающие мимо гостей. Перед Климентом Ефремовичем в бело-красном костюме, с горящими глазами стоит ученик 5-го класса средней школы госхоза Луп-

Монгольская борьба.

сандала. Он дышит тяжело и возбужденно, но в его карих глазах горят огоньки неистребимого любопытства и радости: маршал Ворошилов пожимает руку ему, монгольскому школьнику, пришедшему первым на скачках.

Вся программа дня, хотя и в сокращенном виде, была показана гостям: стрельба из лука, схватки борцов, состязавшихся здесь же, на полянке, под свистящим ветром и снежными хлопьями, вдруг закружившимися над лесом.

По дороге в Улан-Батор в одной из ложбинок Климент Ефремович заметил десятка три юрт. Некоторые из них были разрушены только что прошедшим ураганом. Скотоводы заново собирали их. Машины свернули с дороги. У крайней юрты стояло несколько скотоводов.

Климент Ефремович спросил одного из аратов, сколько ему лет.

— Пятьдесят один,— ответил он.

— Молодой еще, молодой.

— А я постарше,— сказал седой стриженый арат, снявший шапку перед гостем.— Мне семьдесят четыре года.

— Вот это подходяще,— сказал Ворошилов.

Находившийся здесь же рядом Председатель Президиума Великого Народного Хурала Самбу сказал:

— Это Данждорж, один из наших самых передовых скотоводов Центрального аймака.

— Я прошу,— сказал Данждорж,— зайти ко мне в юрту.

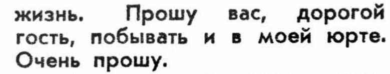
— С удовольствием,— ответил Климент Ефремович. Они скрылись под крышей степного жилья.

Жена Данждоржа, выходя вместе с Ворошиловым и другими гостями их юрты, говорила:

— Никогда не думала, что такой день будет у меня таким счастливым.

Около юрты собирались скотоводы. Вперед вышел старик Гончик в старой фетровой шляпе, подвязанной ремешком. Он взял Климента Ефремовича под руку и сказал:

— Я партизан народно-революционной армии 1921 года. Сражался с врагами за нашу



жизнь. Прошу вас, дорогой гость, побывать и в моей юрте. Очень прошу.

— А меня и не надо очень просить, я сам с удовольствием пойду.

Так и пошли они по маленькому взгорью к юрте, рука в руке, советский маршал и монгольский партизан.

Со всей Монголии в Улан-Батор шли письма. Писали скотоводы из самых дальних мест, те, что не смогли приехать встретить и проводить дорогого гостя. В редакции газет, в Совет Министров, в Центральный Комитет Народно-революционной партии ежедневно приходили конверты, в них были заключены бумажные листки со словами любви, дружбы и уважения к советскому народу, к маршалу Ворошилову.

Арат Дашидава из 2-го бага Сергелен сомона Центрального аймака писал:

«Дорогой наш гость, товарищ Ворошилов!

Хорошо ли вы чувствуете себя в долгом пути по нашей земле? Ваш приезд для нашего народа — великая радость, он вдохновляет всех нас, скотоводов, на новые трудовые успехи во имя мира и счастья.

Дорогой товарищ Ворошилов! Позвольте мне поднести вам от себя лично подарок, лучшего из моих коней — Гнедко. По нашему народному обычаю, это счастливо рожденный конь. Он коснулся при рождении земли ногами и стал на ней сразу всеми четырьмя, а это у нас, скотоводов, примета доброго коня. Когда ему был всего один год, я отдал соседу двух добрых коней, чтобы получить такого хорошего жеребенка.

Я счастлив поднести вам в дар моего самого любимого коня и пожелать вам радости, долгой и прекрасной жизни, а вашему народу вечной дружбы».

Старуха Осор из 1-го бага Сергелен сомона Центрального аймака прислала письмо, в котором говорила:

«...Я переживала трудное время феодальной Монголии: была бесправной, угнетенной и бедной. Только после победы народной революции 1921 года, совершившейся при решающей помощи Советской России, я стала свободной и нашла возможность посвятить свою жизнь на благо Родины.

Работала 27 лет беспрерывно, живу сейчас на иждивении государства, получая пенсию. Партия и правительство высоко оценили мою скромную долю труда, наградив меня орденом. Сейчас жизнь у меня зажиточна, дети учатся в школе. Все это — плод дружбы нашего народа с народами Советского Союза...»

Климент Ефремович побывал со своими спутниками в Улан-Баторском университете — замечательном свидетельстве новой жизни монгольского народа, где умные и веселые, горячие и внимательные монгольские юноши и девушки, цвет своего народа, с гордостью показывали свои лаборатории и аудитории, представляли своих ученых и своих педагогов, своих писателей и своих общественных деятелей... Мы видели чудесное произведение — оперу «Среди печальных гор», с напевной музыкой и плавными, изумительными танцами. Мы слышали берущую за душу мелодию монгольского композитора Дамдинсурэна «В высоких горах Хэнтэя»; ее на скрипке виртуозно исполняла артистка Церендолгор. Мы познакомились с работами скульпторов и художников... И, наконец, самое главное: мы увидели и почувствовали мужество, ум, талант верного друга нашего народа, монгольского народа, с которым нас связывают давние братские отношения.

...В утро отлета из Улан-Батора ветер затих, небо поголубело, солнце отражалось на винтах самолета. Монгольский красно-синий флаг и алый советский флаг были высоко подняты в небо.

Самолеты из Улан-Батора летели к Иркутску. Снова, как и семь недель назад, блеснули под крыльями свинцово-голубые байкальские воды, а совсем рядом с городом мы увидели мощные краны на строительстве Иркутской ГЭС. Это была уже наша земля, наше небо и наш воздух. Самолеты летели к Москве. И думалось, что дружеские визиты, встречи Климента Ефремовича Ворошилова с государственными деятелями и народами Китая, Индонезии, Северного Вьетнама и Монголии еще больше укрепили дружбу между нашими народами, показали единое горячее желание мира у миллионов людей Азии, с доверием протягивающих свои дружеские руки к Советскому Союзу.

Улан-Батор — Москва.

Скотовод Данждорж приветствует товарища Ворошилова.

По дороге в юрту.

По приглашению президента и правительства Финляндской республики с дружественным визитом отбыли в Хельсинки Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев.

На снимке: проводы на Ленинградском вокзале.

Фото А. Гостева.

Вот эта улица...

М. АНГАРСКАЯ

Прозвенел последний звонок, и ученики 47-й школы Фрунзенского района выбежали во двор встретить гостей — Анну Григорьевну Каспирович и Якова Ивановича Лебедева, старых большевиков.

— Вот что, друзья,— предложил Яков Иванович, — давайте совершим небольшую экскурсию по нашему району. Попробуем поискать следы боев, а мы с Анной Григорьевной постараемся вспомнить нашу молодость...

Фрунзенский район столицы назывался когда-то Хамовниками.

Сколько раз пробегали ребята по этим тихим переулкам, широким оживленным магистралям, спеша на занятия в школу, или в вечерний час гуляли здесь с друзьями! И все казалось будничным и таким привычным: старые и новые дома, в которых живут они и их товарищи по классу, булочная, «Гастроном», аптека на углу, тележка знакомой продавщицы мороженого. И если были у них какие-то воспоминания, связанные с этими улицами, то совсем недавние: вот здесь ребята здорово подрались, а тут на скамеечке девятиклассники спорили о том, какую избрать в жизни дорогу...

И вот сейчас они идут медленным шагом по знакомым улицам, смотрят на знакомые здания и видят все совсем иначе. Два пожилых человека вспоминают прошлое, и их взволнованность передается юным спутникам. Первым заговорил Яков Иванович:

— По всему Неопалимовскому переулку, где находится ваша школа — кстати сказать, ее тогда не было,— вырыли окопы. 1 ноября 1917 года здесь проходила линия фронта. Она шла от Бородинского моста, через Ростовские переулки к Плющихе, затем по Неопалимовскому переулку, далее вдоль Смоленского бульвара доходила до Зубовской площади и поворачивала на Пречистенку — теперешнюю Кропоткинскую. На Смоленской площади находилась 5-я школа прапорщиков, и вот с ними-то шла у нас сильная перестрелка. Рабочие со всех заводов района были в наших рядах: с «Каучука», с текстильной фабрики Гюбнера, теперь имени Свердлова, из Уваровского трамвайного парка, где я в то время служил вагоновожатым... Были и студенты и даже гимназисты. Оружия мало — куда меньше, чем бойцов.

...Школьники и два старых очевидца незабываемых событий революции идут по тихому Долгому переулку. Задумчивым взглядом смотрит Анна Григорьевна на идущих с нею рядом девочек.

Вот эта белокурая десятиклассница чем-то напомнила ей самое себя в годы юности. В ту пору восемнадцатилетняя Аня, работница завода «Каучук», была немногим старше этой девушки.

Старые рабочие «Каучука» до сих пор помнят свою Аню Каспирович: в кожаной куртке, коричневой кепке, всегда энергичная, неутомимая, умеющая подбодрить товарищей. В те дни ее можно было встретить и на заседаниях Хамовнического Совета рабочих депутатов, членом которого она была, и на заводском митинге, и с лопатой в окопах на Плющихе, и ночью пробирающейся под пулями проверять посты «каучуковцев». Вспоминает Анна Григорьевна, как она и ее соратницы ходили в разведку:

— Связь у нас с центром была слабая, попасть туда было трудно, всюду расставлены юнкерские патрули. И вот храбрые наши студентки, под прикрытием белой косынки Красного Креста или в костюмах чопорных дам, выполняли ответственные поручения ревкома, шли в Московский Совет и Московский комитет партии...

Из улицы в улицу, из переулка в переулок медленно идут два пожилых человека в окружении примолкших школьников. Вот они остановились у большого серого здания Военной академии имени Фрунзе.

Разворачивается еще одна страничка дорогих воспоминаний.

Здесь в небольшом особняке, «Девичий проезд, 6», помещалась знаменитая студенческая столовая. Сколько интересных событий происходило в ее стенах!

Еще в 1915—1916 годах сюда приезжали Качалов, Собинов, Шаляпин и другие выдающиеся артисты. Студенческая общественность устраивала их концерты с благотворительной целью — помочь малообеспеченным учащимся; но, кроме того, собранные деньги шли, конечно, нелегально, в тюрьмы для поддержки политических заключенных. Здесь занимались марксистские кружки, передавалась из рук в руки нелегальная литература. А с февраля 1917 года эта столовая уже стала использоваться для партийных собраний.

...Две школьницы-подружки подхватили Анну Григорьевну под руки и наперебой забросали вопросами.

— А вы помните самую первую минуту, когда вы узнали, что революция началась? Что вы стали тогда делать? Вы очень волновались?

— Это было поздним вечером, вернее сказать, ночью на двадцать шестое октября. Накрапывал мелкий осенний дождь, дул порывистый ветер, но, несмотря на непогоду и поздний час, наша столовая была переполнена до отказа. Рабочие и работницы — представители фабрик, заводов,— молодежь, большевики района с нетерпением ждали партийного организатора района от Московского комитета. Он должен был вернуться из Московского Совета.

Настроение было у всех приподнятое, чувствовалось, что наступает решительный момент. И вот наконец нам сообщили, что пленум Московского Совета решил немедленно начать вооруженное восстание, поддержать оружием питерских рабочих. Тут же я поспешила на свой завод: надо было скорей собрать митинг, объявить рабочим, что революция началась. Вот так я и узнала о начале Октябрьской революции.

...Над Москвой спускались вечерние сумерки, а ребята все еще не хотели расходиться. Слушая рассказ о подвигах бойцов революции, они всматривались в знакомые силуэты многоэтажных зданий, и все привычное становилось еще более близким и дорогим.

После экскурсии решили сфотографироваться на память.

Фото Риммы Лихач.

На праздник совместной радости

А. ЛАРИН
Фото автора и Ю ЧЖЭНЬ-ГО.

«Праздником совместной радости», если перевести дословно, называется по-китайски фестиваль.

С обычной для нового Китая широтой представительства в Москву поедут посланцы рабочих и крестьян, Коммунистического союза молодежи, десяти национальных меньшинств, восьми демократических организаций, религиозных кругов. Поедут спортсмены, артисты, художники, повезут кинофильмы, картины, подарки.

Уже с января в Пекине каждый месяц проводились большие художественные смотры. В итоге решено показать в Москве пять программ: две танцевальные, цирк, пекинскую оперу и хор народной песни.

В феврале нынешнего года в Пекине появились на свет два молодежных хора: один обычный, другой народной песни. Едва они родились, как между ними разгорелась упорная борьба. Она завершилась следующим посланием, адресованным хору народной песни:

«Дорогие друзья! От всего сердца поздравляем с победой вас, наших партнеров по двухмесячному дружескому соревнованию...

Перед отъездом мы желаем вам с честью выполнить возложенное на вас почетное поручение. Братский горячий привет.

Ваши товарищи — члены молодежного хора».

— Много молодежи, очень мало опыта; успехи, поражения, бесконечные поиски. Это и есть пекинский экспериментальный театр,— говорил заместитель директора театра Лу Су, автор песни «В единстве сила», которую в Китае знает каждый.

Эти творческие поиски начались еще в освобожденных районах и на опорных антияпонских базах, когда небольшой ансамбль в пятьдесят человек играл пьесы, исполнял песни, танцевал янгэ. Войдя в Пекин вместе с Народно-освободительной армией, укрепившись, коллектив начал ставить «Московский характер», «Лунсюйгоу», «Ван Гуй и Ли Сян-сян».

В экспериментальном театре поют «Седую девушку», так непохожую на классические китайские оперы; там же пекинцы слушают «Травиату», удивляясь непривычному для них речитативу; пантомимы вдруг обрастают там декорациями, освященные традицией движения и позы переходят в современный балет; народные танцы приобретают в театре новую жизнь, становясь еще ярче и прекраснее. Два таких танца артисты театра покажут на фестивале в Москве: «Танец с блюдцами» и «Цветные фонари».

Танец «Цветные фонари».

Прежде в «Цветных фонарях» все роли исполняли мужчины. Теперь в главной роли выступает молодая актриса Юй Ин.

— Когда мы ездили в Синьцзян,— рассказывала она,— то тренировались даже в дороге, на стоянках, у машин. Ламп не было, их заменял лунный свет, по теням мы проверяли свои движения. Ведь танцорам нужно тренироваться каждый день.

Иной раз Юй Ин приходится заниматься и по воскресеньям.

— Зато я очень довольна, что поеду в столицу Советского Союза. Там мы увидим старых знакомых из театра Станиславского и Немировича-Данченко, из ансамбля Моисеева, с которыми встречались в Пекине. Словом, у меня впереди большие и радостные переживания.

Такие косынки готовят китайские девушки к московскому фестивалю.

...В одиннадцать лет перечитав оставшуюся от отца библиотечку, Чжан Сянь-хуа решил, что писать книги — самое простое дело. Невероятные истории, подвиги древних героев теснились в его голове. Сяньхуа купил толстую тетрадь и принялся за длинный роман в классическом стиле. На четвертой странице воображение иссякло... Как редактор школьной газеты он занял первое место на городском конкурсе в Нанкине. Все были уверены, что после школы он пойдет в литературный институт. Но Сяньхуа поступил в Пекинский политехнический институт.

Молодого инженера послали в Аньшань, «столицу стали». С утра до вечера его видели склоненным над чертежным столом. Днем на столе были расчеты мостового крана, вечером — наброски сценария. Это был сценарий о студентах, которые сначала смотрели на жизнь сквозь розовые очки, а потом увидели ее такой, какая она есть.

Сянь-хуа отослал сценарий известному кинокритику Цзун Дянь-фэю. Вскоре Цзун Дянь-фэй ответил, что сценарий ему понравился, и обещал помочь. Он советовал написать для начала рассказ. Не веря себе, Сянь-хуа снова и снова перечитывал письмо.

Жизнь подсказала новый сюжет. На стройку приезжают шанхайские девушки, а они, это каждому известно, любят гоняться за модой и развлекаться. Сначала к ним отнеслись с предубеждением. Но девушки вместе со всеми работали в холоде, в грязи, никому не уступая. А одна из них, самая красивая, пришла на помощь главному герою, отчаянному парню...

Рассказ был напечатан в журнале «Жэньминьвэньсюэ» и вызвал массу откликов: автору удалось показать без прикрас кусочек жизни.

Сейчас режиссер Чэн Инь, ставивший в свое время «Стального солдата», снимает на Пекинской киностудии фильм «Шанхайские девушки». На самой молодой студии страны — она создана лишь в позапрошлом году — играют молодые актеры. Они торопятся, чтобы успеть привезти фильм на фестиваль.

На съемке фильма «Шанхайские девушки».

...Молодые китайские художники пошлют в Москву свои лучшие картины. Кто из них окажется самым достойным?

Вот стоит с палитрой в руке юноша Юань Хао. Он критическим взором окидывает свою композицию: у огонька расположилось несколько строителей, а за ними в синих сумерках уходят вдаль опоры гигантского моста через Янцзы. Юань Хао недавно вернулся из Ухани.

Неподалеку подправляет что-то кистью Хоу И-минь, его преподаватель и почти ровесник. Тема картины — революционное подполье — особенно близка автору. Здесь, в здании художественного института, при чанкайшистах он и его товарищи устроили крохотную подпольную типографию, где сами рисовали, гравировали, печатали.

А что сказать про их соседа Цин Чжэна? У него большой опыт. Он стал живописцем в двенадцать лет, мальчишкой попав в 8-ю армию. Сажей из котла, куском известки он рисовал в деревнях на стенах домов громадные агитплакаты: «Дети, ловите шпионов», «Женщины, ухаживайте за ранеными бойцами». Сейчас он пишет картину «Семья».

Кто же из них заслужит предпочтение? Пока ответить на этот вопрос невозможно. Можно лишь пожелать им всем больших успехов.

Точно так же еще не известно, кто те 180 человек, которые составят спортивную команду Китая. Но стоит отметить, что на III молодежных играх Китай будет представлен уже не в семи, как в прошлый раз, а в десяти или больше видах спорта. Вероятно, будут участвовать выдающиеся спортсмены Чэнь Цзин-кай (штанга) и Му Сянсюн (плавание)...

Роспись шелка — национальное искусство в Китае, имеющее вековые традиции. В конкурсе приняла участие вся молодежь с факультета набивных тканей пекинской школы декоративно-прикладного искусства. И вот готовы окончательные варианты. На столах перед членами жюри распустились желтые, синие, розовые цветы. И всюду русскими и латинскими буквами, индийской вязью, китайскими иероглифами повторяется слово «мир».

Скоро начнут выходить из машин сотни и сотни узорных косынок. Вспомните о том, с какой любовью и старанием трудились над ними китайские друзья, когда вы в Москве получите кусок шелка, легкий и пестрый.

Это будет подарок китайской молодежи «празднику совместной радости».

Пекин.

В. Г. Перов (1833—1882). ПТИЦЕЛОВ. 1870.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек».

В. Г. Перов. «ТРОЙКА». УЧЕНИКИ МАСТЕРОВЫЕ ВЕЗУТ ВОДУ. 1866.

Государственная Третьяковская галерея.

Маленькие истории

Борис ЗУБАВИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

1. ПОСЛЕ ЗВОНКА

Началось все пять лет назад. Майя Васильевна, преподавательница русского языка и литературы, молодая, решительная, пришедшая в школу прямо из института, приняв класс, предложила Саше Березину, как она выразилась, стать ее помощником.

Теперь она понимала, что это был неразумный поступок, но тогда, сгоряча, ей хотелось скорее познакомиться с классом, с характерами, способностями, повадками и наклонностями учеников, оперативнее руководить ими, распространять на них свои взгляды и убеждения, казавшиеся ей очень справедливыми и разумными.

Березина она выбрала потому, что, по отзыву учительницы, воспитывавшей его первые годы, он был способным и честным мальчиком, хотя и не отличался особой дисциплинированностью. Майя Васильевна полагала, что, приблизив к себе Березина, убьет сразу двух зайцев: постоянно будет знать, что творится в классе, и «подтянет» дисциплину и прилежание у самого Березина.

Саша предстал перед ней со сбившимся набок пионерским галстуком, потный, растрепанный, красный: он только что играл с товарищами в чехарду.

— Саша, — сказала Майя Васильевна, как бы не замечая, в каком виде он явился к ней, — наш класс должен стать самым лучшим в школе и по успеваемости и по дисциплине. Ты, конечно, хочешь этого?

— Хочу, — сказал он, еще не успев отдышаться.

— Я так и знала. Ты мне должен помочь как пионер, как один из активных учеников. Станешь призывать товарищей к порядку, показывать им пример поведения, а после уроков будешь рассказывать мне, кто и как вел себя в классе: шалил, не занимался, шумел, пускал голубей, говорил что-нибудь нехорошее про учителей. У тебя будут очень ответственные обязанности.

— Это чтобы я был ябедой? — откровенно, с изумлением спросил Березин, исподлобья поглядев на учительницу.

— Фу, как нехорошо ты понял меня! — слегка смутившись, сказала Майя Васильевна. — По-твоему, значит, выявлять и исправлять недостатки — что-то дурное? Какой же ты тогда пионер, помощник комсомола?

— Нет, я не буду, — отвечал Березин.

— Однако... — Учительница уже начала сердиться. — Я не ожидала от тебя такого ответа. Иди и подумай.

— Я про это не буду думать. — Березин упрямо нагнул голову.

— Иди подумай и завтра скажешь мне.— На щеках Майи Васильевны выступил гневный румянец. Настойчивость этого лобастого растрепанного мальчика начинала раздражать ее. — И потом, что у тебя за вид! — сдержанно и строго продолжала она. — Поправь галстук.

Березин покорно вздохнул, выдернул из-под воротника узел галстука и вышел в коридор.

Коридор гудел, стонал, сотрясался от топота. Дежурные старшеклассники тщетно пытались навести в нем порядок. Не успевали они в одном конце коридора унять бесшабашную энергию своих младших собратьев, засидевшихся за партами, как стихийные события в виде потасовок, «куча-мала», салочек, лямочек, выжимок масла, грозившие, казалось, мгновенно вырасти в катастрофу, расшатать, развалить все школьное здание, возникали в другом конце. Березин, прикрыв за собою дверь, сразу забыл о разговоре с учительницей и ввязался в первую же попавшуюся компанию.

Майя Васильевна, когда вышел Березин, долго еще находилась в расстроенных чувствах.

Та антипатия, то недружелюбие, которые возникли у нее, держались в ее душе стойко, никогда уж потом не проходили, и все, что ни делал Березин, казалось ей вызывающе грубым, и она все время стремилась сломить его характер, подчинить себе, заставить поступать так, как она этого хочет, но никак не могла добиться своего.

Однажды, уже в восьмом классе, собирали железный лом, и Березин, конечно, отличился, прославился на всю школу. Он создал бригаду из восемнадцати пионеров, назвал ее кавалерийским отрядом и повел в рейд по тылам врага. В результате этого рейда березинский отряд собрал больше всех лома и вышел на первое место, а потом в школу стали приходить представители различных организаций и требовать этот лом обратно, так как вместе с ржавыми кастрюлями и ведрами была сдана, например, железная тележка, принадлежащая столовой райпищеторга, на которой возили продукты. Правда, тележка была кривобокая, ржавая, с погнутой осью, колеса виляли из стороны в сторону, возить ее было трудно, и рабочие даже обрадовались, что так удачно избавились от нее. А вот история с железными воротами оказалась сложнее. Увезли их от дома, в котором помещалось домоуправление, на подводе, находящейся в распоряжении управляющего домами, а грузить их на телегу помогал даже участковый милиционер лейтенант Кашкин.

Дело было так. Разведка донесла Березину, что во дворе дома № 17 по Свободной улице возле входа в домоуправление свалено в кучу старое кровельное железо: недавно ремонтировали крышу. Березин принял решение атаковать управдома. Атака была молниеносной, управдом, застигнутый кавалеристами в конторе, сдался без боя и с радостью: это железо давно уже мозолило ему глаза. Больше того: для перевозки трофеев он предоставил победителям транспортные средства, вызвал возчика, работавшего у него в тот день от конторы «Гужтранспорт», и сказал:

— Там железо старое надо будет пионерам подбросить. Они укажут.

Когда началась погрузка, разведчики, шнырявшие по двору в поисках других металлических предметов, наткнулись на старые, прогрызенные ржавчиной ворота. Вернее, это была лишь одна створка. Куда девалась другая, никто из жильцов уже не помнил. Створка эта, снятая с петель, много лет стояла возле стены, и на нее в темноте все натыкались. Кавалеристы, разумеется, не знали такой незначительной подробности, что ворота собрались, наконец, ремонтировать, для чего заказали вторую створку.

Березин лично осмотрел ворота, даже пнул их ногой и составил такой план: забрав железо, они подгоняют подводу к воротам, быстро грузят их, а чтобы управдом не вышел в это время во двор, к нему в контору пробираются три лазутчика и начинают усиленно благодарить за помощь в сборе металлолома.

Ворота оказались тяжелыми, и вряд ли кавалеристы даже при помощи возчика, добродушного, здорового старика, сумели бы справиться с ними, но в это время шел по улице лейтенант милиции Кашкин, увидел суетившихся возле ворот пионеров, поинтересовался, что они делают. Оказалось, делают хорошее, доброе дело: собирают металлолом.

— Решено сдать эту рухлядь в переплавку, — сказал Березин, небрежно похлопав по воротам ладонью и внимательно следя за выражением лица участкового. — По нашим подсчетам, из этого лома выйдет два новеньких мотоцикла. Знаете, таких ижевских, для ОРУДА.

— Молодцы, ребята! — похвалил Кашкин, давно уже грозившийся оштрафовать управдома за то, что ворота мешают движению и портят вид.

— Так, значит, вы одобряете? — воодушевился Березин.

— Полностью и категорично. На эти ворота уж сколько жалоб было! Одна женщина ногу вывихнула из-за них. Давайте-ка я помогу вам. — И с этими словами, ухватившись за ворота, лейтенант стал командовать: — Раздва, взяли! Еще раз, дружно!

А через три дня в школу пришел разгневанный управдом и, стоя посреди учительской, стал спрашивать, чему здесь учат детей.

— Дал я вашим юным пионерам по совести, по-хорошему старое кровельное железо, — огорченно говорил он, — подводу для транспортировки дал, а они еще самостоятельно ворота прихватили. А у меня вторую половину привезут завтра с завода.

Майя Васильевна сразу догадалась, что это дело рук Березина. Только вчера выяснились обстоятельства сдачи в металлолом райпищеторговской тележки. Пионеры тут были ни при чем. Ими руководил старшеклассник, комсомолец. И то, что все эти неприятности вели лишь в одну сторону, к дверям руководимого ею класса, бросали тень не только на учеников, но и на нее, классного руководителя, было мучительно больно.

Вызвали Березина. Он не стал оправдываться, извиняться, просить прощения, то есть не поступил так, как следовало бы поступить, по мнению Майи Васильевны, хорошему, уважающему себя, коллектив класса, педагогов, честь школы ученику.

— Да какие это ворота! — по обыкновению добродушно улыбаясь, сказал Березин. — Ворота состоят из двух створок — раз,— и он начал не спеша перечислять, загибая пальцы,— висят на петлях — два, закрываются и открываются — три. А тут всего одна половинка, без петель, такая ржавая, что за нее даже руками браться было противно. Стояла она возле стены, мешала пешеходам. Вообще металлолом. Женщины ноги ломали. Скажете, нет? — спросил он у управдома.

— Это какой-то разбой, — оглядев притихших учителей, упавшим голосом сказал управдом и пошел прочь.

Майя Васильевна, совсем уже раскрасневшаяся от гнева и обиды, глядела на Березина долго, тяжело и, наконец, проговорила таким же усталым, как и управдом, голосом:

— Идите.

— Есть! — весело сказал Березин.

«Будет ли конец моим мучениям? — глядя ему вслед, думала Майя Васильевна.— Почему именно в моем классе должен был появиться этот несносный парень? Во что это выльется, кем он станет, что получится из него?»

...В девятом классе проходили Чехова «Вишневый сад». Майя Васильевна любила Чехова, который был представлен в программе для старшеклассников больше как драматург, хотя, по мнению Майи Васильевны, говорить о нем надо бы прежде всего как об авторе «Невесты», «Ионыча» и других рассказов. Но Майя Васильевна привыкла к тому, что надо заниматься с детьми только так, как требуется в программе, ни в коем случае не выбираться за ее рамки, хотя бы из-за того, что все рассчитано по часам и на другое не

хватит времени. Да и из районо требовали точного соблюдения программы, запрещали какой-либо отход от нее. Эти требования казались Майе Васильевне закономерными, дисциплинирующими учеников, приучающими их думать и развивать свои мысли в определенном направлении, видеть главное, необходимое, а не разбрасываться. Она сама любила точность, порядок, опрятность, последовательность и охотно придерживалась этих правил.

Носителем передового, прогрессивного в пьесе «Вишневый сад» был студент Петя Трофимов. Так говорилось в учебнике, так считала Майя Васильевна, так должны были отвечать и ученики. Однако все тот же Березин вдруг заявил, что он не согласен с этим мнением, что Трофимов только болтает о прекрасном будущем, но ничего не делает для того, чтобы оно настало, что он вроде горьковского Луки только мутит воду и еще неизвестно, что из него получится. Из такого болтуна, как Трофимов, скорее всего может выйти представитель той русской интеллигенции, которая отшатнулась от революции в 1905 году.

Весь этот сумбур, запальчиво высказанный им, взбудоражил класс. Все зашумели, заспорили, а Майе Васильевне показалось, что Березин сделал это нарочно, чтобы сорвать урок, внести неразбериху, сумятицу в то стройное единомыслие, которое до этого царило в классе и было приятно ей. Майя Васильевна вспыхнула и в гневе поставила Березину тройку. Это была единственная его тройка. Учился он легко, свободно, как он сам говорил, запросто.

Майя Васильевна надеялась, что в переменку Березин подойдет к ней, станет просить, чтобы она исправила отметку, признает свою ошибку, то есть сделает так, как сделала бы сама Майя Васильевна, будь она на его месте. Но Березин, она увидела это по его спокойному лицу, и не думал о чем-либо просить ее. И неприязнь к нему стала еще ощутимее.

Но вот наступили экзамены.

В девять часов солнечного, совсем уже полетнему теплого майского утра в школе раздался последний звонок. В физкультурном зале возле настежь распахнутых окон, за которыми шумела городская улица и по-весеннему радостно слышались «и говор народа и стук колеса», нарядной шеренгой выстроились десятиклассники, а вдоль противоположной стены с букетиками цветов в напряженных, теплых от усердия ладонях стояли девчонки и мальчишки из первых классов. В дверях и за спинами первоклассников толпились учителя и родители. Все были приятно возбуждены, и директор школы, старый педагог, много лет участвовавший в таких церемониях, сам того не замечая, тоже поддался общему настроению и произнес взволнованную и прочувствованную речь о широких дорогах в мир, открывающихся перед выпускниками. Потом выступил первоклассник и торопливо, но очень складно, словно читал стихи, громко заверил выпускников, что первоклассники будут достойной сменой, а в это время учительница, стоявшая в толпе родителей, написавшая для него и учившая с ним эту речь, с довольным лицом отбивала ногою такт.

Все было очень хорошо, и лишь когда первоклассники гурьбой побежали через зал вручать выпускникам букеты сирени и ландышей, произошло небольшое замешательство, которого, впрочем, никто, кроме Майи Васильевны, не заметил. Большая группа мальчишек вдруг ринулась в ту сторону, где стоял Саша Березин. Толкаясь, суетясь, наседая друг на друга, не обращая внимания на других выпускников, мальчишки изо всех сил старались вручить ему свои букетики, пока он, добродушно улыбавшийся во все круглое курносое лицо, не начал, словно от комаров, отмахиваться от них веткой сирени.

Майя Васильевна полагала, что за пять лет Березин испортил ей достаточно крови, и то, что мальчишки теперь, как казалось ей, некстати, бестактно проявили к нему столько чувств, смутило и расстроило ее.

Церемония последнего звонка кончилась, выпускники поднялись на третий этаж и быстро разошлись по классам. Коридоры опустели. В школе наступила тишина.

В десятый «А» класс вместе с Майей Васильевной вошли директор, заведующий учебной частью, представитель районо, ассистент Майи Васильевны, и пока они вскрывали конверт, с треском ломая сургучные печати, чтобы узнать и объявить ученикам темы сочинений, класс, притихший, взволнованный, следил горячими глазами за тем, что делали учителя, а девушки, не будучи в силах сдержать волнение, то и дело охали и вздыхали.

Наконец конверт был вскрыт. Темы оказались интересными, знакомыми, по классу прокатился вздох облегчения, выпускники задвигались, захлопали крышками парт.

— Ур-ра! — сказал кто-то отчетливо и громко.

Майя Васильевна нахмурилась.

«Это, конечно, Березин, — подумала она. — Но ничего. Пять лет я несла эту муку. Скоро расстанемся».

И когда шел экзамен, последний по литературе, самый длинный — на весь день, и ученики писали последние школьные сочинения, Майя Васильевна все думала о Березине, о том, как пять лет он терзал ее своими выходками, умышленно делая все наперекор ей. И сегодня ее удивило, что первоклассники именно к нему, а не к кому-нибудь другому проявили столько симпатии.

«Почему они так привязаны к Березину? — думала она. — Ведь от него, когда он дежурил по школе, им больше всего доставалось. Он не делал, как другие, строгих внушений, не отводил шалунов к учительнице, а, растаскивая их, щелкал по лбу, давал подзатыльники; они ежились, чесались, гримасничали от боли, а результат невероятный: мальчишки не чают души в нем. Где же тут логика?»

И потом в течение дня она еще несколько раз возвращалась мысленно к Березину. Так ей вдруг пришло в голову: «А ведь он, наверное, знает о моей неприязни к нему».

От этой мысли ей стало досадно, неловко, она тревожно, пытливо посмотрела в ту сторону, где сидел, склонясь над партой и широко расставив локти, Березин.

«Конечно, знает,— продолжала она,— он не может не знать, он потому и поступает всегда по-своему, что знает, как я думаю о нем. Однако что же с ним будет дальше?»

Ученики тем временем стали заканчивать свои работы. То один, то другой подходил к столу, сдавал тетрадку Майе Васильевне и покидал класс. Закончил сочинение и Березин. Положив перед учительницей старательно исписанные листки, он замешкался около стола.

У него не было ни отца, ни матери, умерли они давно, когда он учился еще в третьем классе. Все это время он воспитывался у деда, старого рабочего-инструментальщика. Саша считал Майю Васильевну строгой, но справедливой учительницей и очень уважал ее за то, что она уделяла ему столько внимания, сколько ему никто, с тех пор как умерла мать, не уделял. Он хотел поблагодарить Майю Васильевну за то, что была так терпелива с ним, за то, что учила, вообще за все, но Майя Васильевна строго поглядела на него, и он только улыбнулся ей. Улыбнулся с той простодушной откровенностью, с какой постоянно и упрямо жил он все эти годы, огорчая, раздражая и возмущая ее.

2. ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ

Мать была против того, чтобы Зоя, очень еще молодая, с толстой русой косой, серьезными серыми глазами и ямочками, возникавшими на крепких румяных щеках всякий раз, когда она начинала смеяться, стала женою Лазутина.

— Не будет у тебя жизни с этим нескладным парнем, помяни мое слово, Зойка, не будет! — говорила она.

Но Зоя не послушалась матери.

Зажили молодые дружно, душа в душу, а мать все твердила свое. Лазутин знал, что теща не любит его, глядел на Зою добрыми, преданными глазами и беспокоился лишь о том, чтобы она не волновалась, а Зоя в ответ обычно с беззаботностью трепала его густые, жесткие волосы, и он подолгу бродил безобразно всклокоченный, пока Зоя не говорила:

— Причешись, пожалуйста. Ты похож на Мефистофеля.

Валентиново, куда получил назначение Лазутин после института, чуть не по печные трубы спряталось в вишневых садах. Вишни было так много, что ее раньше целыми полуторками вывозили продавать в областной город. После того, как здесь построили завод, вместо вишни стали вывозить рельсы, тавровые балки, швеллера, стальные листы, проволоку, фасонное литье, канаты, тросы, и теперь в области всюду говорили о валентиновском прокате так же, как когда-то говорили о вишне: хвалили.

Завод, как начал строиться во время войны, так с того времени и рос без остановки, и хотя в войну рядом с ним выстроили большой барачный поселок, который теперь окружали четырехэтажные кирпичные дома с балконами и эркерами, в Валентинове было тесно. На завод прибывали новые люди, и казалось, сколько ни строй, здесь будет постоянный жилищный кризис, и бараки, портящие своим видом весь пейзаж, проторчат возле завода до самого коммунизма, набитые людьми, как московские троллейбусы.

Лазутины приехали летом, в полдень. Зоя долго сидела с чемоданами на платформе, оглядывая старый деревянный вокзал, водокачку с мокрым брезентовым шлангом, запасные пути, платформы, груженные рельсами и балками, и ждала Лазутина, укатившего на завод в дребезжащем и скрипучем автобусе. И оттого, что ей теперь придется жить здесь долго, быть может, до самой смерти, и назло матери они будут жить очень дружно, все казалось ей очаровательным и милым.

Лазутин вернулся под вечер.

— С работой все в порядке, — сказал он, садясь рядом с Зоей на чемодан. — Я буду стажером у начальника смены в лентопрокатке. А насчет квартиры...

— Пожалуйста, не воображай, я нисколько не волнуюсь, — взглянув на его расстроенное лицо, поспешно сказала она.

— У них сейчас жилищный кризис, — вздохнул Лазутин. — Но когда будет готов новый дом, может быть, осенью...

— Ну и что же, подождем до осени. — Зоя потрепала его волосы. — Причешись!

Они нашли комнату в маленьком домике с палисадником. Хозяйку, толстую, с мощными руками тяжелоатлета, ходившую вперевалку и дышавшую при этом, как паровоз, звали тетей Раей. Она сразу же сказала:

— Чтобы в саду ничего не рвать без спросу. Я этого не люблю. Если потребуется редиски там, вишни, я лучше сама продам. А то не люблю. И еще детей маленьких не люблю. Особенно грудных. Они кричат, раздражают нервы, это вы учтите. — Она внимательно и подозрительно оглядела Зою, которая подумала, что тетя Рая, наверное, живет на свете только для того, чтобы рассказывать, чего она не любит. Словно в подтверждение ее мыслей тетя Рая продолжала: — Я не люблю, когда жильцы мебель передвигают по-своему. Все как стоит, так и должно стоять.

В комнатке, которую она сдавала, едва помещалась скрипучая, унылая кровать, кухонный стол и два стула. Передвигать было и нечего и некуда.

Работа у Лазутина была, как говорили в цеху, не бей лежачего, потому что все делал сам начальник смены Жилкин, маленький, лысый, с черными, бойкими, как у мыши, глазками, удобно поглядывавшими на людей с морщинистого лица, и так небрежно побритого, словно волосы на лице он подстригал ножницами. Было известно, что он не очень грамотен, пробовал повысить образование, половину прошлой зимы проходил в пятый класс вечерней школы рабочей молодежи, но, разозлясь, бросил: наука в пятьдесят шесть лет не давалась. Тем не менее про него говорили, что дело свое он знает правильно.

Работать начальником смены ему было трудно, он много раз просил перевести его в вальцовщики, знал, что от этого он не потеряет, а выиграет, так как отвечать надо будет уже не за смену, а только за себя, и зарабатывать он будет даже больше; однако, когда прислали стажера, ему вдруг до боли в сердце стало жалко расставаться с руководящей должностью или, как он говорил, с мундиром, хотя никакого мундира у него, конечно, не было.

Жилкин вел свою линию хитро, всюду хвалил стажера, говорил, что скоро сдаст ему обязанности, уйдет в вальцовщики, но вот уж и зима наступила, а он даже пальцем о палец не стукнул для того, чтобы стажер скорее принял от него смену.

Зима выдалась крепкая, морозная, под окнами намело большие сугробы, бревенчатые стены трещали по ночам от пробиравшей их стужи. Жить у тети Раи было скверно, неуютно, тесно, холодно. Печь она топила так, что кирпичи едва прогревались, и уверяла, что много топить вредно для здоровья: воздух в доме должен быть свежий. «Я не люблю, когда жарко», — говорила она, но спала на теплой лежанке.

Дом, в котором Лазутины надеялись получить квартиру, все еще строился, но Зоя написала матери, что Лазутин уже работает начальником смены, что смена его самая лучшая в цеху, на заводе их очень хорошо встретили и предоставили квартиру из двух комнат.

Как-то Жилкин забюллетенил, Лазутин остался один, и за эти две недели все измучились: и сам стажер, и начальник цеха, и мастера, и рабочие. То никак не могли наладить стан, то вечерняя смена не оставила задела, то в травилке кончилась кислота, то ни с того ни с сего начинала гореть лента, то выяснилось, что сбили всю бронзу, то раскололи кольцо. Смена, считавшаяся лучшей, вдруг по всем показателям очутилась на последнем месте. Но стоило Жилкину прийти в цех — и все, даже незаметно как, само собой вошло в обычное русло и работа выровнялась словно только оттого, что Жилкин, потолкавшись возле стана, приложил палец к конусу с одной сто-

роны, приложил с другой, прислушался и велел дать принудительное масло.

Хотя Жилкин и после этого продолжал расхваливать Лазутина, всем в цехе было теперь ясно, что стажер — бестолковый и беспомощный человек. И тогда Лазутин решился наконец пойти к директору завода Ильичеву и рассказать, что в цехе он вроде мальчика на побегушках, по сути говоря, ничего не делает и что если все это будет продолжаться, ему никогда не стать начальником смены.

Ильичев, про которого говорили, что он хозяин на заводе, что он добр-добр, да не для всякого, встретил Лазутина хмуро и, выслушав, сказал:

— Когда мы назначали вас в лентопрокатку, вы, насколько я понимаю, не возражали, охотно согласились. Попали вы к одному из лучших наших практиков, вам нужно как можно больше узнать у него, а вы бежите. — Ильичев был убежден, что Лазутин просто-напросто испугался трудностей. — Правда, характер у Жилкина скверный, — продолжал Ильичев, — но поучиться у него есть чему. Другие начальники смен за месяц сжигают по два, по три опорных валька, а у него люди почти целый год работают, не меняя оборудования стана. Сколько у вас полетело вальков, когда вы оставались за него?

— Два, — признался Лазутин.

— За две недели. А каждый валек стоит восемь тысяч рублей. — Ильичев вздохнул и продолжал: — Переведем мы вас, предположим, в сталепроволочный, а через полгода вам и там что-нибудь не понравится — и пошел молодой инженер гулять по заводу, нигде не уживаясь, не принося ни себе, ни предприятию настоящей, какой все мы ждем от вас, пользы. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю, — помрачнел Лазутин.

— У вас ко мне больше ничего нет?

— Нет, — еще сумрачнее сказал он и пошел к двери, бросив на ходу: — До свидания.

В середине зимы Зоя почувствовала себя матерью. Она сказала об этом Лазутину почему-то шепотом, жарко дыша ему в самое ухо, хотя тети Раи не было дома.

С тех пор что-то неуловимо изменилось в ней, она уже постоянно была не такой, как прежде, и счастливый свет, однажды возникший в ее глазах, не угасал больше ни на минуту, и то, что она ближе к родам подурнела (у нее припухли губы, нос), не портило, а, наоборот, усиливало сияние ее глаз.

Весной стали наконец распределять квартиры, но Лазутиным ничего не досталось, потому что вдруг возникла необходимость сломать три барака, чтобы расширить заводскую территорию.

Лазутины продолжали ютиться у тети Раи, которая с каждым днем стала все внимательнее присматриваться к Зоиному животу и постоянно намекала, что она не любит маленьких детей, особенно грудных. А Зоя в это время писала матери, что старушка, живущая у них по соседству, только и мечтает, что понянчить ее ребенка.

В октябре Лазутин принял наконец смену у Жилкина. Тот так расстроился, что даже перестал здороваться с бывшим стажером, и Лазутин, встречаясь с ним, чувствовал себя очень стесненно, словно украл у Жилкина что-то очень дорогое ему.

В тот день, когда Зою отвезли в родильный дом, тетя Рая отказала Лазутиным в комнате. А найти другую квартиру было не так-то легко: комнаты охотнее всего сдавали одиноким и бездетным — и Лазутин опять пошел к Ильичеву, который недовольно, поучительно сказал ему:

— Человек вы молодой, можно сказать, только вступаете в жизнь, на заводе работаете всего лишь год, а вот приходите ко мне второй раз, и все у вас одно и то же: только о себе, о своих интересах.

— Но нам негде жить, — смутился Лазутин. — На частной квартире нам отказано.

— Вы ведь не один живете у частников. Мы строимся, но пока не решим жилищного вопроса, кто-то всегда будет недоволен, стеснен. — Ильичев когда-то, еще в годы первой пятилетки, сам жил в бараке, за ситцевым пологом. Теперь у него была большая, просторная квартира. И поскольку он давно уже пользовался такими квартирами, то неудобства, теснота, скученность в крикливом бараке забылись, а сохранилось лишь хорошее воспоминание о героизме, мужестве, самоотверженности тех лет.

Товарищу

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Нам щедро жизнью розданы
Просторы всех дорог.
О, чистый воздух Родины,
Живительный глоток,
Как в знойный день, пылающий,
В пустыне в час беды
На двух друзей-товарищей
Один глоток воды!

Дымок костра рыбачьего
Делил с тобой Байкал.
У горна у горячего
Ты горький дым глотал.

Вдыхал ты воздух тающий,
Ты ветер пил хмельной
Акаций, расцветающих
Над бугскою волной.

И липы ярославские
С душевной добротой
Тебе дарили ласковый,
Медовый свой настой.

Под Ржевом в час решительный
Ты пил, пройдя сквозь ад,
Земной, живой, живительный,
Бессмертный аромат!

Ты шел маршрутом северным,
Плыл мимо южных мест,
Вдыхал норд-ост умеренный
И дружеский зюйд-вест.

Для блага человечества
Ты жил в бою, в труде...
Нам сладкий дым Отечества
Необходим везде!

Подумав, он сказал:

— Через год — полтора вы получите квартиру.

— Нет, я так не могу. Что хотите, я не могу! — Лазутин покраснел от волнения. — Лучше отпустите меня, дайте мне расчет, я уеду домой.

Ильичев пристально, тяжело поглядел на него из-под припухших век. Он, как казалось ему, начал понимать тот дальний смысл, к которому теперь должен был неизбежно и тонко свестись этот начатый Лазутиным разговор: дело было не в квартире. Лазутин собрался бежать с завода. А с такими людьми Ильичев еще с первых пятилеток был крут: слишком много он видел на своем веку и летунов и рвачей.

— Целый год мы здесь нянчились с вами, терпеливо ждали, когда вы соизволите наконец стать полноценным инженером, — горько усмехнувшись, сказал он.— Тратили на вас средства, получая от вас дырку от бублика. И после всего этого отпустить вас на все четыре стороны? Нет, не выйдет! Выбросьте это из головы. Сами уедете — партбилет отнимем. Люди на целине по два года в землянках, в палатках жили.

В глазах Лазутина пошли круги. Он стиснул зубы и, уже боясь, что сейчас может произойти что-то ужасное, противное, стыдное: он закричит, бросится с кулаками на этого невозмутимого человека,— круто повернулся и не спеша, опасливо и расчетливо следя за каждым своим шагом, пошел прочь.

Все последующие дни он извел на то, чтобы найти новую комнату.

Но старания его были напрасны. И тогда было решено, что Зоя уедет в Москву, а Лазутин переселится в общежитие. Он представил, как обрадуется случившемуся теща, и застонал от отчаяния. Что теперь станет с ними, он не знал. Тоска, ожесточение, обида, злость охватили его, когда он понес Зоины чемоданы на вокзал.

Давно уже стояла холодная осень, и небо, и тротуары, и облетевшие деревья, и стены домов — все кругом было уныло, мокро и повечернему серо, хотя часы показывали только час дня. Шляпа его была сдвинута на затылок, воротник пальто поднят, но полы не застегнуты. Он шел усталой, неверной походкой измученного человека и, казалось, не замечал ни дождя, ни встречных людей.

Он уже не просил Зою, чтобы она не волновалась. Да и у Зои не хватило бы сил заверить его, что она нисколько не волнуется. Случившееся напугало их, отравило сознание, и они боялись заговорить друг с другом, чтобы не произошло чего-нибудь еще более худшего. Только уже в вагоне, прощаясь, с болью поглядев ему в глаза, Зоя вяло потрепала его волосы в последний раз. Но это не принесло ему, как бывало раньше, утешения.

До отхода поезда оставалось пять минут. Лазутин вышел на перрон и стоял у вагона, с грустью и нежностью глядя на Зою добрыми, преданными глазами. Зоя, кусая губы, чтобы не расплакаться, кивала ему, что-то говорила, но что, он никак не мог ни расслышать сквозь стекло, ни понять по ее губам, и от напряжения лицо у него было, как у глухонемого.

Налетал порывистый, холодный ветер, беспросветные тучи лохматились и летели над самыми крышами быстро, словно напуганные, и беспрестанно, расслабленно моросили дождем, а Лазутин даже не замечал, что пальто у него расстегнуто, шляпа сдвинута на затылок, что он озяб.

Не заметил он и Жилкина, вдруг очутившегося возле него с кошелкой в руках, в которой лежали хлеб, кочан капусты и большой красный кусок мяса.

— Ты это чего же тут делаешь? — дружелюбно спросил он у Лазутина, по обыкновению глядя на него, склонив голову набок и снизу вверх.

— Жену провожаю, — холодно сказал Лазутин.

— А я на базар ходил и завернул сюда пивка выпить. Гляжу, знакомый человек стоит. — Он поглядел своими маленькими, ставшими после пива еще оживленнее, добрее глазками на окно, за которым стояла Зоя, и спросил: — Развелись?

— Нет, нам негде жить. Родился ребенок, хозяйка нам отказала. — Лазутин отвечал через силу.

— Еще чище! — воскликнул Жилкин. — Иди к директору.

— Был, — вздохнул Лазутин.

— Отказал?

— Да.

— Скажи на милость, совсем забюрократился человек! А ты вот что, — вдруг предложил он, — пойдем ко мне. Поместимся на первый раз. Бабы будут спать на кровати, мы с тобой раздвинем диван, люльку к потолку подвесим. Ребятишки у меня не то чтобы смирные, но ничего, к ним можно по нужде привыкнуть.

— Спасибо, что вы! — сказал Лазутин дрогнувшим голосом.— Вам и без меня тесно.

— Ничего, мы тебе комнату через партком выцарапаем. Ты ходил туда?

— Нет. Зачем же партком путать в это дело?

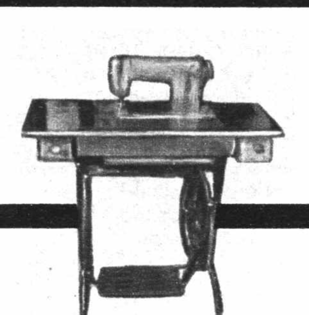
— Экий ты, право! — поморщился Жилкин. — На-ка, подержи. — Он сунул в руки Лазутину свою кошелку, и не успел тот опомниться, как Жилкин уже был в вагоне, стаскивал Зоины чемоданы с верхних полок.

Скоро они уже шли к выходу с перрона, и у Зои, бережно прижимавшей к себе ребенка, по щекам текли слезы.

— Не надо, Зоя, — нахмурясь, сказал Лазутин. — Люди видят.

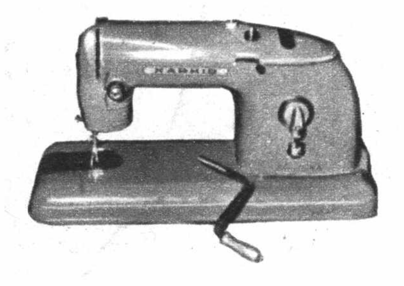
— Пусть, — ответила она, всхлипнув и не вытирая слез. — Пусть видят. Я ведь не от горя плачу.

РАССКАЗ О ШВЕЙНЫХ МАШИНАХ



С. СИНЕЛЬНИКОВ

Фото Риммы ЛИХАЧ.



Тульский оружейный завод полностью свернул военное производство. Это может показаться странным. Ведь созданный еще во времена Петра I, завод почти два с половиной столетия славился как мощный армейский арсенал. В его стенах туляки из поколения в поколение изобретали, совершенствовали, изготовляли оружие и только оружие, в том числе знаменитую мосинскую винтовку. Все же факт остается фактом: я обошел все цехи, но не увидел и признаков какой бы то ни было военной продукции.

Теперь завод делает... швейные машины. Он реконструирован, оснащен специальными станками. Потомственные оружейники обрабатывают челноки, шпульки и игловодители так искусно, словно всю жизнь только ими и занимались.

И вот они, собранные воедино четыре сотни деталей. На столе контролера ОТК — отливающая зеркальным лаком салатного цвета машина с раскидистой надписью: «Тула». Включен мотор, и кусок ткани покрывается то прямой, то зигзагообразной строчкой. Безотказно подчиняясь контролеру, «Тула» затем обметывает петли, пришивает пуговицы, выводит узоры, штопает ткань, покрывает ее рисунками из разноцветных ниток...

До двенадцати операций можно делать на «Туле». Она к тому же легка, портативна, свободно умещается в небольшом футляре-чемодане.

В этом году завод выпустит 120 тысяч таких машин, а в будущем году — гораздо больше, притом не только электрифицированных, но также с ручным и ножным приводом.

В производство бытовых швейных машин втянулись не одни лишь туляки. Ржевский завод имени Г. И. Петровского теперь делает портативную машину «Волга». Подобную модель освоил Харьковский завод швейных машин. Она так и называется — «Харьков». Еще раньше наладил выпуск швейных машин завод «Красный Октябрь» в Орше. Эти три предприятия дадут в нынешнем году 130 тысяч бытовых швейных машин.

Группа рабочих и техников сконструировала в Краснодаре ножную машину «Кубань». Пока не решено, где ее будут делать, но пробный экземпляр специалисты хвалят.

Сконструирована еще одна модель — «Кама». Электрифицированная, она имеет и ручной привод. На ней можно делать больше двадцати операций. Выпуск ее поручен заводу имени Ф. Э. Дзержинского в Молотове.

Но главный поставщик машин — Подольск.

О хорошо известной всем машине с маркой «ПМЗ» нередко говорят так: «Ты жива еще, моя старушка». Причем напоминают, что на подобных машинах наши прабабушки шили приданое нашим бабушкам.

Колкие остроты по адресу «старушки» понятны. Но она давно себя зарекомендовала, и нужда в ней огромна. Поэтому выпускающий ее ПМЗ — Подольский механический завод имени М. И. Калинина — упорно стремился поспевать за идущим в гору спросом. А с освоением современных моделей пришлось подождать, пока удастся обновить технику: оборудование ПМЗ устарело.

Теперь здесь проводится коренная реконструкция, благодаря которой мощность завода достигнет 2,5 миллиона бытовых швейных машин в год. Для домохозяек изготовляется уже не только «старушка». Сконструирована машина «Подольск». Она столь же проста в обращении, как прежняя, но в ней меньше деталей, и все они переведены с английской на метрическую систему мер, что упростит ремонт. Она легче прежней на два с половиной килограмма, не так шумит. Изящней стала форма. Первые тысячи «Подольска», которому предстоит полностью вытеснить «старушку», уже сошли с конвейера.

Однако и «Подольск» к концу пятилетки потеснится, чтобы дать место другим новинкам. Возможно, что первой из них будет машина, еще не имеющая названия и именуемая просто «моделью 111». На ней легко выполнять различные отделочные работы, и, судя по первым пробным экземплярам, она понравится даже самым требовательным портнихам.

А пока львиную долю из 2,2 миллиона машин, выпускаемых заводом в 1957 году, составляют прежние «ПМЗ».

Да, они есть, швейные машины — хорошие и разные. Но...

Правительство заблаговременно обязало машиностроительную промышленность изготовить для ПМЗ шестьсот тридцать специальных станков, а получено менее четырехсот, хотя все сроки миновали. Еще хуже то, что не все новое оборудование удалось ввести в действие.

Как правило, каждую сложную деталь последовательно обрабатывает ряд станков, образующих «технологическую цепочку». Если отсутствуют хотя бы два — три станка, нужных по технологической схеме, «цепочка» обрывается, она уже неполноценна или вовсе неприменима. На ПМЗ набралось десять рваных «цепочек», и многие звенья их разбросаны по заводскому двору. Эти «звенья» — мощные станки, иные величиной с дом. Они обиты досками, уже почерневшими от времени. Легко понять, почему подольчане с горечью говорят о беде, именуемой в производственном обиходе некомплектными поставками.

Среди должников ПМЗ несколько крупных заводов Главстанкопрома. Работники ПМЗ чуть ли не ежедневно наведывались в этот главк. Но суть и итог их переговоров и споров легко уложить в примитивный диалог:

ПМЗ. Когда вы наконец изготовите заказанные станки?

ГЛАВК. У вас нет фондов, и мы в план на 1957 год эти станки не включали.

ПМЗ. Но вы должны были сделать их еще в прошлом году!

ГЛАВК. Что с возу упало, то пропало. Достаньте новые фонды.

ПМЗ. Верно, фондов у нас не хватает, но зато есть решение правительства, обязывающее вас делать станки для нас!

ГЛАВК. А мы без фондов не можем!

Вина ли тут одного лишь Главстанкопрома или также и планирующих организаций, но диалог этот безрезультатно повторяется.

Примерно то же происходит и в других ведомствах, которые замедляют реконструкцию ПМЗ, мешают его работе.

В прошлом году ПМЗ, неплохо поработав, все же недодал много самых нужных швейных машин — ручных.

— Это произошло из-за шпона.

Пояснение работников ПМЗ представлялось поначалу нелепым. Ведь шпон — это всего-навсего тонкие листы древесины, из которых делают клееные колпаки для ручных машин. Но документы подтвердили, что так оно и было. Фанерные заводы и комбинаты чаще всего поставляли второсортный шпон. Подольчанам приходилось затрачивать много труда, хитрить, чтобы устранять или хотя бы замаскировывать дефекты в древесине. Поступала она нерегулярно, запаса ПМЗ не имел. А главное, шпона отпустили гораздо меньше, чем требовалось.

Все идет по-прежнему и ныне.

Так создается разрыв между огромными возможностями, которые государство предоставляет ПМЗ, и тем, что практически достигается. Работники завода твер-

— Мы купили тульские машины, шьем вместе и очень довольны! — говорят соседки по квартире москвички Лидия Ляснникова (слева) и Елена Зубцовская.

до верят: при новой системе управления промышленностью разрыв будет ликвидирован.

Но есть на пути машинок и другие рогатки...

В мастерскую гарантийного ремонта при ПМЗ вошла озабоченная девушка:

— Машина плохо продвигает материю...

Правда, в руководстве написано, как устранить эту неисправность, но девушка не решалась сама что-либо делать. Механик подвернул винтовую втулку, и все пошло на лад.

Вскоре явилась колхозница, проделавшая на лошадях тридцатикилометровый путь, чтобы сердито пожаловаться:

— Была у меня раньше машина — она в войну пропала, — так я на ней полжизни шила без мороки, а эта и стежка не сделает...

Машина, выяснилось, работает нормально. Старушка просто не заглянула в руководство и не знала, что теперь нитку вдевают в иголку не слева направо, а наоборот.

В большинстве случаев не понадобилось бы носить или возить машины в мастерскую гарантийного ремонта, будь культура торговли повыше.

Вспомним, как это делалось в довоенное время. Швейную машину продавали лишь после того, как ее опробуют на различных тканях в присутствии покупателя, не скупясь на подробные наставления. Если потом она все-таки капризничала, покупатель обращался туда, где купил ее. Продавец или механик магазина, бывало, покопается в ней, подтянет какую-то гайку, ослабит какой-то винтик да еще вновь пояснит, что к чему, и все в порядке на долгие годы.

Теперь же во множестве магазинов машину даже не очищают от антикоррозийной смазки, больше того, не распаковывают, не показывают покупателю. Продажа идет по способу: «Давай чек, бери товар и уходи».

Естественно, что возникает много претензий. Но к претензиям иные торговые работники относятся с таким пренебрежением, что просто диву даешься.

Вот клочок бумаги. На нем написано: «Нижн. Таганская площадь, 88» — адрес московской мастерской ПМЗ. Бумажка стоит того, чтобы рассказать о ней. Я взял ее у одной пенсионерки. Обнаружив дома, что в новой машине шпулька не вынимается из шпульного колпачка, старушка поспешила с окраины, где живет, на 2-ю Тверскую-Ямскую, в магазин, где была куплена машина. Там ее встретили без всякого намека на приветливость и ничем не помогли, хотя устранить неисправность на месте было легче легкого: надо было повернуть чуть-чуть влево винт на колпачке. Вместо того, чтобы это сделать, механик магазина — механик! — сунул покупательнице бумажку с адресом, заставил старого человека колесить и дальше по огромному городу в поисках гарантийной мастерской.

Это в Москве. На периферии — за некоторыми исключениями — и того хуже. Имеется ли действительно дефект, нужна ли простая отладка или это только показалось покупателю по неопытности, он в магазине чаще всего толку не добьется. Тогда он возит машину в такси или таскает ее в мешке за плечами, ища, где бы воспользоваться своим правом на бесплатный гарантийный ремонт.

Но практически право это мнимое, если не говорить о Москве и близлежащих местностях.

Почему? Между торговыми организациями и ПМЗ тянется долгий спор. Торговые работники считают, что ПМЗ должен открыть свои гарантийные мастерские во всех больших городах, а в остальных заключить договор с местными металлоремонтными предприятиями. ПМЗ открыл лишь две мастерские и не заключил ни одного договора. Спор продолжается.

В нашей стране тысячи городов. Производством швейных машин занимаются уже несколько заводов. И вряд ли целесообразно, чтобы все они открывали свои гарантийные мастерские, вступали в договорные отношения с тысячами металлоремонтных предприятий. К тому же в продаже имеются и импортные швейные машины, нуждающиеся порой в гарантийном ремонте. Думается поэтому, что всего лучше, если заботу о машинах на весь гарантийный срок возьмут на себя торгующие ими магазины. Это заставит работников прилавка быть повнимательнее. Покупатель тогда будет избавлен от излишней беготни, зная лишь один адрес — адрес магазина, где купил машину...

Многие женщины не могут пользоваться своими швейными машинами только потому, что износилась или поломалась какая-нибудь рублевая деталь. Но ее не заменят в мастерской, нет ее и в продаже. В некоторых городах женщины охотятся за запасными частями к швейным машинам с меньшим успехом, чем таежные охотники за тиграми для зоопарков.

С начала нынешнего года ПМЗ снабжает торговую сеть запасными частями по-новому. Получает магазин для продажи тысячу бытовых швейных машин — ему автоматически присылают и стандартный комплект запасных частей. Значит, теперь все уладится? К сожалению, нет. По мнению торговых работников, комплект составлен без учета реальной потребности: ходовых деталей в комплекте мало, а редко выбывающих из строя — избыток. И вообще снабжение запасными частями незачем ставить в прямую зависимость от количества машин, поступающих в продажу. Например, в районах целины в 1956 году только торговой сетью Центросоюза было продано очень много швейных машин — свыше трехсот двадцати тысяч. А запасные части в этих районах нужны в сравнительно небольших размерах: старых-то машин у новоселов почти нет. В давно обжитых краях, наоборот, старых машин у населения куда больше, чем новых, и потребность в запасных частях особенно велика.

Бывает подчас, что нельзя шить и на вполне исправной машине: нет иголок. За ними женщины тоже вынуждены охотиться. В нынешнем году ПМЗ, единственный поставщик этой злополучной мелочи, получил наконец правильное задание. Он должен выпустить для продажи населению семьдесят миллионов иголок к швейным машинам, больше, чем когда бы то ни было. Значит, отныне все будет в порядке? К сожалению, такой гарантии нет. В быту теперь больше всего нужны иголки №№ 65 и 75. Но ПМЗ выпускает их мало, предпочитая делать «гвозди» — малоупотребительные иголки, пригодные лишь для толстых и грубых тканей.

— Чем объяснить эту вашу странную прихоть?

— Деньгами, — чистосердечно ответили работники ПМЗ. — Заводу платят одинаково за иголки всех номеров. А трудоемкость изготовления тонких иголок раза в полтора больше, чем толстых. Вот мы и гоним «гвозди»...

Еще одна несуразность удивляет, а то и возмущает многих. ПМЗ ежегодно выпускает сотни тысяч швейных машин с привинченными к ним моторами. Среди торговых работников этот электромотор получил хлесткую кличку: «Пришей кобыле хвост». И верно, для многих сельских покупателей мотор превратился в принудительную покупку. Вот приехавший в город колхозник зашел в магазин. В данный момент там имеются только электрифицированные машины. Но колхознику мотор на машине ни к чему. Как быть? Не уезжать же обратно с пустыми руками! И колхозник берет машину, зря переплачивая двести девяносто два рубля.

Стоит добавить, что нередко за порогом магазина уже «дежурит» юркий человечек:

— Хозяин, продай мотор.

— Охотно, — соглашается колхозник, готовый тут же избавиться от лишнего груза. — Сколько дашь?

— Четвертную.

— В своем ли ты уме?

Кончается тем, что колхозник все-таки отдает спекулянту мотор за двадцать пять — пятьдесят рублей.

Об этом знают и в магазинах и на ПМЗ. Почему же не продавать машину и мотор отдельно? Пусть мотор покупают только те, кому он нужен. Привинтить его к швейной машине сумеет любой продавец или же сам покупатель.

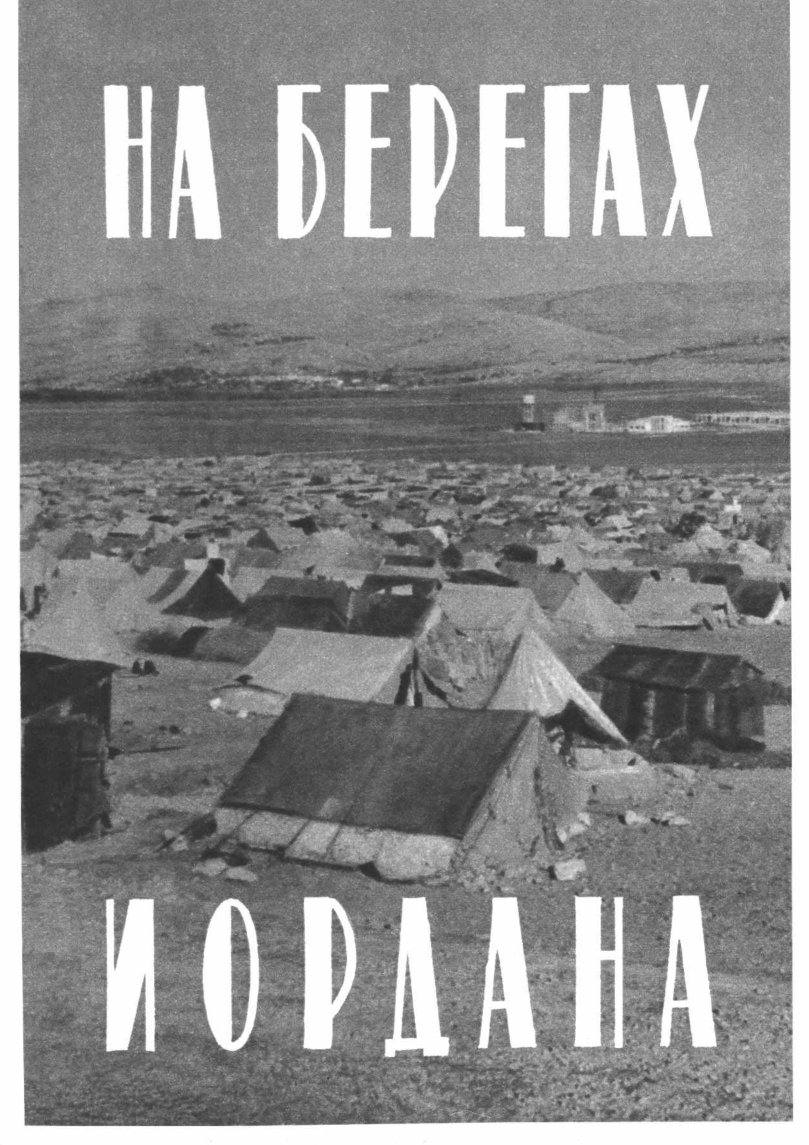
В сборочном цехе Подольского механического завода.

* * *

Производство бытовых швейных машин становится значительной отраслью промышленности. И жаль, что предприятия этой развивающейся отрасли разобщены, действуют в одиночку. Им мало помогают, их техническую политику никто не направляет.

Назрела необходимость собрать всех, кто участвует в производстве бытовых швейных машин, а также в продаже и ремонте их. Такая встреча, возможно, подскажет, как поступить, чтобы не приходилось возить эти машины за тысячи километров в Сибирь и Среднюю Азию. Вероятно, найдутся новые варианты кооперирования заводов: ведь не слишком разумно, что, скажем, моторы доставляются в Подольск почему-то из Томска. Безусловно, удастся решить, как лучше торговать швейными машинами и как их ремонтировать без хлопот для потребителя. При этом нужно, конечно, побольше прислушиваться к голосу женщин, узнавать, что им нравится и что не нравится в машинах, к чему должна стремиться промышленность.

Это облегчит выполнение большой задачи — дать населению в шестой пятилетке пятнадцать миллионов бытовых швейных машин, что значительно больше, чем их было выпущено советской промышленностью за последнюю четверть века.



Лагерь беженцев близ города Набулуса. Таких лагерей в Иордании двадцать пять.

НА БЕРЕГАХ ИОРДАНА

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Король

Деревянный помост покрыт ковром. На помосте стоит выкрашенное золотистой краской кресло с гербом на спинке. В кресле — молодой человек в европейском костюме. Галстук у него в крапинку, жидкие черные усики окаймляют пухлые губы. Это Хусейн — монарх Хашимитского Королевства Иордания. Вокруг стоят седовласые мужи, пожилые генералы при орденах. Среди них король кажется еще более юным. Ему 22 года. Он без видимого интереса слушает речи и, кажется, не знает, куда девать руки: то сложит их на животе, то подопрет щеку или раскинет на подлокотники.

Торжественная церемония по случаю Дня леса происходила во дворе средней сельскохозяйственной школы в Аммане. Военный оркестр сыграл гимн, король проворно посадил крошечную елочку в центре клумбы, совершенно затоптанной присутствовавшими на торжестве, и сел в очень длинную черную машину с королевскими флагами. Впереди и сзади нее стояли по два открытых военных автомобиля, густо уставленных пулеметами. Оглушительно взвыли сирены, и королевский кортеж двинулся ко дворцу. Позолоченное кресло положили на грузовик и повезли следом.

...Мы приехали в Амман вечером, а утром возникла серьезная проблема: с чего начать? Ни писем, ни адресов, ни каких-либо знакомых у меня, естественно, не было, равно как не было никакого представления об обычаях и порядках этой страны. Рассудительный доктор Таг сказал, что, пожалуй, нужно прежде всего нанести визит во дворец и расписаться там в книге. Я надел черные башмаки и поехал.

Машина остановилась у высоких железных ворот с гербами. Из полосатой будки вышла стража: кто, зачем? Начальник караула кому-то позвонил, и вскоре ворота открылись, и мы поехали дальше, на самую вершину горы, где стоял приземистый массивный дворец. Солдаты, там и сям стоявшие вдоль дороги-аллеи, показывали, где нужно поворачивать. Два солдата у входа подняли винтовки, затем с силой стукнули прикладами и одновременно коваными каблуками по мрамору лестницы, будто хотели расколоть белые плиты: это было воинское приветствие. Поднявшись по лестнице, я оказался в просторном вестибюле, где было много вооруженных людей в черных черкесках с газырями и кинжалами — личная охрана короля, которую он набирает из живущих с давних пор в здешних местах черкесов.

Из боковой двери вышел невысокий человек с мягкими движениями — начальник канцелярии и церемониймейстер двора раис Ахмед Ильляузи. Он пригласил нас в кабинет.

— От имени его величества я рад приветствовать первого гостя из Советской России, который посещает королевство,— сказал раис.

Он сообщил далее, что его величество сейчас на аэродроме — он любит управлять самолетом — раис показал вверх. Над столицей с визгом проносилось звено английских реактивных истребителей «Вампир».

Появился служитель в парчовых одеждах. Он налил из медного сосуда с необычайно длинным носом крошечные чашечки арабского кофе. Кофе этот отличается от турецкого невероятной крепостью и своеобразным вкусом. Далее раис Ильляузи снабдил меня основными сведениями о жизни монарха.

Король Хусейн ибн Талал родился 14 ноября 1935 года. На пятом году жизни начал обучение в детском саду английской школы в Аммане. Затем учился в английском колледже «Виктория» в Александрии и, наконец, в университете Хэрроу в Англии. Уже будучи королем, продолжал учение в английском военном колледже Сэндхэрст.

Провозглашению Хусейна королем Иордании предшествовали важные события, которых не коснулся раис Ильляузи. В Иерусалиме, в мечети эль-Акса, самой почитаемой мусульманами мечети, мне показали выщербленную колонну: следы пуль, которыми был убит дед Хусейна, король Абдалла. Это был верный прислужник Англии. Сам Уинстон Черчилль в свое время назначил его эмиром Иордании, а после убийства публично выразил сожаление о потере этого верного английского слуги. Абдалла резко противился американскому проникновению в Иорданию и был убит проамериканской террористической организацией. Согласно конституции, трон должен был занять старший сын Абдаллы, принц Талал, отец Хусейна. Но Талал открыто выступал против Англии и превозносил США. Англичане, полностью господствовавшие в стране, легко провели в парламенте закон о назначении правителем младшего принца, Наифа. В то же время президент США Трумен прислал находившемуся за границей Талалу телеграмму, которая фактически признавала его королем. Победа американцев была временной: Талал процарствовал недолго.

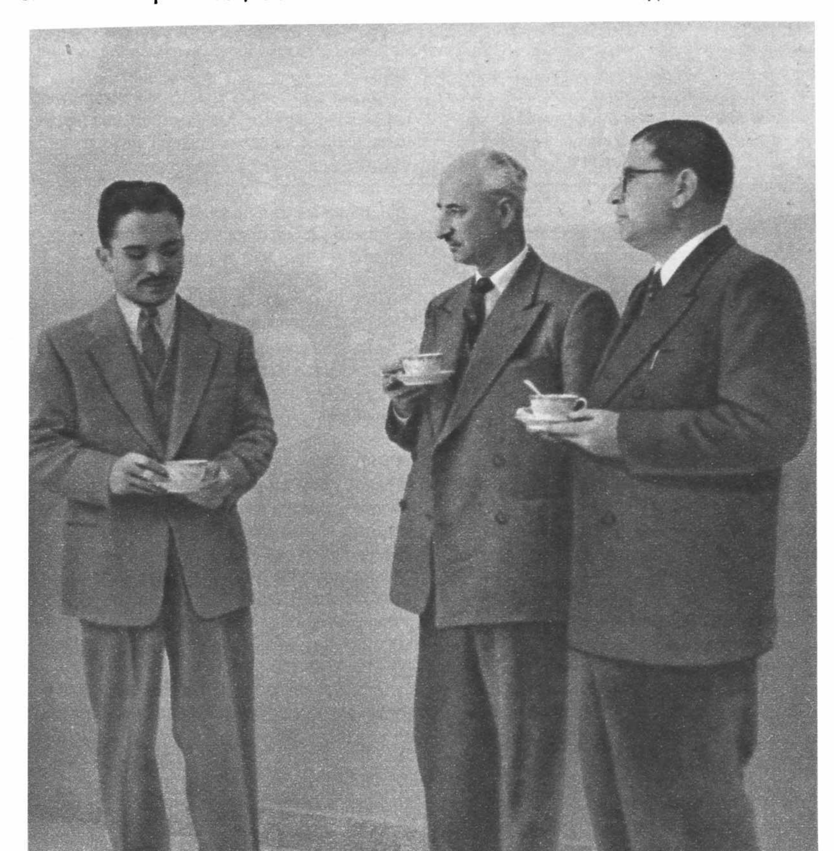
Много людей в Иордании рассказывали мне, как англичане выжили Талала. Сначала его объявили больным и стали лечить так, чтоб ему становилось хуже и хуже. Через девять месяцев после коронации иорданский кабинет министров под диктовку английского генерала Глабба объявил, что здоровье короля стало очень плохо и он царствовать больше не может. Вскоре парламент провозгласил королем его несовершеннолетнего сына Хусейна, который в это время приехал на каникулы из Англии.

Конец «четвертого лица»

Английский офицер Джон Боготт Глабб — личность весьма незаурядная. Он из той когорты «специалистов» по колониальным делам, которыми ранее так славилась Британская империя. Он не только хорошо говорит поарабски, но и знает различные диалекты и все тонкости обычаев. Этот немолодой англичанин с одутловатым лицом и седыми реденькими усами даже принял мусульманство и изменил свое имя на восточный лад. Он стал именоваться Глабб-паша.

«Четвертое лицо» — так называли Глабба в Иордании. Хотя в стране существовали король, парламент и правительство, Глабб, занимая пост главнокомандующего Арабским легионом, командовал всей страной.

Король Хусейн (слева) и члены бывшего иорданского правительства, разогнанного королем по указке американцев, премьер Сулейман Набулси и министр сельского хозяйства Абдель Кадер Салех. Фотография сделана в начале этого года.



См. «Огонек» № 22.

Вифлеем. Беженцы получают продовольственную помощь.

Арабский легион — это 20-тысячная армия, созданная англичанами специально для охраны своих колониальных интересов в этом районе, где добывается семьдесят процентов нефти, потребляемой капиталистической Европой. Мобильный, хорошо вооруженный Арабский легион можно было быстро перебросить в любой район, где вспыхивал пожар национально-освободительной борьбы.

Много лет потратил генерал Глабб, чтобы вымуштровать солдат для борьбы против народа. Он комплектовал части легиона из самых отсталых жителей страны — бедуинов — кочевников. А шейхи бедуинских племен, которых он задабривал различными посулами и взятками, были его главной опорой в государстве. Все основные посты в легионе занимали английские офицеры.

Согласно договору, Британия предоставляла Иордании крупные субсидии на содержание Арабского легиона — около 12 миллионов фунтов стерлингов ежегодно. Но суммы эти поступали в бесконтрольное распоряжение Глабба. Немало денег он потратил на подкупы различных лиц и целых организаций.

Секретарь Иорданского объединения профсоюзов Зейдан Юнес рассказывал мне: как только организовались в стране первые профессиональные объединения, Глабб направил правительству письмо, в котором требовал немедленно их запретить. Он объявил их «угрозой государству». Но даже послушное ему правительство отказалось принять такой закон перед лицом общественного мнения. Тогда Глабб пригласил к себе руководителей профсоюзов. Они не пошли к нему. Английский генерал прислал к Юнесу доверенного человека и через него предложил крупную сумму денег. Но рабочий не пошел на предательство. После этого Глабб приказал арестовать профсоюзных лидеров. Юнес вышел из тюрьмы лишь после изгнания «четвертого лица».

Возмущение английским господством росло в народе с каждым днем. Идеи национального освобождения проникли и в Арабский легион. Там стала действовать организация «Свободные офицеры», созданная, по образцу египетской, полковником Али Абу Нуваром. Наконец армия отказалась выполнить приказ Глабба стрелять в народ. Потеряв армию, могущественное «четвертое лицо» сразу превратилось в нуль.

В это время к лозунгу народа «Долой Глабба! Долой продажное правительство!» все чаще стал прибавляться лозунг «Долой короля!», от имени которого действовал Глабб. Дворцовые круги всполошились. По всей стране были посланы специальные эмиссары—собирать подписи под петицией с изъявлением верноподданнических чувств монарху. Но даже самые реакционные шейхи-феодалы отказывались подписать эту бумагу. Королевские гонцы вернулись ни с чем. Тогда произошло событие, которое в то время многим показалось невероятным.

Вечером 1 марта прошлого года несколько частей Арабского легиона под командованием членов организации «Свободные офицеры» вошли в столицу. Они окружили резиденцию правительства, дом Глабба и перерезали телефонные провода. Министры заседали, когда в комнату неожиданно вошел король в сопровождении Абу Нувара и нескольких офицеров.

— Вы должны это немедленно подписать или все будете арестованы,— объявил король растерявшимся министрам и положил перед ними постановление о том, чтоб генерал Глабб в течение часа покинул Иорданию. Премьер Самир Рифаи дрожащей рукой подписал постановление, и оно тут же было утверждено королем.

Вызвали Глабба, и премьер, заикаясь, прочел ему декрет. Верный слуга английского генерала, человек, обязанный ему всей своей карьерой, Самир Рифаи не решился взглянуть при этом в глаза хозяину.

Специальный самолет увез Глабба на Кипр.

Так кончилась власть «четвертого лица» в Иордании. А король неожиданно оказался окружен ореолом национального героя, изгнавшего ненавистных колонизаторов.

Но цели королевского двора лишь временно совпали с желаниями народа. Англичане, когда убирали проамерикански настроенного Талала, возлагали надежды на его сына и своего воспитанника Хусейна. Однако окружение юного короля решило, что британский лев окончательно одряхлел, и выбрало себе другого покровителя.

Сейчас вместо Глабба в стране хозяйничают американские советники, прикрываясь именем короля. Арестованы офицеры, прогнавшие Глабба. Абу Нувар бежал из Иордании. Распущен парламент, запрещены профсоюзы, закрыты прогрессивные газеты. В тюрьмы заключены те же люди, которых в свое время арестовывал Глабб.

В Иордании мы начали с того, чем кончили англичане, откровенно писали американцы в «Уолл-стрит джорнэл». Не будет большим пророчеством сказать, что они и кончат тем же.

В пути

В гостинице «Филадельфия» в Аммане соседний номер занимал корреспондент американской телевизионной компании. Однажды мы встретились с ним в Джераше. Он снимал величественные руины древнего города, а за ним неотступно, как тени, следовали два солдата Арабского легиона.

— К чему такой почетный эскорт, коллега? Вы боитесь разбойников?

— Ну, нападение разбойников — это было бы великолепным романтическим приключением. Но получить примитивный удар палкой по голове — тут уж никакой романтики,— ответил американец и добавил: — Вы ведь знаете, какое здесь сейчас отношение к англичанам и французам. Да, я американец, разумеется, но...— он немного замялся,— но у них эта ненависть распространяется и на нас... Рекомендую и вам попросить у начальника штаба нескольких солдат. Ведь на лбу у вас не написано, что вы русский...

Мне хотелось поехать на юг страны, в порт Акаба.

— Я настоятельно советую вам этого не делать,— говорил один из самых популярных в стране общественных деятелей, доктор Абдуррахман Шукейр.— Дорога проходит по диким и пустынным местам. Вас могут принять за англичанина или француза и... Да, да, такие случаи уже были.

Спустя несколько дней я оценил реальность этого предостережения в эс-Салте. Это очень своеобразный и старый город, расположенный на крутом склоне горы, вершину которой венчают руины древней крепости.

Вверх вели улочки, такие крутые и узкие, что нечего было и думать проехать туда на машине. И мы с доктором Тагом отправились пешком. Доктор где-то замешкался, а я остановился близ самой вершины. Слева высокие стены монастыря, а справа отвесный обрыв метров на триста. Узкая тропка, по которой иногда проходили люди, флегматично подгоняя осликов, груженных корзинами, здесь расширялась естественной террасой. Внизу долина Вади-Шуайб криво рассекала горы. На дне ее виднелось сухое в это время года русло реки, и лишь зелень деревьев по берегам свидетельствовала о присутствии влаги. Это были знаменитые эс-салтские сады: фиги, гранаты, оливки. Оттуда дерзко карабкался в гору город эс-Салт с 15 тысячами населения. Он, пожалуй, больше всех других иорданских городов сохранил характерный облик старого арабского поселения.

На площадке тем временем появилось несколько человек. Они о чем-то переговаривались и бросали на меня такие взгляды, от которых становилось как-то не по себе. Чумазые ребятишки выглядывали из-за угла, показывали на меня пальцами и недобро смеялись. Наконец появился запыхавшийся доктор Таг. Сильно жестикулируя, он стал что-то говорить незнакомцам, а затем подскочил ко мне и потребовал:

— Дайте ваш паспорт.

Я достал книжку с гербом Советского Союза. Незнакомцы смущенно заулыбались и немедленно разошлись в разные стороны.

— Вы легкомысленный человек! Бродите невесть где один! — напустился на меня доктор Таг.

— Что случилось? А случилось то, что вас приняли за англичанина и хотели «нечаянно» столкнуть в пропасть. А вы еще заговариваете с ними по-английски! И перестаньте носить ваш чертов берет. Это здесь напоминает английскую военную форму.

Несколько цифр

Директор департамента по изучению национальной экономики и статистики г-н Али Хасауни, разложив на своем столе обширные таблицы, посвятил меня в главные проблемы иорданской экономики.

Г-н Хасауни закончил Американский университет в Бейруте и затем получил ученую степень в Вашингтоне. Возглавляемый им департамент занимался не только разработкой различных экономических проектов, но и осуществлением их.

Иордания — страна сельскохозяйственная. До 85 процентов населения заняты земледелием. Оно дает более двух третей национального дохода.

— Мы не знаем точно, каков этот доход,— говорит Хасауни,— но наши данные сильно расходятся со сведениями некоторых международных организаций. Американский институт в Бейруте считает, что в прошлом году национальный доход Иордании достиг 53 миллионов динаров. Мы, однако, считаем, что он составил не более 35 миллионов.

Жизненный уровень населения королевства один из самых низких в мире. Лишь раз в три года бывает хороший урожай, когда страна сама обеспечивает себя хлебом. Продуктов животноводства недостаточно, и они ввозятся из Ирана, Турции, Ливана.

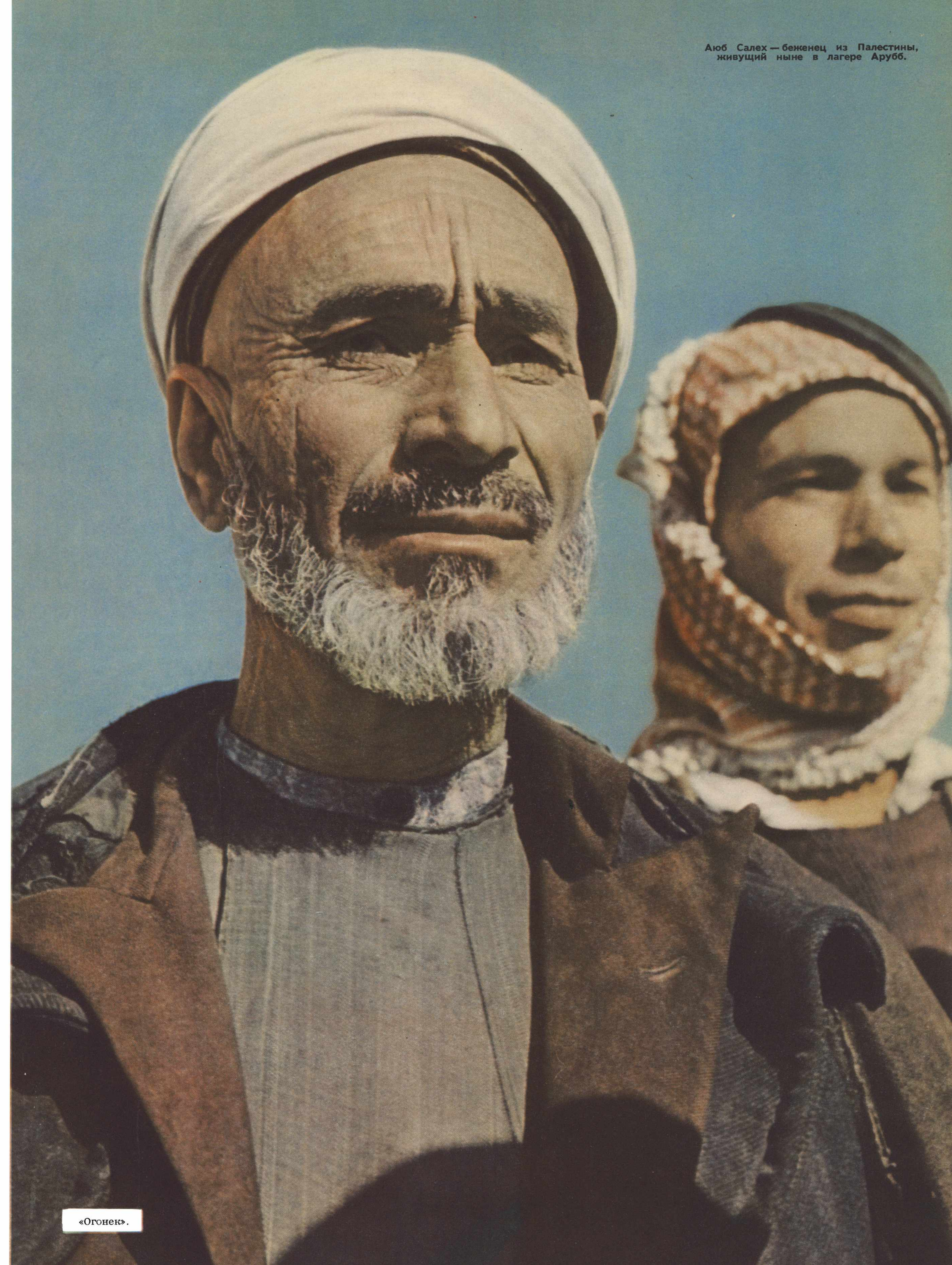
Промышленность королевства находится в зачаточном состоянии. Имеются значительные запасы минерального сырья, но они добываются в небольшом количестве. Недра страны еще слабо разведаны. Недавно американская фирма «Полей» получила право на поиски нефти.

В 1955 году в Иорданию было ввезено товаров на 27 миллионов динаров, а экспортировано лишь на три миллиона. Этот постоянный дефицит торгового баланса покрывается за счет иностранной «помощи», которая закабаляет страну, принуждает ее существовать на подачки империалистов.

По воле народа антиимпериалистическое правительство Сулеймана Набулси добилось замены английских субсидий помощью арабских государств и избавилось от британской кабалы.

Али Хасауни рассказал о многих новых проектах подъема экономики страны.

— Мы не считаем,— заметил он в заключение,—что Иордания мо-

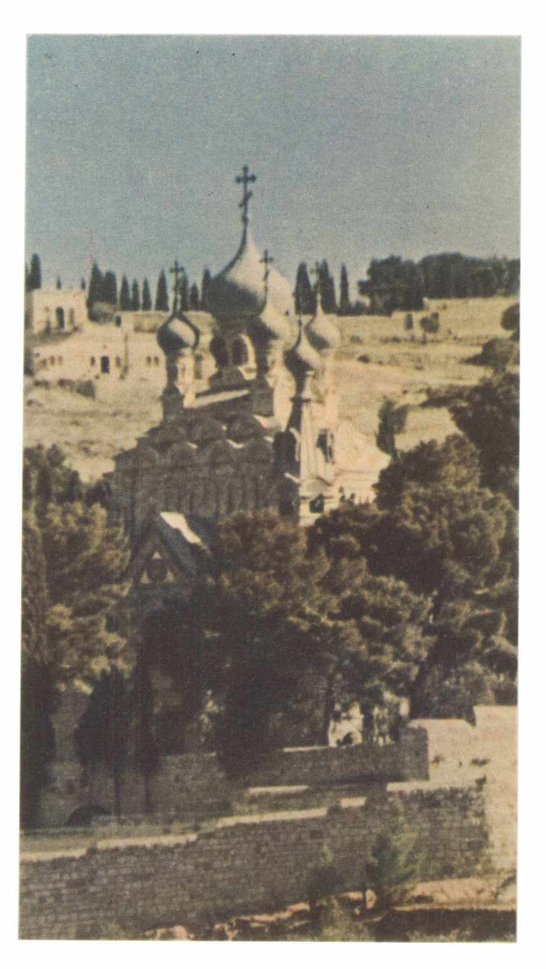


Аюб Салех — беженец из Палестины, живущий ныне в лагере Арубб.

«Огонек».

Ерихо (Иерихон) — цветущий оазис близ Мертвого моря.

У источника Айн эль-Султан.



Иерусалим. Русская православная церковь Марии Магдалины.

Лагерь палестинских беженцев близ Вифлеема.

Солдаты Арабского легиона.

Река Иордан.

В долине Иордана.

Перед тем как войти в мечеть Эль-Акса, паломники моют ноги. На втором плане — мечеть Омара.

жет экономически существовать одна. Поэтому ее экономику мы рассматриваем лишь как звено в цепи других арабских государств. Сейчас это здесь всеобщее мнение, и оно направляет национальную политику.

О том же мне говорили многие политические лидеры Иордании, руководители крупнейших партий и тогдашний премьер Сулейман Набулси. В единстве арабских государств они видели основу своей национальной независимости.

Именно поэтому американские империалисты сейчас не жалеют сил, стараясь оторвать Иорданию от единого фронта арабских стран.

Люди без крова

Я получил разрешение посетить один из лагерей палестинских беженцев, находящихся на попечении Средневосточного агентства Организации Объединенных Наций, и утром мы отправились туда. Мы миновали Вифлеем с его христианскими реликвиями и оказались свидетелями трагичной судьбы тысяч людей в наше время.

На голом каменистом склоне далеко рассыпались сотни палаток. Здесь же стояли в два ряда крошечные постройки, напоминающие дровяные сарайчики. Кое-где курились костры, перед палатками возились на земле чумазые ребятишки. Всюду красноречивые следы жестокой нищеты. Казалось, люди остановились здесь на ночлег, гонимые нуждой куда-то в лучшие края. Но они здесь живут уже девять лет.

Начальник лагеря Абд эль-Ази проводил нас в контору, достал бумагу и стал по ней читать. В лагере Арубб живет семь тысяч человек. Каждый житель получает от ЮНРРА на месяц 10 кило муки, 300 граммов маргарина, полкило бобов, столько же сахару...

В комнату-времянку, где происходил разговор, набилось полным-полно народу. Большая толпа стояла на улице у окон, у открытых дверей.

— Ты говори правду! — кричали из толпы.

— Расскажи, как есть на самом деле, а не читай, что тебе приказал шеф!

— Пусть люди знают о наших страданиях!

Эль-Ази отложил бумагу и стал говорить. Однако и без слов бедственное положение этих людей было очевидно. Продовольственной помощи, которую они получают, едва хватает на полмесяца. Лишь в летние месяцы некоторым из беженцев удается наняться к крестьянам на восточном берегу Иордана. Женщины собирают хворост в горах и продают его на топливо в Вифлееме. Только за один год в лагере родилось около семисот детей, но они продовольственной помощи не получают. Последнее время ЮНРРА стал строить маленькие бетонные каморки вместо палаток. Это обходится дешевле, ибо палатку нужно каждый год менять. Домик лучше палатки — в этих местах выпадает снег,— но беженцы увидели в этом стремление оставить их навсегда в теперешнем положении.

Вперед вышел мухтар (глава) лагеря Диб Ахмет Али. В отличие от начальника, который назначается ЮНРРА, мухтара выбирают сами жители.

— Вы видите перед собой нищих людей, а ведь у каждого из них была земля, дом, сад, скотина,—сказал мухтар.—Мы стали жертвой империалистов. Нас насильно прогнали с земли, которую обрабатывали наши предки 1 300 лет, лишили имущества, превратили в нищих и бездомных. Это проблема не только арабов и евреев, это проблема англичан и американцев. Эти палатки — оскорбление для Организации Объединенных Наций и для совести всех народов.

Мухтар был в ветхих одеждах, но обороты его речи выказывали человека образованного.

Палестинские беженцы — это отнюдь не частное явление в жизни нынешней Иордании. Они оказывают большое влияние и на политическую атмосферу и на самый облик страны. Их унылые палатки и лачуги видны повсюду: на окраинах городов, в селах, вдоль дорог.

Директор отдела иорданского филиала ЮНРРА в Аммане г-н Саба сообщил мне следующие сведения. В стране зарегистрировано 512 тысяч беженцев, которые получают помощь ООН. Но эта цифра, сказал г-н Саба, не очень точная. К ней следует добавить еще 70 тысяч детей, родившихся уже в лагерях и не получающих продовольственной помощи. Кроме того, около пятидесяти тысяч крестьян и семь тысяч бедуинов не были своевременно учтены как беженцы.

По авторитетным оценкам, население королевства сейчас составляет примерно 1 402 тысячи человек. Таким образом, более трети жителей Иордании — неустроенные беженцы, вынужденные существовать на скудное пособие ЮНРРА. Найти какую-либо работу им чрезвычайно трудно, ибо, по данным иорданской статистики, только среди коренного населения (без учета беженцев) тридцать процентов глав и кормильцев семей не имеют постоянной работы или других источников существования.

Линия на карте

Границы Иордании — идеально прямые линии, под линейку вычерченные на карте. Они напоминают выкройку детской рубашечки. И только одна западная линия вьется змейкой, разделяя надвое древний город Иерусалим.

Это линия перемирия с Израилем после палестинской войны. Я не встречал в Иордании человека, который называл бы ее границей. А чтобы туда поехать, мне понадобилось в штабе иорданской армии получить «пропуск для посещения фронта».

В Иерусалиме, на земле, которую, по преданию, купил себе Иуда за тридцать сребреников, стоит большое здание с флагом Организации Объединенных Наций. Здесь помещается штаб ООН по наблюдению за перемирием. Во главе его канадский генерал Бирнс, сухощавый, с выцветшими глазами и массивной золотой цепью на правой руке. Офицеры штаба улаживают непрекращающиеся конфликты: стрельба здесь возникает довольно часто.

Устойчивость линии перемирия Израиля с арабскими странами гарантировали три державы: Англия, Франция и США. Но когда Израиль сломал эту черту и вторгся на египетскую территорию, два гаранта из трех — Англия и Франция — выполнили свои торжественные гарантии по-своему: напав на арабскую республику Египет совместно с агрессором.

Мне удалось несколько раз посмотреть эту линию вблизи. В небольшой деревушке южнее Иерусалима гряда колючей проволоки проходила посреди улицы. Я осторожно взглянул из-за полуразрушенной стены. По ту и другую сторону проволоки были дети. Они переговаривались между собой, но никто не приближался к заграждению: патрули откроют огонь. Местный житель, стоявший рядом, сказал, что на той стороне живет его брат. Они видятся издали, но вот уже много лет не могут пожать друг другу руки. В этой же деревне мне показали дом. Одна половина его была на израильской стороне, другая на иорданской.

В другой раз в местечке Калькили, близ Набулуса, я видел крестьянина, дом которого оказался в Иордании, а сад — на израильской стороне. И он стреляет во всякого, кто пытается сорвать хотя бы один апельсин в его саду.

Это далеко не единичный случай. У пятнадцати тысяч иорданских крестьян земельные участки отрезаны линией перемирия.

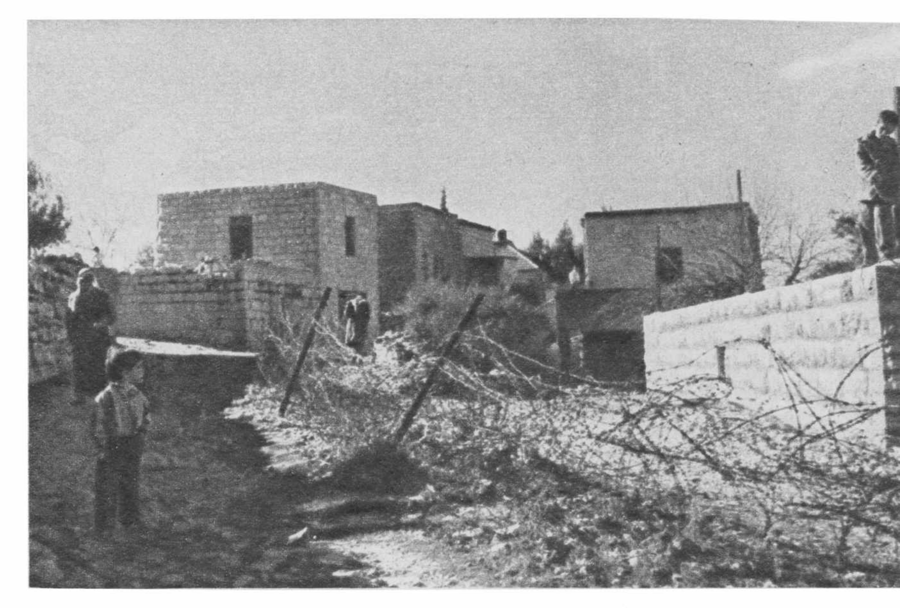
Древние стены Иерусалима имеют мировую славу. Знаменитой «Стене плача», оставшейся, как говорят, от Соломонова храма, почти три тысячелетия. Но есть еще одна скорбная стена, возведенная совсем недавно. Эта высокая каменная стена разделяет Иерусалим на две враждебные части и должна укрывать его жителей от пуль. Несколько лет назад, когда уже была построена и эта стена, израильские террористы установили пулеметы на высоком минарете и открыли огонь по кишевшей народом площади у Дамасских ворот.

На одном участке стена прерывается. Это место называется «двор Мендельбаума» — единственный пункт, где проходит дорога, соединяющая две части одного города. По ней проезжают лишь специальные машины штаба наблюдателей ООН. Но два раза в год, на рождество и пасху, эти ворота открываются для богомольцев. Получив пропуск, христиане западной части города могут прийти на два дня на иорданскую сторону, где сосредоточены почти все религиозные святыни.

В Иерусалиме я был как раз на рождество.

— Вы можете посмотреть «двор Мендельбаума», — сказал полицейский офицер Фатин Жабер.— Но фотографировать там нельзя. Израильтяне немедленно пожалуются в штаб ООН, что мы фотографируем их позиции.

Вечерело, когда мы с доктором Тагом подошли к проезду. Ворота были открыты уже второй день, и богомольцы возвращались назад, на израильскую сторону. Оттуда проехал лишь белый автомобиль с большими черными буквами, нарисованными со всех сторон: «UN» — Объединенные Нации.



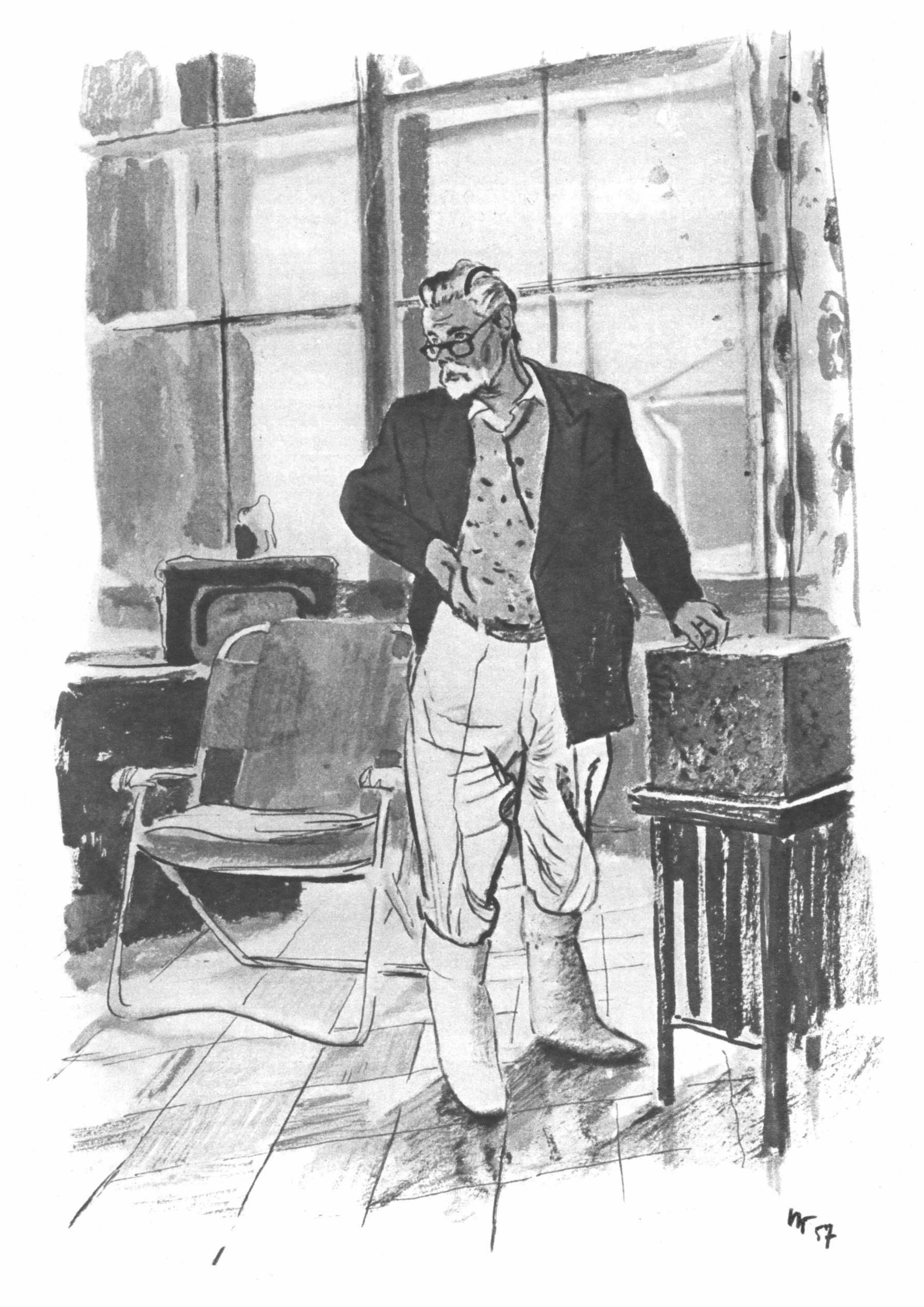
Колючая проволока на улице селения близ Иерусалима — это линия перемирия.

В полуразрушенном доме направо полицейские осматривали багаж уходящих. Все несли мешки и корзины с продовольствием: в Израиле продукты дороги. Здесь слышались всхлипывания, поцелуи, прощальные слова провожавших родственников и друзей. Дальше гости уже шли одни мимо разрушенного, закопченного пожаром дома.

Метрах в тридцати от иорданского поста, на дороге, были видны двое военных — мужчина и женщина. Они в красных фуражках, униформа цвета хаки перетянута белыми ремнями. Израильская военная полиция.

Рядом с нами, прислонившись к стене, стоял средних лет араб в европейской одежде и грустно смотрел на ту сторону. Его здесь все хорошо знали и вот что рассказали о нем. Служащий нефтяной компании Ибрагим эль-Кади сейчас живет здесь, в старом городе. Но на той стороне осталась девушка, с которой он рос и учился. Она была его невестой. И он ее по-прежнему любит. Девятый год он ничего о ней не знает, но всякий раз, когда открывается «двор Мендельбаума», приходит сюда и смотрит: может быть, придет она...

Но она не приходит.



СЛЕПОЙ СЛУЧАЙ

Рассказ

А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

В рабочем кабинете Ивана Фомича на особой подставке стоял большой куб из пеноглинита. Каждый раз, когда Иван Фомич знакомил кого-нибудь с изобретенным им стеновым материалом, повторялось одно и то же. Иван Фомич просил гостя поднять куб, гость приседал, обхватывал куб руками и вместе с ним нелепо подпрыгивал кверху. Куб оказывался во много раз легче, чем можно было ожидать, судя по его объему. И каждый раз Иван Фомич громко хохотал и вытирал слезы, затекавшие даже в его седенькую бороденку.

Иногда в программу объяснения входила и демонстрация прочности пеноглинита. Иван Фомич снимал тогда куб с подставки, вытягивал руки с ним вперед и сразу же их принимал. Куб падал на паркет. В нижнем этаже лаборатории вздрагивали девушки и стрелки чувствительных приборов. Иван Фомич отыскивал на полу кусочек пеноглинита, отколовшийся от куба, недовольно качал головой и вздыхал, должно быть, потому, что пеноглинит все же менее прочен, чем чугун.

Да, пеноглинит — материал будущего, Иван Фомич был твердо уверен в этом. Он представлял себе будущие города, где его пеноглинит вытеснит допотопный кирпич, мысленно ходил по их улицам сказочной красоты и в приветливых взглядах жителей читал одобрение своей сегодняшней деятельности. Единственно, что омрачало его мечты,— это цвет пеноглинита. Он был какой-то коричнево-бурый. Будущие же города должны быть белыми, только белыми, в этом тоже был уверен Иван Фомич. А пеноглинит не был белым. Иван Фомич пытался его красить, перепробовал все известные ему белые краски, но они плохо ложились на стекловидную пузырчатую поверхность пеноглинита, и это расстраивало Ивана Фомича.

Оказывается, не только люди будущего, но и современники Ивана Фомича одобряли его деятельность. Вчера он узнал, что Ученый совет института постановил представить его работу к Ленинской премии. Эта весть привела его в неизъяснимое состояние. Нет, это была не просто радость, не упоение успехом, это был мир, мир с самим собой. Но тут требуются некоторые пояснения.

Иван Фомич привык считать крупной своей ошибкой, что, будучи инженером, он пошел не на стройку, а в лабораторию. Научно-исследовательской работой, по его убеждению, должны заниматься таланты, средний же человек не имеет права тратить государственные средства на свои малозначительные опыты. Иван Фомич всю жизнь просидел в стенах лабораторий, немало перевел всяких материалов, немало истратил денег на исследования, и ничего особенного, ничего такого, что окупало бы расходы государства и оправдывало его научную деятельность, как полагал Иван Фомич, он не дал. В заслугу себе он не ставил ни ученой степени доктора, ни большого количества высококвалифицированных специалистов, подготовленных им. Любой человек с нормальным весом мозгового вещества в черепной коробке, думал он, если его поставить в такие же условия, сделает то же самое.

Теперь положение изменилось. Не то чтобы Иван Фомич признал у себя талант и тем самым выдал себе патент на научно-исследовательскую работу. Но теперь благодаря трудолюбию и упорству, в чем отказать себе Иван Фомич мог бы только вопреки совершенной очевидности, он изобрел пеноглинит и этим оправдал многолетнее пребывание в «тихом закоулке жизни», как иногда, в горькие минуты неудач и сомнений, он называл лабораторию.

Сегодня, в воскресенье, Иван Фомич работал один в своей лаборатории под Москвой. За окном, вернее, за стеклянной стеной, заменявшей окно, густо падал снег. Иван Фомич оторвался от чертежей, первых чертежей первого завода пеноглинита, поднял голову, и ему показалось, что не снег падает вниз, а он сам со всем своим большим кабинетом плывет куда-то кверху. «Поехали!» — сказал он вслух и рассмеялся. Веселое настроение овладело им. Он поднялся с кресла, прошелся по кабинету, подошел к кубу и пощелкал по нему пальцем. «Пеноглинитик мой»,— блаженно улыбаясь, сказал он. Но тут же улыбка слетела с его губ. «Мой? — подумал он.— А Мальцев?»

Мальцев! Фамилия эта, как стальная игла, проткнула мозг Ивана Фомича и застряла в нем. «Мальцев. Как же с ним? Мальцев, Мальцев, Мальцев»,— мысленно повторял Иван Фомич и с каждым разом все дальше и дальше уходил от того душевного мира, которым несколько минут назад наслаждался.

* * *

Через день Иван Фомич приехал в Москву, в Научно-исследовательский институт строительных материалов, в состав которого входила его лаборатория. Он терпеливо дождался, когда на ученом совете окончилось затянувшееся обсуждение какого-то вопроса, и только тогда вошел в зал заседаний. Пожав всем руки, он заявил, что должен сообщить нечто важное, и попросил продолжить заседание. Когда члены совета, собравшиеся расходиться, вновь расселись по своим местам вдоль

длинного стола, Иван Фомич, дергая бородку, сказал:

— Товарищи члены совета, я узнал, что моя работа по пеноглиниту представлена к премии. Пока еще не поздно, я обязан сообщить о крупной оплошности, которую я допустил в своем отчете.

В зале заседаний стало так тихо, что было слышно, как хрипит в груди у тучного председателя.

— Я не являюсь единственным автором пеноглинита,— продолжал Иван Фомич.— Пеноглинит изобретен мной совместно со студентом Технологического института Мальцевым. Я обязан был назвать его в своем отчете как соавтора и не сделал этого по совершенно недопустимой оплошности. Я прошу Ученый совет извинить меня и исправить мою ошибку.

Испуг после первых слов Ивана Фомича — притворный на лице профессора Крючкова и вполне искренний на лицах остальных семи членов совета — теперь сменился недоумением.

— Объясните, Иван Фомич, подробнее, в чем выразилось участие Мальцева в создании вашего удивительного материала,— сказал председатель, близорукий, оплывший жиром старик, талантливый ученый, которому Иван Фомич привык верить больше, чем себе самому.

— Студент Мальцев летом этого года, отбывая практику в моей лаборатории, предложил применить вакуум-процесс при запарке пеноглинита в автоклаве. В соединении с новой смоляной эмульсией для пены это и определило технологию изготовления пеноглинита.

— А так называемую новую эмульсию для пены тоже он предложил? — спросил профессор Крючков, иронически подчеркивая слово «новую».

— Нет, эту эмульсию мне удалось получить после того, как я убедился в непригодности всех существующих органических.

Бросив камень в огород своего старого соперника и оппонента, автора работы об органических эмульсиях, Иван Фомич пригнул голову и вызывающе посмотрел на него поверх очков. Крючков встрепенулся, хотел было что-то сказать, но вмешался председатель:

— Э-э-мм... Я бы хотел, дорогой Иван Фомич, выяснить, что еще сделал Мальцев.

— Больше ничего. Но повторяю, без вакуума не было бы пеноглинита.

— В таком случае, м-м, я полагаю, что нет больших оснований признавать за Мальцевым соавторство в пеноглините. По-моему, будет достаточно, если вы, Иван Фомич, в своем отчете вставите в соответствующем месте, скажем, такую фразу: «Применение вакуума при запарке в автоклаве предложено студентом таким-то». Этого, я думаю, будет вполне достаточно. Как полагают остальные члены совета?

Ответом ему было несколько «да, да» и «правильно» и одно «истинно верно» профессора Стародуба, сказанное мощным басом. Члены совета собрались было вставать, но Иван Фомич остановил их жестом.

— Одно мгновение, Орест Валерианович,— обратился он к председателю,— извините великодушно, но вашим решением я совершенно не удовлетворен. В моем отчете в соответствующем месте имеется точно такая фраза, какую вы мне сейчас порекомендовали. Очень сожалею, что, знакомясь с отчетом, вы не обратили на нее внимания.

Председатель не читал отчета, поэтому очень смутился. Он попытался дружески улыбнуться Ивану Фомичу, но улыбки не получилось, опустились только уголки губ.

— Это говорит только об одном, Орест Валерианович, о недостаточности такого рода приписок, они даже не запоминаются,— поспешил на выручку председателю Иван Фомич.— И тем более они недостаточны, когда работа представляется к премии. В этом случае доля участия каждого сотрудника должна быть установлена точнейшим образом и надлежаще оформлена. Я категорически настаиваю на утверждении товарища Мальцева как моего соавтора!

Иван Фомич сел, подчеркивая этим, что не собирается уступать своих позиций и не отстанет от членов совета до тех пор, пока они не вынесут нужного ему решения.

Председатель еще не пришел в себя от смущения, и все почувствовали, что он не знает, как поступить. Слово взял профессор Крючков.

— Я бы хотел взглянуть на вопрос, поставленный перед нами уважаемым Иваном Фомичом, так сказать, с юридической точки зрения.

Он довольно длинно, но очень логично доказал, что Ученому совету, собственно, и решать-то нечего. Если сам изобретатель заявляет, что изобретал он не один, а вместе с кем-то другим, то какими основаниями располагает Ученый совет, чтобы доказывать противное? Таких оснований нет и быть не может. Кстати, лично он, профессор Крючков, всегда полагал, что подобные изобретения не могут приписываться одному человеку. Он был удивлен и отчасти даже шокирован тем, что Иван Фомич до сих пор не включал в число соавторов никого из своих сотрудников.

Иван Фомич проглотил упрек с горьким сознанием его справедливости и выразил свое полное удовлетворение выступлением Крючкова. Большинство членов совета, очевидно, тоже готово было согласиться с ним, но вот встал профессор Стародуб, огромный, длиннобородый, с глубокими, словно подчеркнутыми гримом морщинами на мясистом лице.

— А мне позвольте посмотреть на это дело с точки зрения педагогической,— пробасил он.— Мальцев — мой студент. Способный, должен сказать, студент, но далеко не из лучших. Недавно провалил экзамен по важному предмету. В шахматы играет он очень хорошо, но учится весьма посредственно. От роду этому курчавому товарищу девятнадцать лет. И вот если наше представление пройдет, то Мальцев станет лауреатом. Заслужил ли он такое высокое звание? Конечно, нет. Кончится тем, что у парнишки закружится голова, вообразит он о себе невесть что и превратится в некоего вундеркинда от науки. А я враг вундеркиндства. Большой враг... Ваша чрезмерная щепетильность, Иван Фомич, вконец испортит нам мальчика. Нет, я против того, чтобы ему приписывалось соавторство в таком большом и важном изобретении!

Еще недавно совсем простой вопрос, после того как были высказаны две противоположные точки зрения, стал казаться чрезвычайно сложным. Вслед за Крючковым и Стародубом все пожелали высказаться. И все по очереди, признавая доводы Николая Ивановича Стародуба вполне убедительными, однако соглашались и с Крючковым, что исключительное право решать, кто является соавтором в изобретении, принадлежит самому изобретателю. Это средневзвешенное, как выражаются математики, мнение и сформулировал председатель.

— Очень будем сожалеть, Иван Фомич,— в заключение сказал он,— если мудрые слова Николая Ивановича на вас не возымеют никакого действия и вы будете продолжать настаивать на своем. Мы просили бы вас подумать и свое окончательное решение сообщить нам, скажем, в пятницу на следующем заседании Ученого совета.

Но Иван Фомич заявил, что думать ему не о чем.

— Хороший или плохой студент Мальцев,— сказал он,— курчавый он или лысый, девятнадцать ли ему лет или девяносто — все это не имеет никакого отношения к его праву на соавторство. Он предложил применять вакуумирование при производстве пеноглинита, и это решило исход событий. Случайно ли ему пришла в голову такая мысль или была плодом долгих его раздумий, это тоже никого не касается. Важно только одно: эта мысль пришла ему первому в голову и именно им была впервые высказана. Ни я и никто другой не имеем никакого морального и формального права отказывать ему в приоритете, а это значит, и в соавторстве. Если вы хотите мне передать право единолично решать вопрос о том, кто является моим соавтором, то я прошу сегодня же вписать его имя в соответствующие документы.

Твердость, с какой высказывался Иван Фомич, произвела большое впечатление; было решено удовлетворить его требование. Один лишь Стародуб остался при своем мнении.

— В старину подобные вещи называли благоглупостями,— проворчал он.— С одной стороны, вроде благородно, но в общем больше похоже на глупость.

— Если справедливость и глупость с точки зрения вашей педагогики — синонимы, то я очень опасаюсь за ее плоды! — отпарировал Иван Фомич.

Стародуб метнул на него яростный взгляд и, припадая на одну ногу, отчего сотрясались книжные шкафы и стекла в них дребезжали, молча проковылял к выходу.

Иван Фомич после заседания разыскал номер телефона студенческого общежития, где жил Мальцев. По счастливой случайности Мальцев оказался дома, и Иван Фомич сообщил ему, во-первых, что Ученый совет формально утвердил его соавтором изобретения пеноглинита, во-вторых, что их работа по пеноглиниту представлена к премии и, в-третьих, что в следующее воскресенье он ожидает его к себе к обеду в два часа дня. С улыбкой выслушав в ответ какое-то невнятное бормотание, свидетельствовавшее, вероятно, о переизбытке чувств, охвативших его собеседника по другую сторону провода, Иван Фомич повесил трубку и поехал домой. И уже в поезде он совершенно отчетливо ощутил возвращение того блаженного состояния мира со своей совестью, которое потерял было на некоторое, к счастью, короткое, время.

* * *

Необыкновенное сообщение Ивана Фомича застало Сережу Мальцева в самую, как ему казалось, критическую минуту его жизни. Сережа подумывал было о каком-то решительном шаге. Например, «уйти в авиацию», как он выражался, то есть бросить институт и поступить в школу летчиков. Или уехать на остров Вайгач, захватив с собой шахматную доску и все известные ему труды по теории шахматного искусства. А через год вернуться, вновь выступить в московском шахматном чемпионате студентов, где он потерпел такое страшное крушение неделю назад, и набрать шестнадцать или в крайнем случае пятнадцать очков из шестнадцати возможных. Пусть тогда Юлия...

Но теперь, после звонка Ивана Фомича, он лежал одетым на кровати и думал вовсе не о том, чтобы уходить в авиацию или уезжать на остров Вайгач. Теперь в этом не было никакой нужды. Теперь вся его предыдущая жизнь (имелась в виду, собственно, не вся жизнь, а последний год ревностной службы шахматному королю), все ее ошибки и неудачи стирались грядущим званием лауреата. Профессор Иванов, когда Сережа придет пересдавать молекулярную физику, проваленную на прошлой сессии, очевидно, просто извинится за допущенную бестактность и, не задавая вопросов, попросит зачетную книжку. Профессор Стародуб, должно быть, теперь же, не дожидаясь окончания института, предложит ему остаться в аспирантуре. А Юлия...

Сережа даже представить себе не мог, как Юлия отнесется к его лауреатству. Он никогда не мог угадать, как она поступит даже в рядовых случаях, не говоря уже о таком. Вообще придется признать, что в характере женщин он разбирается очень плохо, и совершенно необходимо в ближайшее же время что-нибудь почитать по этому вопросу. Иначе будет очень трудно, особенно когда Юлия будет его женой. Но станет ли она его женой когда-нибудь? Отношения между ними стали необыкновенно сложными, и нельзя быть ни в чем уверенным. Это такая гордая особа, что лауреатское звание, чего доброго, не только не исправит положения, но еще и ухудшит его. Юлия способна отказаться от него только из страха быть заподозренной в том, что она погналась за знаменитостью. Очень жаль, что он уже проболтался своим товарищам. Следовало бы предварительно добиться решительного объяснения с Юлией, потом дать понять всем, что они поженятся после окончания института, а тогда уже объявить о своем лауреатстве. Солиднее было бы вообще никому ничего не объявлять и дождаться, пока это будет опубликовано в газетах. Но теперь уже поздно...

В комнате, кроме Сережи, жил еще студент Багузов, его ближайший товарищ. Багузов чертил сейчас на общем столе технологическую схему производства рубероида.

— Послушай, Сергей, — сказал он, прервав размышления Сережи, — ты, я вижу, постепенно приходишь в себя, поэтому я рискну с тобой говорить.

Сережа сел на кровати.

— Я и не выходил из себя, — возразил он.

— Ну, брось! Я тебе это не в упрек говорю. Такая штука может сбить с ног и слона. Поэтому я в первую минуту и не хотел начинать разговоров на эту тему. Да и сам был ошеломлен... Но теперь у меня все улеглось по местам, да и ты, кажется, приходишь в норму.

— Да говори же! Чего ты тянешь?

— Видишь ли, Сергей, ты отдаешь себе отчет, за что ты получишь премию?

— Безусловно.

— За что же?

— За то, что я предложил вакуумирование при производстве пеноглинита.

— А почему ты это предложил?

— То есть как почему?

— Ну, на основании чего ты предложил именно вакуумирование? Ты, что же, хорошо знал, что такое вакуумирование, имел с ним прежде дело?

— Нет, дела я с ним прежде не имел, но в общих чертах представлял себе, что это такое.

— В общем чисто случайно попал в точку.

— Может быть, и случайно... Но к чему ты об этом говоришь? Ты, очевидно, считаешь, что я не заслужил премии?

— Откровенно говоря, Сергей, я действительно считаю, что ты ее не заслужил. Подумай сам, Иван Фомич Луковников, доктор технических наук, всю жизнь проработавший над проблемой новых стеновых материалов, и ты, студент тогда еще второго курса, отбывавший двухмесячную практику в его лаборатории. Скажи, пожалуйста, можно вас равнять?

— А кто же нас равняет? Меня же не делают доктором!

— Ты не жонглируй словами. Я имею в виду уравнять значение вклада каждого из вас в этот самый пеноглинит.

— Не знаю, можно ли, нельзя ли... Тебе известно, что я не добивался признания своих авторских прав. Иван Фомич решил это сам. Ученый совет, очевидно, тоже обсуждал, а не так, с бухты-барахты, утвердили меня в соавторстве. Вероятно, в науке соавторство в каком-нибудь открытии присваивается не по заслугам или по званию. Если ты завтра откроешь новый закон мирового тяготения, то не станут проверять, читал ли ты курс астрономии профессора Блажко или не читал. Открыл — и баста! Присвоят новому закону твое имя и выдадут премию, если закон того заслуживает. Слышишь, закон заслуживает, а не ты сам. По-моему, так.

— Да, но ты берешь совсем не тот случай. Закон открыл не ты, а Луковников. Ты только при сем присутствовал и вовремя, но чисто случайно подсказал ему вакуумирование. С таким же успехом ты мог подсказать ему обратное, повышенное давление, например.

— Возможно, но тогда не было бы пеноглинита.

— А ты уверен, что Иван Фомич сам не додумался бы до вакуума?

— Нет, не уверен. Но сам-то Иван Фомич, вероятно, в этом совершенно уверен. И, будучи в высшей степени честным человеком, не пожелал этого скрыть.

— Вот видишь, Сергей, я боюсь, как бы тебе не оказаться в сравнении с ним, так сказать, в неблаговидной роли. Ты, когда поуспокоишься, обдумай все как следует.

— Ладно, — сказал Сережа.

Багузов опять принялся за свой чертеж, а Сережа опять лег. Но сомнение закралось ему в душу. Скоро он понял, что дожидаться завтрашнего утра он больше не может и должен увидеть Юлию немедленно. Сережа встал и надел пальто.

— Ты куда так поздно? — спросил Багузов.

— Пойду немного прогуляюсь.

— Прогуляйся, это не вредно. Деньги у тебя есть?

— Нет, но мне не нужно.

— Я могу одолжить тебе рублей пять.

— Спасибо, хватит трешки.

Взяв на всякий случай три рубля, Сережа вышел. В коридоре он на подоконнике написал Юлии записку: «Юлия, очень прошу тебя выйти ко мне. Есть очень срочное и чрезвычайно важное дело. Сергей». Записку он спрятал в боковой карман пальто, вышел на улицу и скорым шагом направился к общежитию студенток. Дорогой он придумывал, каким способом вручить Юлии записку, и пытался представить себе, как Юлия отнесется к столь позднему — шел двенадцатый час — визиту. Иногда в нерешительности он замедлял шаг, но потом бежал еще быстрей.

В вестибюле общежития навстречу Сереже поднялся однорукий старик-привратник.

— Вам кого? — зло спросил он.

— Мне, видите ли, нужно передать записку одной студентке, — сказал Сережа.

— Вон ящик для писем. Положите туда, завтра разберут, — сказал старик и с головы до ног оглядел смущенного Сережу.

— Мне необходимо получить ответ сегодня.

— У нас некому разносить записки, — отрезал старик, загораживая проход. Но, убедившись, что Сережа не пытается пройти, несколько смягчился и добавил: — Попросите кого-нибудь, кто пойдет наверх.

— Неудобно как-то, — уныло сказал Сережа. — Может быть, вы сами снесете? Я бы заплатил.

— Не могу. Пост оставить не на кого. Не могу, — повторил старик и снова сел.

Сережа помялся, погрел руки у горячей батареи и вышел.

До двух часов ночи он бесцельно шатался по городу. Домой он вернулся усталый и промерзший, повалился спать и спал так, что Багузов с трудом растолкал его утром.

* * *

С какой-то сверхъестественной скоростью весть о представлении Сережи Мальцева к премии облетела институт, и не было, вероятно, ни одного студента, не знавшего об этом на другой день еще до начала занятий.

Сережа опоздал. Наскоро умывшись и не позавтракав, он побежал в институт и успел прошмыгнуть в аудиторию след в след за профессором Стародубом. Как ни быстро он шагал по наклонному проходу между скамьями, однако успел заметить две вещи. Во-первых, что все головы поворачивались, провожая его до самого места, и, во-вторых, что Юлия сидит у прохода на третьей скамье.

Стародуб взошел на кафедру и, став у самого ее края, долго осматривал аудиторию. Сереже показалось, что глаза его наконец остановились на нем, будто именно его он разыскивал среди сотни своих студентов. Сережа опустил глаза, и Стародуб начал лекцию.

Что говорил в этот раз профессор, Сережа не слышал. Все его внимание поглощало единственное занятие: он пытался усилием воли заставить Юлию обернуться и посмотреть на него. Но как ни напрягался он, как ни сверлил гипнотическим взглядом затылок Юлии, она смотрела лишь на Стародуба и в тетрадь, куда записывала лекцию. Но вот по характерному движению в аудитории, когда все откидываются на спинки и кладут карандаши на пюпитры, Сережа понял, что Стародуб сейчас будет «отвлекаться». Это означало, что он расскажет что-либо смешное или, в крайнем случае, любопытное. Сережа прислушался.

— Существует немало всяких анекдотов на этот счет, — говорил Стародуб, — начиная от всем известной истории с яблоком, благодаря которому Ньютон будто бы открыл закон мирового тяготения. Но какова все-таки роль случая в науке? Мне хочется, чтобы вы отдавали себе ясный отчет в этом. Давайте разберем все по порядку. Во-первых, что такое случайное явление? Вероятно, вам уже известно, что случайным мы называем такое явление, причины которого нам неизвестны. Это положение, справедливое прямо, не всегда справедливо обратно. Мы, например, не знаем, почему полысел Иван Иванович, но если ему лет за пятьдесят, мы никогда не скажем, что он полысел случайно.

Профессор говорил все это серьезным тоном, и с серьезными же лицами его слушали студенты. Но стоило только ему провести рукой по своей маленькой лунообразной лысине, как аудитория взорвалась смехом.

— Те явления, которые мы называем случайными, — продолжал Стародуб, когда смех утих, — систематически вторгаются в нашу жизнь. Не закрыт им доступ и в жизнь ученого, в его научную деятельность, в его эксперименты. И очень часто слепой случай помогает ему решить задачу. Это потому, что случай слепой, но ученый-то зрячий. Он умеет видеть в случайном явлении полезную ему сторону и умеет воспользоваться ею. За примерами недалеко ходить. Многим из вас хорошо известен Иван Фомич Луковников, большой ученый и отличный человек. Он долго работал над новым видом стенового материала — пеноглинитом. И долгое время этот пеноглинит у него получался неморозостойким, что, как известно, недопустимо для стенового материала. Иван Фомич понял, что зло кроется в структуре капилляров, но как изменить эту структуру, он не знал. И вот однажды один наш студент, ныне здесь присутствующий, сказал ему: «А не попробовать ли нам, Иван Фомич, вакуумирование?» Попробовали вакуумирование, и пеноглинит получился морозостойким. Мне кажется, такая мысль могла прийти на ум нашему студенту только случайно. Иначе и быть не могло. Не только студенту, но и мне самому ничего не известно относительно того, каким образом вакуумирование влияет на структуру капилляров. У меня есть основание полагать, что Иван Фомич кое-что об этом знает и случайно оброненным замечанием нашего студента он воспользовался совсем не случайно. Но случай все-таки в открытии пеноглинита сыграл свою роль. Возможно, что не будь его, Иван Фомич не додумался бы до вакуумирования. Все возможно, кроме одного. Невозможно допу-

стить, что не будь нашего студента поблизости от Ивана Фомича, пеноглинит так и остался бы неизвестным человечеству. Рано или поздно, но наука дошла бы своими неслучайными путями до секрета производства пеноглинита.

Теперь несколько слов о нашем студенте,— продолжал Стародуб после небольшой паузы.— По тому, как большинство из вас все время оглядывается назад, я понял, что многие знают, о ком идет речь. Не буду я разводить таинственности. Это Мальцев. Мне бы хотелось, мой друг,— обращаясь поверх всех голов непосредственно к Сереже, сказал Стародуб,— чтобы ни вы, ни ваши товарищи не переоценили ваших заслуг в этом открытии. И премию, которую вы, может быть, получите, рассматривали бы как такой же необыкновенный случай в вашей жизни, каким вы сами оказались в жизни Ивана Фомича. Я думаю, так будет самое правильное.

Сережа всю последнюю часть речи Николая Ивановича слушал, вцепившись обеими руками в борт пюпитра с такой силой, что дерево начало трещать. Когда же Стародуб кончил говорить, Сережа вскочил и, захлебываясь от волнения, прокричал:

— Стыдно, профессор, при всех тут... тут... Вы прежде должны были узнать, как я отношусь к этому, и тогда уже... могли...— Сережа запнулся. Комок подступил у него к горлу, но он сделал усилие, проглотил его и продолжал:— Я еще вчера решил подать заявление, что отказываюсь от соавторства. Пускай я сам слепой случай, но... но случайно получать премию я не хочу. Я сумею добиться сам... Брошу шахматы и... и...

«Ах, зачем я шахматы приплел?»— промелькнуло у него в уме. Он окончательно смутился и замолчал.

В абсолютной тишине аудитории раздался глухой удар. Это грузный Николай Иванович соскочил с кафедры и, хромая, побежал по проходу.

— Руку твою, дружок!— не говорил, а скорее рычал от волнения Николай Иванович и, подбежав к Сереже, сжал его пальцы в своей могучей ладони.

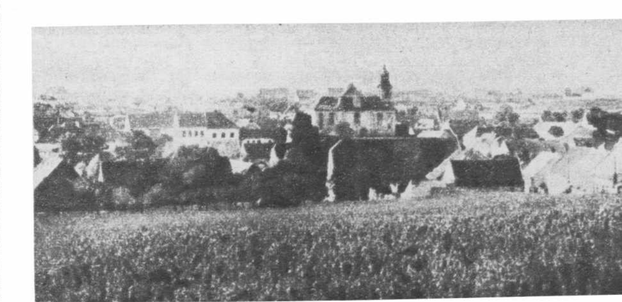
Из сотни молодых глоток вырвался единый вопль восторга.

В пятницу Ученый совет рассматривал заявление студента Мальцева, и на этот раз юридическая точка зрения профессора Крючкова полностью совпала с педагогической точкой зрения профессора Стародуба. А в воскресенье Сережа Мальцев поехал на обед к Ивану Фомичу вместе с Юлией.

ЛИДИЦЕ ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ

10 июня 1957 года исполняется пятнадцать лет с того дня, когда нацистские варвары смели с лица земли чешское село Лидице, расстреляли мужчин, угнали в концентрационные лагеря женщин и отравили газом детей или же отдали их «на воспитание». Лидицкая трагедия потрясла честных людей всего мира. Лидице стало символом борьбы против фашизма. Лозунг английских шахтеров «Лидице будет жить!» в настоящее время претворился в жизнь. Лидице живет! Из новых домов снова направляются в школу дети, женщины сушат белье в саду и готовят ужин для мужей, которые возвращаются с работы. Там, где раньше было село, ныне распускаются розы, присланные со всего мира...

Но Лидице не просто живет — оно предостерегает. Никто не должен забывать трагедии, которую пережили жители этого села. Каждый честный человек присоединится к словам лидицкой женщины — А. Грониковой, которая заявила в польском Хелмно, где погибли лидицкие дети: «Объединим свои силы в борьбе за мир, в борьбе за покойные ночи и солнечные дни наших детей. Общими усилиями защитим жизнь от смерти, мир от войны!»



Так выглядело Лидице — небольшое чешское село, в котором жили простые люди вплоть до 10 июня 1942 года.

10 июня 1942 года в Лидице.

Дети новой Лидице. Чтобы они не испытали ужасов войны, надо быть бдительным. Об этом постоянно напоминает крест из обгорелых бревен, воздвигнутый над братской могилой жертв Лидице.

Имени Довженко

В. ШУМОВ

Фото Н. Козловского.

Имя Александра Петровича Довженко, замечательного советского кинорежиссера, присвоено недавно Киевской студии художественных фильмов.

Все здесь напоминает о нем. От ограды до корпусов студии раскинулись пышные яблони в бело-розовом уборе. Этот плодовый сад, тополя и вербы, тенистые аллеи и обрамленный зеленью маленький пруд — все это зачиналось на пустыре трудолюбивыми руками Довженко. Но, разумеется, лучшей ему памятью станут хорошие фильмы.

↑ Закончен производством первый фильм юбилейного 1957 года «Крутые ступени» (режиссер-постановщик С. Навроцкий). В нем показан трудный путь украинского ученого Евгения Нарежного. Нарежного играет В. Дружников. Картина «Крутые ступени» скоро выйдет на экраны страны.

В монтажной мы застали одного из старейших режиссеров страны, Марка Донского. На этой студии он поставил кинокартины «Радуга», «Как закалялась сталь», «Непокоренные», «Сборник № 9», «Мать» — с Марецкой в заглавной роли. Сейчас группа под руководством Донского сделала фильм по повести М. Коцюбинского «Дорогой ценой». →

В производстве находится десяток картин. Режиссеры А. Маслюков и М. Маевская, известные по недавней постановке «Педагогической поэмы», к 40-летию Октября готовят фильм «Партизанская искра», посвященный героям подпольной организации села Крымка. В нем участвует много и непрофессиональных актеров—школьников, сельских комсомольцев. Пока начинающие актеры сдали первый экзамен-кинопробу.

А сейчас такой же экзамен сдает киноактер Павел Шпрингфельд. Его пробуют на роль кулацкого сынка в фильме «Хлеб», который ставит В. Лапокныш по мотивам пьесы И. Микитенко. Тамара Носова будет играть Параню ↓

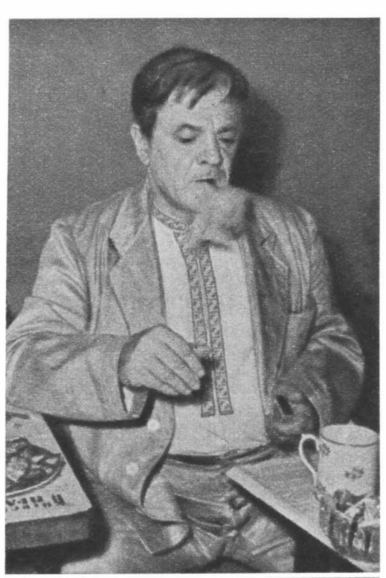
←

В. Иванов, ставивший комедийные фильмы о приключениях Тарапуньки и Штепселя, сейчас готовит для экрана классическую комедию Г. Квитки-Основьяненки «Шельменко-деньщик». В заглавной роли народный артист УССР М. Покотило. Вместе с гримером В. Талько артист уточняет детали грима.

Хотелось бы, конечно, поставить новую комедию на современную тему, но что поделаешь, нет хорошего сценария. Впрочем, надежды возлагают на... Тарапуньку: Юрий Тимошенко пишет комедию на злободневный сюжет.

Много здесь и дебютантов. Вот один из них. В ожидании съемки он безмятежно качается в люльке. Рядом его дублер — кукла.

На студии в эти дни часто можно встретить народного артиста СССР Н. И. Боголюбова, известного зрителям по многим кинокартинам. Он снимается в фильме о шахтерах «Гори, моя звезда» в роли парторга шахты. Ставит картину молодой режиссер А. Слесаренко. →



С очень большой нагрузкой работают вспомогательные цехи. Когда надо на экране воссоздать такие события, как катастрофы, крушения, — за дело берутся специалисты комбинированных съемок. Из бумаги, картона, клея, красок и мела они создают в миниатюре архитектурные сооружения любой эпохи, различные машины, скульптуры.

Этот железнодорожный состав с паровозом, сделанный И. Вересюком и Г. Синенко, на экране будет выглядеть, как настоящий. ↓

В нынешнем году студия выпустит тринадцать фильмов. Если учесть, что не так давно здесь выпускали в год одну — две картины, то можно сказать, что это не так уж плохо. Среди новых работ «Рожденные бурей» по Н. А. Островскому, «Перекоп» — второй фильм режиссера И. Кавалеридзе, «Родная сторона» и «Киевлянка», показывающие суровые испытания, пережитые народом, и его творческий труд, «Правда» — по пьесе А. Корнейчука, «Под золотым орлом» — по мотивам пьесы Я. Галана — и другие. Днем и ночью вспыхивают надписи в павильонах: «Тихо. Съемка».

Золушка карельских лесов

В лесах Карелии по берегам озер, чаще всего в той стороне, что именуется Заонежьем, иной раз можно встретить рощицу непередаваемой красоты. Она кажется белоснежным облачком, упавшим с высоты на каменистый пригорок. И если вы зайдете в березовую чащу, излучающую белое сияние, то сразу обратите внимание на то, что она состоит из деревцев-уродцев, искалеченных каким-то недугом.

У красавицы-березки оказалась в карельских лесах сестра-замарашка, бедная лесная Золушка. Природа, словно стыдясь своего незадачливого дитяти, надежно укрыла его в глухих урочищах, подальше от человеческого глаза. Можно прошагать сотни километров по лесным чащам Карелии, но так и не увидеть знаменитую карельскую березу. Она стала редкостью, охоту за которой, пожалуй, можно сравнить с поисками благородных металлов или самоцветов.

Наука еще не сказала своего последнего слова об этом диковинном дереве, не все его загадки разгаданы. Мы не знаем, почему карельская береза исчезает из тех самых лесов, которым она обязана своим именем.

Странные особенности в строении березового ствола некоторые объясняли «игрой природы», отклонением от нормы. Советский ученый Н. О. Соколов, знаток карельской березы, считает ее самостоятельной формой, имеющей много черт сходства с так называемой бородавчатой березой.

Подобно сказочной Золушке, карельская береза обладает драгоценными свойствами, таящимися под ее убогим нарядом. Она славится дивным рисунком своей древесины, равного которому нельзя найти во всем обширном лесном царстве. Не случайно кто-то назвал ее деревянным мрамором.

Нередко попадаются образцы с бело-желтыми тонами и еще — с более темным оттенком, в которых господствуют бурые и коричневые краски. Там же, в карельских лесах, можно встретить березу, древесина которой как бы запечатлела в себе отблески розовой северной зари.

Причудливую форму имеют и ее так называемые годичные кольца. Все эти изгибы, волнистые линии, завитушки отчетливо выступают на полированной березовой поверхности, образуя замысловатый рисунок, давший право назвать карельскую березу фигурной, узорчатой.

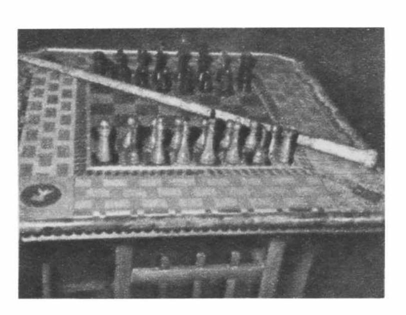
Редкие качества карельской березы давно известны мастерам-краснодеревцам, искусникам художественных промыслов. В довоенные годы у нас довольно широко были распространены поделки из удивительного дерева: портсигары, пудреницы, шахматы, письменные приборы, шкатулки и многое другое.

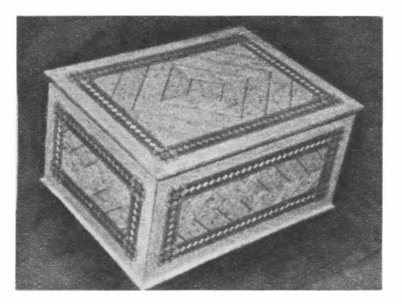
Но все это было в прошлом. Теперь даже в Петрозаводске, столице Карелии, изделия из карельской березы можно увидеть лишь в местном музее.

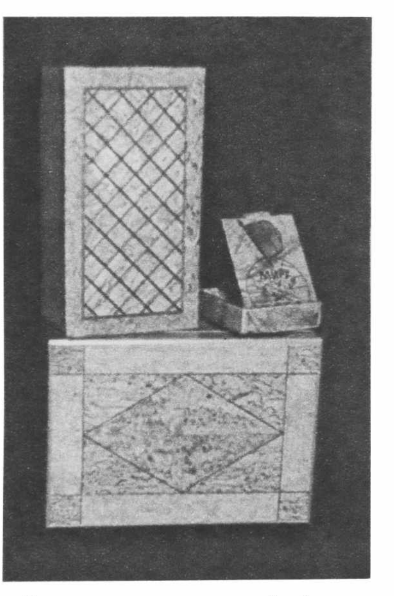
В прошлом Карелия славилась не только удивительной березой, но и искусством своих мастеров, в руках которых бесформенный кусок дерева начинал излучать сияние, приобретал живые краски, принимал причудливые очертания. Далеко за пределами республики известны были имена Синявина и Клюхина, глубоких, вдумчивых художников.

К сожалению, у старых мастеров оказались беспечные, расточительные наследники. Некогда процветавшее производство мебели и разных поделок из карельской березы, попав в равнодушные руки руководителей промкооперации и местной промышленности, сошло на нет, угасло.

С необъяснимым равнодушием относятся к своему редкому детищу и лесные работники. В главном лесном управлении Министерства сельского хозяйства Карельской АССР не оказалось «штатной единицы» для специалиста, который посвятил бы себя карельской березе. Это тем более непростительно, что иноземное нашествие в годы второй мировой войны нанесло серьезный ущерб лесам республики. Захватчики вырубали карельскую березу всюду, где ее находили.







Изделия из карельской березы.
Фото М. Колоколова.

Что же теперь делается для того, чтобы возродить это ценное дерево? Очень немногое. Поиски новых куртин карельской березы ведутся вяло и без необходимого размаха. Новые посадки ведутся кустарно.

Недалеко от Петрозаводска еще в 30-х годах руками Соколова и его верных помощников был заложен небольшой питомник. Война случайно пощадила этот питомник, и теперь на окраине села Царевичи высятся заросли карельской березы. Они поднялись вопреки равнодушию одних и скептицизму других. Теперь и научно и практически доказано, что карельскую березу можно выращивать в искусственных условиях, по воле человека.

Карельская береза требует неустанного внимания и заботы, она должна занять свое почетное место в лесах республики. Нужно много усилий, чтобы снова на всю страну зазвучала слава ее замечательных мастеров-краснодеревцев, чтобы опять во все уголки Советского Союза двинулись чудесные изделия из деревянного мрамора.

В. АНТОНОВ

НОВОЕ О МАРКЕ ТВЕНЕ

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР найдены неизвестные до сих пор письмо и фотография великого американского сатирика Марка Твена.

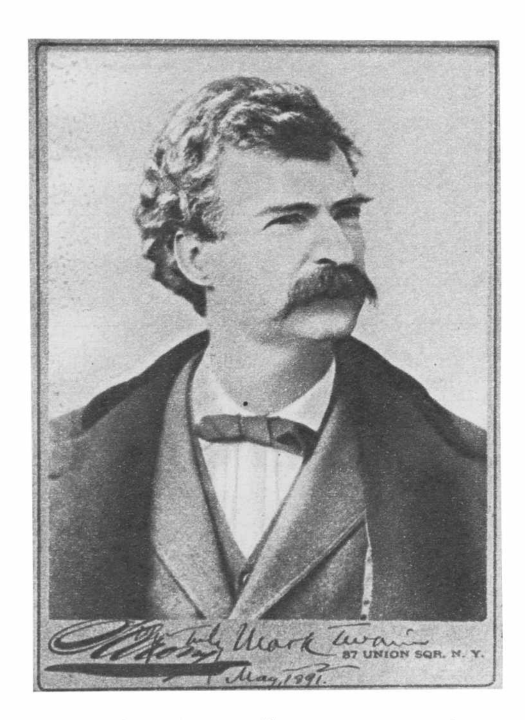
Письмо адресовано русскому писателю, одному из представителей революционного народничества 70-х годов, С. М. Степняку-Кравчинскому, который, эмигрировав из царской России, с 1884 года поселился в Лондоне.

В числе многочисленных зарубежных друзей Степняка был и Самюэль Клеменс, к тому времени уже известный всему миру под именем Марка Твена.

Их знакомство произошло в 1891 году, когда Степняк приехал в Америку для организации там «Общества друзей русской свободы», аналогичного тому, которое было создано в 1889 году в Англии.

За несколько месяцев своего пребывания в Америке Степняк посетил крупнейшие города Соединенных Штатов: Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Цинциннати, — где выступал с публичными лекциями о России, пропагандировал журнал «Свободная Россия» и стремился привлечь внимание американцев к русскому революционному движению. И хотя для Марка Твена знакомство со Степняком было не единственным знакомством с представителями русской культуры (Твен встречался с И. С. Тургеневым, позднее — с А. М. Горьким), все же эта встреча, безусловно, оказала влияние на отношение Твена к русскому царизму и к революции 1905 года в России.

В. КОРШУНОВА,
М. СИТКОВЕЦКАЯ



Фотография Марка Твена, подаренная им С. М. Степняку-Кравчинскому с надписью: «Искренне Ваш. Марк Твен. Май 1891».

Хартфорд, 23 апреля 1891 г.

Дорогой мистер Степняк!

Слова, которые Вы написали на обложке Вашей книги [1], порадовали меня так же, как похвала радует мальчика. Мальчик не задумывается над тем, заслужил ли он похвалу; так же поступаю и я, да и зачем мне задумываться?

Похвала — не долг, который должен быть оплачен, похвала — это дар, и свести его к уровню коммерческой сделки — значит оскорбить, обесчестить его. Но для меня достаточно, если Вы сами верите, что сказанное Вами — правда, и я знаю, что это именно так, потому что всякий, кто видел Ваше лицо или читал Вашу книгу, не может не видеть, что Вы кристально чистый, искренний и прямой человек.

Я прочел все о подпольной России с глубоким и мучительным интересом. Какого высокого самопожертвования мужчины и женщины!

Я полагаю, нет ничего более дикого, чем русский деспотизм, который мог породить такую жертвенность. Долгие годы добровольных страданий и в конечном итоге даже смерть исключительно для блага других людей — это такой вид подвижничества, которого нет ни в одной другой стране за исключением России.

Я думаю, что история полна мучеников, но я никого не знаю, кроме них, кто отдал бы хоть что-нибудь за абсолютное ничто.

Во всех других примерах, которые я могу припомнить, всегда можно подразумевать расчет. Я не говорю о тех эксцентричных мучениках, внезапно загорающихся какой-нибудь возвышенной идеей, с энтузиазмом и без раздумья отдающихся этой идее на время; я говорю о такого рода героизме, который предвидит виселицу на далеком горизонте за много лет вперед и идет к ней неуклонно через пламя ада, не содрогаясь, не закрывая глаз, не колеблясь и ожидая для себя за все это только виселицу...

Очень жаль, что мы не можем пригласить Вас сейчас. Я имею в виду миссис Степняк и мальчика [2], которых мне так хотелось увидеть! ...Я очень сожалею, что они не побывали у нас вместе с Вами раньше. Мы прекрасно провели время, и им следовало бы получить свою долю.

**Искренне Ваш
Самюэль Клеменс.**

[1] Имеется в виду книга С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», представляющая собой серию художественных биографий деятелей русского освободительного движения. Издана на английском языке в 1882 году.

[2] Возможно, М. Твен имеет в виду Марочку Гамбурга, впоследствии пианиста М. М. Гамбурга, к которому С. М. Степняк был сильно привязан.

Звучи, наша песня

Песни создаются каждый день. Сочиняют их и музыканты, и любители, часто даже не знающие нотной грамоты, слагают многочисленные самодеятельные коллективы, агитбригады. Заслуживает всяческой поддержки инициатива горьковских культурных организаций, выпустивших к Всесоюзному фестивалю советской молодежи сборник песен самодеятельных авторов.

Лучшие песни горьковчан привлекают прежде всего близостью к народным художественным образам. Таковы песня А. Алеевой «Ленинский комсомол», основанная на своеобразных попевках, характерных для татарской музыки. Ясно ощутим народный колорит в «Молодых косарях» П. Беренкова, «Девичьей» А. Бынечкина; в них удачно использованы напевные русские мелодичные обороты. Лирические песни Л. Подгурского «Свидание» и «Прибыл парень в наш колхоз» написаны с учетом приемов музыкального сопровождения, характерных для баяна.

В сборнике много и произведений, написанных по шаблону. Иной раз трудно сказать точно, откуда заимствована та или иная песня, но они настолько напоминают известные образцы, что своеобразие мелодии уловить невозможно. К сожалению, текст большинства песен слабый. С. Кириллов в песне Алеевой «Фестиваль» 48 раз повторяет заглавное слово. Много общих мест в песне В. Каныгина. Известные поэты-песенники — Л. Ошанин, В. Типот — представлены в горьковском сборнике трафаретными стихотворениями («Письмо тебе», «Девичьи жалобы»).

В Горьком работают талантливые музыканты, такие, как один из старейших русских композиторов А. Касьянов, А. Нестеров, О. Эйгес. Их участие в редактировании сборника избавило бы авторов песен от элементарных просчетов в гармонии и голосоведении.

Ю. КОРЕВ

«Звучи, наша песня». Сборник песен горьковских самодеятельных композиторов. Горький. 116 стр. 1957.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА

В. В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР

На академической выставке 1870 года экспонировалось пять картин В. Г. Перова и среди них «Птицелов» — работа, получившая первую премию от Общества поощрения художеств.

На опушке леса — старый да малый, рядом с ними клетки. Старик лежит возле дерева, искусно приманивая свистком птиц. И он и внук его — воплощение внимания и настороженности. Тишина вокруг; не шевельнется ни листок, ни травинка. Глядя на этого старого чудака, сразу скажешь, какой это чудесный старик, с добрым сердцем, переполненным любовью к детям, птицам, природе. Самое большое счастье для него — доставить радость внуку, послушать щебетание птиц, покормить их, а потом, весной, выпустить на волю. Незамысловат сюжет этой картины, но столько в ней поэзии, любви к природе и людям, что созерцание ее доставляет истинное и глубокое наслаждение. Недаром В. В. Стасов в «С.-Петербургских ведомостях» писал:

«Ведь это точь в точь будто отрывок из лучшего и талантливейшего, что есть в охотничьих очерках Тургенева. Ни один из двух этих талантов не уступит другому по силе душевной характеристики, по натуре, по естественности и простоте».

На этой же выставке зрители впервые увидели и превосходную картину Перова «Странник», изображающую старика-богомольца. Моделью странника послужил 84-летний старик, бывший крепостной Христофор Барский, которому художник посвятил не только одну из лучших картин своих, но и один из лучших рассказов, «Под крестом». И в обоих своих произведениях — и в живописном и в литературном — Перов воспевает достоинство человека из народа, восхищается его нравственной, духовной силой.

За эти две картины В. Г. Перов получает звание профессора Академии художеств.

В том же 1870 году художник пишет автопортрет. Ему было тогда всего тридцать семь лет, но с автопортрета на нас смотрят глаза, в которых столько ума, житейской мудрости, боли и страдания, что кажется, это глаза человека, очень много увидавшего в жизни.

И действительно, Перов к тому времени уже и сделал очень много, и пережил, и перечувствовал тоже многое. Он узнал и славу, и признание, и радость создания, и горечь утрат, и тяжелый недуг. Перов был уже автором широко известных картин, таких, как «Проповедь на селе», «Сельский крестный ход на пасхе», «Чаепитие в Мытищах», «Монастырская трапеза», «Проводы покойника», «Тройка», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Гитарист-бобыль», «Последний кабак у заставы», «Фомушка-сыч», и многих, многих жанровых композиций и портретов.

К тому времени Перову уже присуждено звание академика. Он, по словам Стасова, «делается любимцем всей интеллигентной и художественной России». Но за год до создания автопортрета художник пережил огромное личное горе: умерла жена, один за другим умерли дети — сын и дочь, в живых остался только младший сын. Если бы не искусство, трудно было бы пережить все это. Горе надломило Перова, он заболел туберкулезом. Вот откуда горе и страдание в глазах его, во взгляде, западающем в душу, запоминающемся навсегда. 75 лет назад, когда В. Г. Перову было всего 49 лет, тяжелый недуг свел его в могилу.

Картины Перова никогда не оставляют равнодушными зрителя, изображает ли он детей, лишенных счастливого детства; или безысходное горе крестьянской семьи, оставшейся без кормильца; или когда он издевается над монахами-чревоугодниками, купцами-толстосумами, грубыми, самодовольными, пресыщенными, противопоставляя их миру обездоленных «бедных людей».

Все творчество Перова озарено состраданием, щемящей сердце жалостью и сочувствием к несчастным и униженным. Гневным, бичующим обличением полны картины его.

Один из самых крупных представителей передового демократического искусства 60-х годов прошлого века, замечательный русский художник-реалист, учитель целой плеяды крупнейших русских художников, таких, как Н. А. Касаткин, С. А. Коровин, М. В. Нестеров, А. П. Рябушкин, и многих других, В. Г. Перов по праву занял одно из самых почетных мест в истории развития русского искусства.

Мне, как пейзажисту, как художнику, особенно дорого то, что В. Г. Перов всегда очень тонко чувствовал и понимал природу. Понимал и любил ее так, как может понимать и любить человек с чистым, искренним и большим сердцем.

За примерами ходить недалеко: взять хотя бы те картины, которые воспроизводятся сегодня в журнале.

Суровая и безжалостная природа в картине «Тройка» становится ласковой, умиротворенной и благоухающей в «Птицелове».

В картине «Последний кабак у заставы» мы видим дома с тускло поблескивающими огоньками окон, яркую полоску зари над горизонтом, запорошенные снегом сани и одинокую фигурку женщины. Она уже давно продрогла, а муж все не выходит из кабака... И вся картина полна щемящего чувства безысходности, безрадостности крестьянской судьбы.

И этот зимний пейзаж, и этот тускло поблескивающий снег, и зимний морозный воздух — все это подчеркивает, усиливает настроение картины.

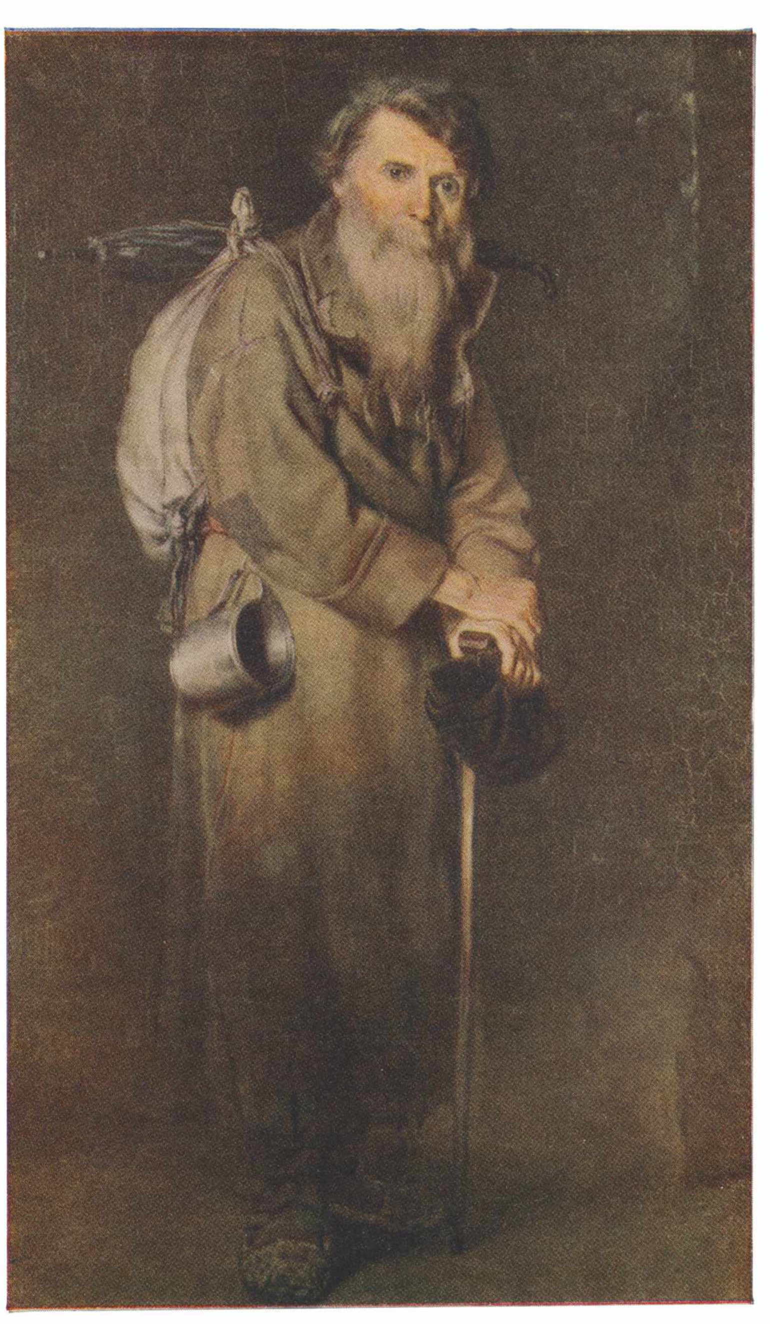
В. Г. Перов. ПОРТРЕТ А. Н. ОСТРОВСКОГО. 1871.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Г. Перов. ПОСЛЕДНИЙ КАБАК У ЗАСТАВЫ. 1868.
Государственная Третьяковская галерея.

В. Г. Перов. СТРАННИК. 1870.
Государственная Третьяковская галерея.

В. Г. Перов. АВТОПОРТРЕТ. 1870.
Государственная Третьяковская галерея.



СПУТНИК ЗЕМЛИ

Исследовательская ракета на взлете.

Е. РЯБЧИКОВ

1 июля 1957 года войдет в историю мировой науки: в этот день начнется Международный геофизический год — МГГ. Объединив свои усилия, ученые многих стран займутся упорным исследованием материков и островов, морей и океанов, подводных глубин и атмосферы.

МГГ ознаменуется и другим важным событием — запуском в космос искусственных спутников Земли.

В арсенале обширных технических средств, которыми располагают ученые, особое место заняли ракеты. Естественно, что во время МГГ для всестороннего изучения преддверий космоса из различных пунктов земного шара будет запущено много метеорологических ракет. Более ста таких ракет предполагают запустить советские ученые с территории СССР, из района Земли Франца-Иосифа и из Антарктиды.

Геофизические явления не только чрезвычайно сложны, но очень изменчивы в пространстве и во времени. Следовательно, чтобы получить точную и полную характеристику геофизических явлений, нужно запустить тысячи и тысячи ракет в разных точках земного шара. Помимо ракет, впервые будет использован искусственный спутник Земли. О таких спутниках мечтал выдающийся русский ученый К. Э. Циолковский. «Калужский мечтатель» разработал проекты создания спутников и запуска их в космос. Сейчас в СССР и США создаются такие искусственные спутники.

Представьте себе железобетонную стартовую позицию — ракетодром, на котором вертикально установлена большая ракета. В ее головной части укреплен небольшой металлический шар — это и есть спутник Земли.

Спутником он станет в том случае, если его «забросят» в верхние слои атмосферы и там сообщат ему необходимую скорость. Для этого нужен могучий толчок, огромная сила. Такой силой является стоящая на пусковой площадке ракета.

Для запуска спутника, очевидно, будет выбрано раннее утро. Звезды блекнут, но Солнце еще не взошло. Дали плотно закрыты молочным туманом, и окрест стоит такая тишина, какая бывает только перед восходом. За несколько минут до появления Солнца, когда небо уже охватывается пламенем зари, приготовления на ракетодроме закончатся и по сигналу все научные сотрудники и обслуживающий персонал спустятся в подземный бетонированный блиндаж, за стальные двери. Отсюда с помощью особых приспособлений они будут наблюдать за тем, что произойдет на поверхности.

...Включен рубильник. Вздрагивает земля, раздается оглушительный взрыв, и в предрассветной мгле от железобетонной стартовой площадки в небо устремляется огненный смерч ракеты.

На заданной высоте скорость ракеты достигает 10 тысяч километров в час. Но это не предел. Как только первая ракета израсходует свое топливо и автоматически отделится, снаряд полетит уже со скоростью 21 тысяча километров в час. Затем отделится вторая ракета; израсходовав топливо, она тоже отпадет, и включится третья ракета. Она автоматически поворачивается, и ее скорость достигнет уже 29 тысяч километров в час. Но вот искусственный спутник доставлен к заданной высоте. Спутник, расположенный в головной части ракеты, отделится и уйдет в самостоятельный путь вокруг земного шара.

Спутник получит необходимое для устойчивости вращение, и так, вращаясь, он отправится по эллиптической орбите вокруг Земли. Скорость в 29 тысяч километров в час придаст ему такую центробежную силу, что она не позволит спутнику сразу упасть на планету.

Полный оборот искусственного шара вокруг Земли займет примерно полтора часа — за сутки он совершит шестнадцать обращений.

Самые невероятные испытания подстерегают металлический шар в пути. Прежде всего ему угрожает метеорная опасность: в атмосферу врывается огромное количество метеоров, летящих с колоссальной скоростью. Как правило, они сгорают, не достигнув земной поверхности, но в верхних слоях атмосферы, где воздух чрезвычайно разрежен, они, обладая огромной кинетической энергией, могут бомбардировать шар и пробить его металлический корпус. Метеорную опасность и многое другое должны были учесть конструкторы при создании необычной космической обсерватории. Корпус спутника должен обладать высокой жароупорной — термической — прочностью и антимагнитными свойствами. Во время рейсов вокруг Земли спутник будет находиться в условиях невесомости; под воздействием излучений, космической пыли, он будет нагреваться солнечными лучами и охлаждаться в земной тени.

При малых габаритах металлическая планета-лилипут должна принять сложнейшие автоматы и приборы, измерители ультрафиолетовых, космических и рентгеновских лучей, приборы для исследования полярных сияний, магнитометр и другие. Для питания радиопередатчика и всевозможных электронных приборов конструируются особые аккумуляторы.

По мере совершенствования конструкции ученые и техники используют в будущем для электрификации спутника энергию Солнца, обогревающего его корпус. На космической обсерватории устроят солнечную электрическую станцию. Полупроводники превратят световую энергию Солнца в электрическую.

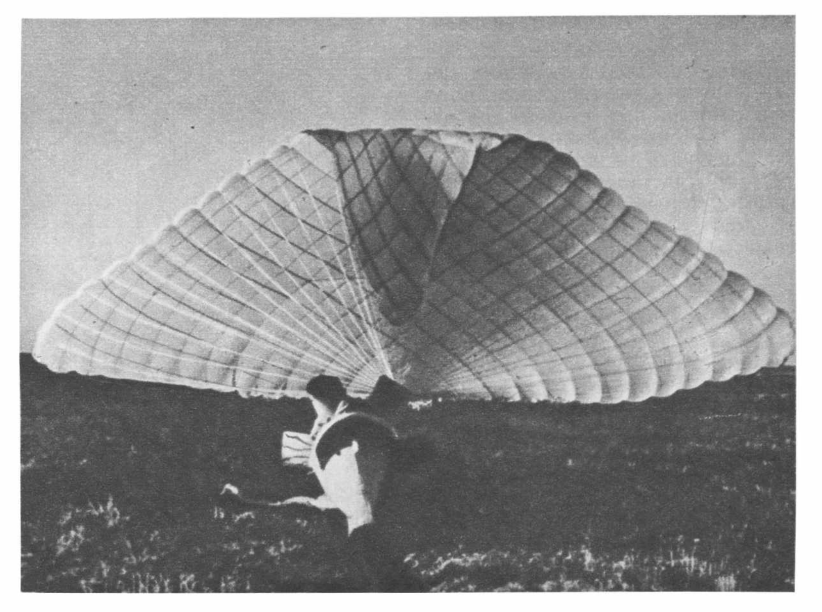
Пока спутник вращается вокруг Земли, радиостанция, установленная в нем, передаст показания приборов. Некоторые показания запишет специальная магнитная лента. Как только спутник покажется над определенным пунктом Земли, где расположена приемная станция, передатчик автоматически «прочитает» записи, сделанные на магнитной пленке. Используя особые радиолокационные и оптические станции, ученые будут вести непрерывные наблюдения за спутником и принимать его сигналы.

Опоясывая по спирали почти всю планету, спутник даст ценные характеристики распределения геофизических явлений в пространстве и изменения их во времени.

Не обладая собственным светом, спутник, подобно Луне, станет отражать лучи Солнца и ночью будет похож на микроскопическую звезду. Ее увидят незадолго до восхода или после захода Солнца, когда спутник совершит пролет от горизонта до горизонта за 12—13 минут.

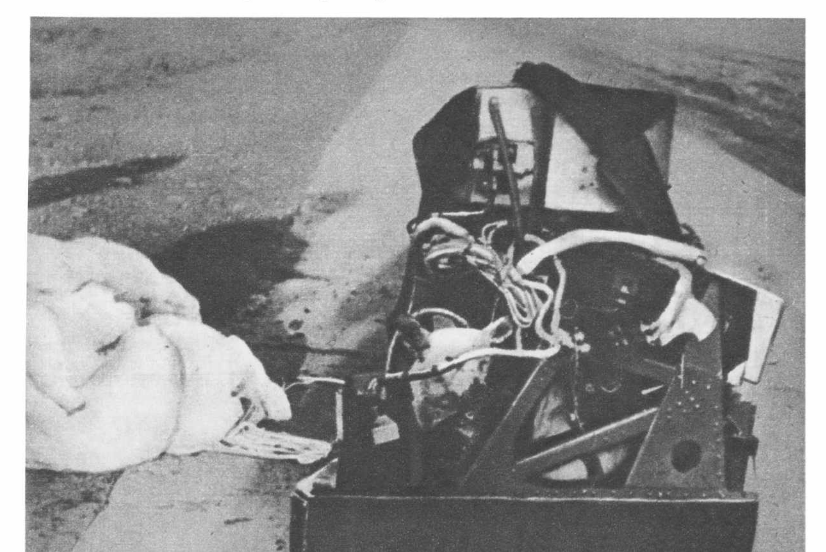
Как ни мала новая звездочка, заброшенная человеком в космос, но во время полетов вокруг Земли мы увидим ее даже в обычный полевой бинокль.

Как долго продержится спутник в верхних слоях атмосферы? Получив колоссальную первоначальную скорость, он будет двигаться, встречая в верхних слоях атмосферы ничтожное сопротивление.



Приземлившаяся на парашюте часть ракеты.

Собака, совершившая полет в верхние слои атмосферы в контейнере, хорошо чувствует себя после полета.



Оптические приборы размещены в специальной приставке к носовой части ракеты.

Уже на высоте 200 километров плотность воздуха в несколько миллионов раз меньше, чем у поверхности Земли. Но как бы там ни был разрежен воздух, он все-таки существует и неизбежно станет тормозить движение спутника. Космическая обсерватория не сможет вечно вращаться вокруг Земли: постепенно утрачивая скорость, она будет терять высоту, опускаясь в нижние слои атмосферы, где сила трения о воздух станет так велика, что спутник сгорит.

Помимо исследовательских целей, искусственные спутники будут использованы со временем для решения многих практических задач. Заброшенные на огромную высоту, они, в частности, позволят расширить возможности телевидения. Известно, что передачи Московской телевизионной станции сейчас можно принимать лишь на расстоянии 150—200 километров в зоне прямой видимости антенны Шаболовской башни. Если же установить ретрансляционную станцию на спутнике или на спутниках, то она, принимая с антенны телецентра сигналы, сможет передавать их на огромном пространстве колоссальному количеству зрителей.

Теперь мы знаем, что осуществится мечта К. Э. Циолковского и о «космических городах» и о пересадочных станциях для полетов на Луну или Марс. К. Э. Циолковский верил, что человек завоюет околосолнечное пространство, создаст спутники-города со своими гелиоэлектростанциями, оранжереями и теплицами...

Советские ученые готовятся к запуску искусственного спутника во имя науки, во имя познания областей, прежде недоступных человеку. Далекими от осуществления, фантастичными казались дерзновенные мечты К. Э. Циолковского. Сейчас его смелые планы обретают черты реальности.

Скоро миллионы людей будут наблюдать за новой звездочкой-спутником, которая появится на время в высоком небе. Ее блеск на небосводе перед восходом Солнца означит наступление новой эры — эры проникновения человека в космос.

БОЛЬШОЙ ПОДАРОК МАЛЕНЬКИМ

Самый большой в нашей стране детский универсальный магазин готов к открытию. На его четырех этажах, где разместилось более ста секций и салонов, можно купить все, что нужно человеку со дня рождения до окончания школы и получения аттестата зрелости — несомненного свидетельства, что он стал наконец взрослым.

Для матерей с грудными детьми предусмотрен отдельный вход, откуда они сразу попадают в отдел «Для самых маленьких». Школьникам же старших классов приходится подниматься на четвертый этаж. Впрочем, это не доставит им труда: в магазине установлены эскалаторы — такие же, как в метро.

«Детский мир» находится в самом центре Москвы, на площади Дзержинского. Светлое его здание украшает столицу. Торговые залы магазина раскинулись на семнадцати тысячах квадратных метров. Почти девять тысяч квадратных метров отведено под складские помещения, уже заполненные товарами. Разгрузка с автомашин, доставка на склады и к прилавкам полностью механизированы.

Ассортимент нового универмага насчитывает более десяти тысяч названий. Впервые появятся в продаже новая детская мебель, детская посуда и интересные изделия для политехнического образования ребят.

Здание нового универмага «Детский мир».

Центральный зал, где широко раскинулось царство игрушек.

Знакомство с «Детским миром» мы начали с центрального зала. Он очень велик и высок. Свет льется с боков и сверху — через стеклянную крышу. Как и полагается в детском магазине, большой зал отведен игрушкам. Никто не возьмется подсчитать, сколько их здесь!

В центре высится декоративная пальма. Ее разноцветные листья сделаны из материи. Смешные мартышки взбираются на пальму, качаются на качелях, которые держит во рту цветастый жираф. А вот и небольшой бассейн; здесь плавают заводные корабли и яхты. Неподалеку трек, на котором можно испробовать игрушечный автомобиль или мотоцикл.

Торговля в новом магазине будет организована тоже по-новому: залы разбиты по возрастному признаку. Два зала для самых маленьких, зал для продажи пальто мальчикам, зал для продажи платьев девочкам дошкольного возраста, еще зал — в нем продают куртки, брюки...

В «Детском мире» есть любопытная особенность: его оборудование совершенно лишено дерева. Прилавки—длина их достигает двух километров,— столики для продавцов, портативные контейнеры для перевозки товаров и многое другое сделаны из алюминия, стекла, пластиката. Поэтому все тут имеет изящный вид и придает торговым залам особенную нарядность.

Заглянем еще в один интересный уголок «Детского мира». Это комната матери и ребенка. Она прекрасно оборудована. Здесь есть все, чтобы ребята провели время, пока мать сделает нужные покупки. Мать может тут умыть, накормить и перепеленать грудного младенца, оставить на время более взрослого ребенка: им займутся квалифицированные воспитатели.

Мы входим в демонстрационный зал. На его многочисленных стендах показаны летние товары. Когда здание универмага будет достроено полностью и появятся специальные пошивочные мастерские, тут будут устраиваться выставки «детских мод».

Строители проявили большую заботу и о детях и о родителях. В новом магазине есть просторное кафе для ребят. Работники бюро доставки товаров помогут родителям поднести тяжелые и громоздкие покупки до такси или до остановки городского транспорта. В залах никогда не будет душно: имеются установки для кондиционирования воздуха.

Мы покидали этот замечательный универмаг, когда над городом уже спускались сумерки. Все его этажи светились мощными люминесцентными лампами, и он казался волшебным дворцом из чудесных детских сказок.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото А. Гостева.

Руководители партии и правительства осматривают «Детский мир».

Фото В. Денисенкова.

На летней спортивной площадке школы № 155 Ленинградского района Москвы. В волейбол играют ученики 8-го класса «А».

На страницах нашего журнала («Огонек» №№ 5, 7 и 10) под заголовком «Неоконченный разговор» публиковались статьи и заметки о физическом воспитании детей, вызвавшие широкий отклик читателей. Из многих городов и сел редакция получила письма, в которых говорится о явном неблагополучии с организацией школьной физкультуры. Пишут директора школ, педагоги, родители, школьники, работники отделов народного образования, а также физкультурных организаций.

Редакция провела совещание по этому вопросу. Вновь участники говорили о недостатках программы школьной физкультуры, об отсутствии спортивных залов и летних площадок, указывали на низкую квалификацию преподавателей, на плохую систему снабжения спортивным инвентарем.

Наши корреспонденты обратились к председателю Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и к заместителю министра просвещения РСФСР с просьбой высказать свое мнение по затронутым вопросам.

Ниже мы печатаем их ответы.

Главные задачи

Н. Н. РОМАНОВ
Председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР

Несмотря на то, что о физическом воспитании подрастающего поколения, в частности школьников, говорилось и писалось много, выступление журнала «Огонек», который заговорил на эту тему конкретным языком, я считаю правильным, важным и интересным. Для того, чтобы вести разговор в том же конкретном тоне, я хочу обратить внимание на три главных вопроса.

Первый из них — вопрос о кадрах. Еще недавно количество преподавателей физкультуры в школах с высшим и средним специальным образованием определялось лишь несколькими процентами. Спорт в школе преподавали люди, плохо знакомые с основами физического воспитания, а поэтому ограничивавшие уроки главным образом шагистикой.

С нового учебного года в школах будет работать около 42 тысяч преподавателей, получивших специальное образование. Эта армия наставников способна уже теперь изменить метод преподавания физкультуры и сделать этот предмет более разнообразным и увлекательным.

Опираясь на подготовленные кадры, можно значительно повысить требования к проведению обязательных уроков по физическому воспитанию, а также массовой спортивной работы в школе.

Число квалифицированных преподавателей физкультуры с каждым годом растет. К 1960 году большинство школ будет обеспечено преподавателями с высшим и средним специальным образованием, а в городах это произойдет уже к 1958 году.

Второй вопрос — о зарядке и так называемых внешкольных занятиях.

Думаю, что с нового учебного года министерства просвещения должны будут в обязательном порядке ввести зарядку два раза в день: перед занятиями и в перерыве, скажем, между третьим и четвертым уроками. Для этого не требуется никаких дополнительных средств, но нужны лишь самые небольшие усилия руководителей школы. В то же время регулярное проведение такой зарядки скажется на физическом развитии школьников.

Особо стоит вопрос о внешкольной работе. Как известно, у нас существует система детских спортивных школ, где ребята в часы своего досуга занимаются различными видами спорта. Такие школы имеются во всех крупных городах и многих районах при отделах народного образования и спортивных обществах. В нашей стране более 950 таких школ. Это центры по проведению всей внеучебной спортивной работы. Они являются инициаторами междушкольных соревнований, а также оказывают помощь школьным коллективам физической культуры. Детские школы имеют квалифицированных преподавателей, которые могут быстро определить и направить способности юных спортсменов. Система занятий, например, в московской школе гороно и в сорока пяти разных школах столицы дает возможность правильно организовать всю работу с юными спортсменами.

Спартакиады школьников, проводимые ежегодно, являются как бы проверкой физкультурной работы. Число участников на этих спортивных соревнованиях непрерывно растет, и с каждым годом повышается мастерство физкультурников. Теперь уже к финалу допускаются только те из ребят, которые выполнят второй спортивный разряд.

Мы имеем немалое число отличных спортсменов, в том числе чемпионов и рекордсменов, воспитанных в свое время в детских спортивных школах.

Наконец, третий вопрос. Он, естественно, связан с первыми двумя: о спортивных сооружениях. В этом смысле нами сделано еще мало. Даже в Москве многие школы не имеют спортивных залов и площадок.

Мне кажется, мы должны идти по пути строительства упрощенных площадок и применять упрощенные правила игр. Это поможет вовлечь всех школьников в занятия спортом.

Правительство отпускает деньги для постройки спортивных залов. Но чтобы обеспечить залами все школы, потребуется несколько лет. Правильно было бы в первую очередь за счет этих средств построить двухзальные корпуса с бассейном, которые обслуживали бы группу школ и детскую спортивную школу. В этом корпусе можно было бы всегда заниматься гимнастикой, плаванием, играть в баскетбол, волейбол. Кроме того, рядом с таким корпусом нужно расположить спортивные площадки для волейболистов, баскетболистов, легкоатлетов. Эти площадки зимой могут быть использованы под каток. Строительство подобных спортивных сооружений избавило бы школьников от необходимости далеко ездить на большие стадионы.

Комитет по физической культуре и спорту принимает сейчас все меры к тому, чтобы с помощью министерств просвещения упорядочить наконец дело физического воспитания школьников. Думаю, что нам это удастся сделать в ближайшее же время.

Шесть вопросов

А. М. АРСЕНЬЕВ
Заместитель министра просвещения РСФСР

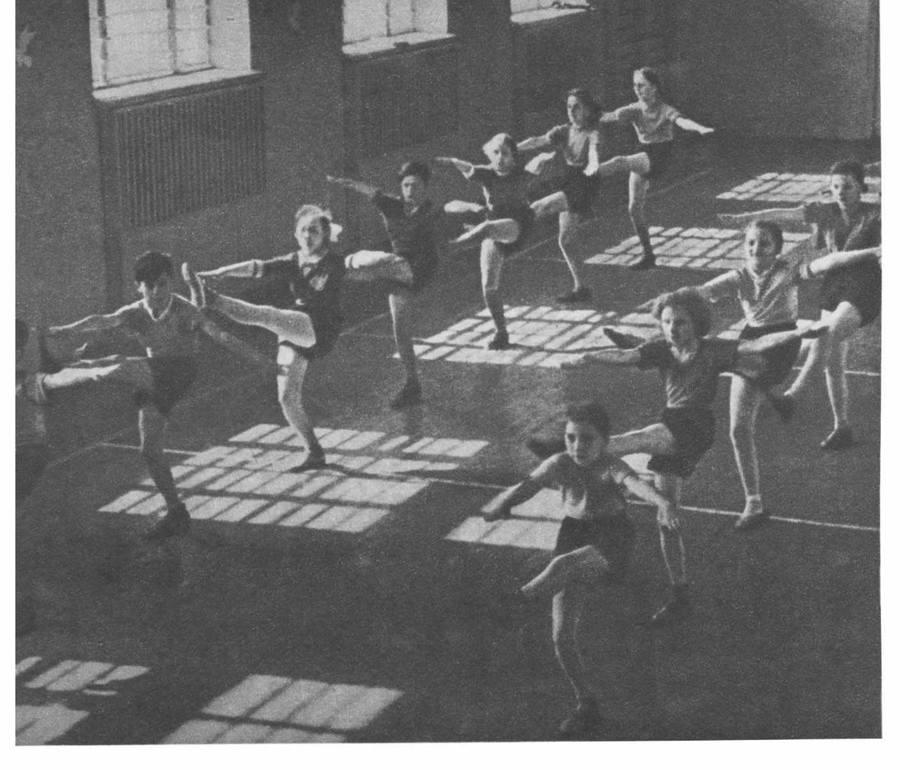
Вопрос. Является ли для школьника физкультура обязательным предметом?

Ответ. Безусловно. Никто не подвергает это сомнению. Занятие физической культурой — важный предмет в системе школьного воспитания. Но за последнее время эти занятия в значительной мере оказенены. В них не используется элемент соревнования, без которого вообще немыслим спорт. Вот почему сейчас разрабатывается новая программа занятий по физической культуре в школе.

Вопрос. Почему же в таком случае оценки успеваемости по физкультуре не учитываются?

Ответ. Занятия по физкультуре должны основываться на живом интересе, на самодеятельности учащихся. Тут административными мерами мало чего добьешься. Ведь не случайно в тех школах, где этот важный предмет поставлен хорошо, на занятиях стопроцентная явка. Здесь успех решает не отметка, а умение учителя.

Вопрос. Но ведь степень подготовленности многих учителей физкультуры как раз и вызывает большое число нареканий.



Зарядка учеников 5-го класса «В» школы № 210 Октябрьского района гор. Москвы.

Фото А. Бочинина.

Ответ. Да, это больной вопрос, и на нем следует остановиться подробнее.

Как известно, до пятого класса преподавание физкультуры осуществляется учителем, ведущим все предметы. Готовятся преподаватели начальных школ в педагогических училищах. Но если раньше срок обучения составлял четыре года, то теперь он сокращен до двух. За это время трудно ввести молодого преподавателя во весь круг вопросов педагогического мастерства, и на деле получается так, что практическая подготовка учителей, в том числе и по физкультуре, ослаблена.

Вопрос. Какой же выход из создавшегося положения?

Ответ. Министерство просвещения РСФСР будет готовить учителей первого — четвертого классов с высшим образованием в педагогических институтах с четырехлетним сроком обучения. Одновременно для учителей начальных школ будут организованы заочные отделения факультетов физического воспитания. В том и другом случае в расширенном курсе достойное место займет физкультура.

Положение с подготовкой учителей физической культуры для пятых и десятых классов также нельзя считать благополучным.

В школах РСФСР имеется 36 948 таких учителей, и 16 122 из них не имеют даже специального среднего образования. Часть практиков является опытными учителями, и мы стараемся организовать повышение их образовательного уровня через заочные отделения педагогических учебных заведений и курсы усовершенствования. Но среди практиков есть и случайные люди, которые будут заменяться более достойными учителями физкультуры. Начиная с 1955 года на работу в школу принимаются только преподаватели физической культуры, имеющие высшее образование. Это позволит нам в будущем значительно поднять квалификацию педагогических кадров.

Сейчас учителя физкультуры для школ готовятся на двадцати факультетах физвоспитания педагогических институтов. На этих факультетах занимается 3 309 человек. Кроме того, с каждым годом все больше специалистов дают для школ институты физкультуры.

Вопрос. Какое значение вы придаете внеклассной физкультурной работе?

Ответ. Чрезвычайно большое. Министерство просвещения РСФСР считает необходимым увеличить число учебных часов по физкультуре в школьной программе, но для того, чтобы спорт получил поистине широкое распространение среди нашего юношества, необходимо всемерно развивать внеклассную работу.

В системе народного образования РСФСР имеется 367 детских спортивных школ. В них занимается различными видами спорта самая способная в спортивном отношении молодежь. Имеются у нас хорошо поставленные школы, такие, например, как Ростовская, Ленинградская, Московская, Куйбышевская. Но, к сожалению, школы не располагают штатным составом преподавателей. Это, конечно, очень плохо и не может не отразиться на подготовке молодых спортсменов.

Большое место в физическом воспитании учащихся занимают занятия школьников в спортивных секциях коллективов физкультуры. Но внеклассной работе мешает недостаток спортивных баз. Не хватает до сих пор залов, площадок.

Вопрос. Что предпринимается для строительства новых баз?

Ответ. Начиная с 1956 года новые школы строятся со спортивными залами. Имеется у нас план пристройки залов и в старых школах, однако этот план из года в год не выполняется.

Как видите, у нас много еще нерешенных вопросов первоочередной важности,— завершает беседу А. М. Арсеньев.— Еще многое надо решить для того, чтобы поставить физическое воспитание школьников на широкую базу. Надеемся, что при помощи широкой педагогической и родительской общественности мы сумеем добиться заметного успеха в этом деле.

АНГЛИЙСКИЕ ФУТБОЛИСТЫ

В СССР приехала команда английского футбольного клуба «Вест Бромвич Альбион».

В связи с этим редакция журнала «Огонек» обратилась к английскому клубу с просьбой сообщить некоторые данные о футболистах этой команды. Ниже мы печатаем статью секретаря футбольного клуба «Вест Бромвич Альбион» Е. Смита.

Вест Бромвич находится в самом сердце Англии, в центре индустриальных Центральных графств. Здесь в 1879 году группа рабочих крупного предприятия по выпуску рессор предложила создать клуб футболистов. Так родился «Вест Бромвич Альбион», один из самых популярных клубов, откуда вышли игроки, принесшие славу английскому футболу.

Первой победой клуба явилось завоевание кубка Стаффордшира еще в 1882—1883 годах.

В 1888 году «Вест Бромвич Альбион» вошел в число двенадцати клубов первой Лиги, а в 1919—1920 годах, набрав рекордное количество очков и забив рекордное количество голов, становится чемпионом 1-го разряда Лиги.

Замечательных успехов добивается «Вест Бромвич Альбион» в 1930—1931 годах, когда, находясь во 2-м разряде, он выходит на 2-е место и завоевывает кубок Ассоциации футболистов.

В последние годы клуб находится в числе сильнейших команд Англии. Три года назад наши футболисты едва не завоевали кубок. В финальной игре они уступили первое место команде «Вулверхемптон Уондерерс» (волки).

В текущем сезоне «Вест Бромвич Альбион» успешно выступал в розыгрыше кубка, но в полуфинале проиграл сильной команде «Астон Вилла» со счетом 0 : 1. Следует заметить, что на протяжении почти всей игры наш клуб выступал в составе 10 человек без отличного центра нападения Р. Аллена, который ушел с поля из-за полученной травмы. (Напомним, что в английской Лиге и в играх на кубок не допускается замена одного игрока другим.)

Кто же входит в состав нашей команды?..

Капитаном ее является Рей Барлоу — полузащитник, недавно игравший за границей в составе сборной английской команды.

Дерек Кеван, 22 года. Левый полусредний. В прошлом сезоне добился международного признания. Выступал в составе английской команды класса «Б». Результативный игрок.

Рон Аллен. Центр нападения. Играл в составе английской команды против Шотландии, Уэльса, Швейцарии, Югославии и Германии. Он также отличается способностью забивать голы.

Бобби Робсон — полусредний. В конце прошлого сезона в составе английской команды ездил в Южную Африку. Это еще один игрок, который существенно улучшает счет.

Джо Кеннеди — центр полузащиты. Для него характерен крупный прыжок. Играл в составе английской сборной команды класса «Б».

Дональд Хоув — левый защитник. Был постоянным игроком английской команды класса «Б» и команды, составленной из молодых игроков. Несомненно, в скором времени будет представлять футбольную Англию. Хоува ставят в пару с Лен Миллардом — игроком, имеющим большой опыт. Многие считают Милларда одним из лучших защитников Англии.

Стюарт Уилльямс. Универсальный игрок. Участвовал в международных играх в качестве защитника. В команде «Вест Бромвич Альбион» играл также как полусредний нападающий и как полузащитник.

Морис Сеттерс — самый молодой член команды. Ему 20 лет. Подает большие надежды как полузащитник. Джим Дэдли — тоже универсальный игрок. Одно время был на грани международного признания.

Другими членами команды являются вратарь Джим Сандерс и высокий Фрэз Браун, способные крайние нападающие Фрэнк Гриффин и Рой Хорбин, ветеран Джорфи Лее и молодой Бриан Уайтхауз, обладающий мощным телосложением.

Таковы игроки нашего клуба, которые, как мы надеемся, сумеют показать красивую игру.

Е. СМИТ,
секретарь футбольного клуба «Вест Бромвич Альбион».

2 июня в Ленинграде, на стадионе имени С. М. Кирова, состоялся футбольный матч между местной командой общества «Зенит» и английским клубом «Вест Бромвич Альбион». Игра закончилась вничью — 1 : 1.
На снимке: вратарь английской команды Фрэз Браун берет мяч.

Фото Б. Уткина.

Тайны без тайн

КИО,
заслуженный артист РСФСР

Фото В. Габая и Л. Велижанина.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Сорок лет работаю я в цирке, вдоль и поперек исколесил Советскую страну, давал свои представления в больших и малых городах, выступал на эстрадах клубов и дворцов культуры, в садах и парках, на театральных сценах и аренах цирков.

Иллюзионистом я стал не сразу, и, по правде сказать, в молодости мне даже не нравился этот жанр циркового искусства. Пришлось перепробовать другие специальности, а в результате я все же сделался иллюзионистом.

В семнадцать лет я попал в театр миниатюр «Одеон», находившийся в Москве, на Сретенке, неподалеку от дома, где жила наша семья. Мне нравились злободневные куплеты, легкие, непритязательные сценки, весело исполнявшиеся артистами. Однажды захворал кто-то из актеров, отменять два представления было невозможно, и мне поручили заменить больного. С замирающим сердцем я исполнил свою первую крошечную «роль» и стал актером «на выходах». Жизнь артистов казалась мне беззаботной и привлекательной, и я скоро почувствовал, что погиб для медицинской деятельности, которую прочили мне родители, мечтавшие видеть сына солидным врачом.

С театром «Одеон» мы выехали на гастроли в Киев, а затем в Варшаву. В Варшаве играли на русском языке, сборов не было, и труппу распустили. И вот я вдали от дома, без денег, без перспектив. В поисках работы обошел несколько варшавских театров, но все было напрасно. В отчаянии я направился в цирк. Хозяин цирка Александр Чинизелли осматривает мою складную сильную фигуру, обращает внимание на потрепанный костюм, потом разводит руками: труппа набрана. Я согласен работать билетером и на другой день стою у входа и проверяю билеты, ограждая цирк от «зайцев».

В представлении принимали участие знаменитые музыкальные клоуны «Бим-Бом» (И. Радунский и М. Станевский), превосходные акробаты с подкидной доской «10 Кайтонс», труппа воздушных гимнастов Краузе. Я внимательно наблюдал, как артисты репетируют и отрабатывают свои трюки, и сам тайком занимался акробатикой. Однажды утром, когда в цирке еще никого не было, на конюшню пришел «Бом» — Мечислав Антонович Станевский. Я проделывал упражнения и не заметил его.

— Молодец! — воскликнул «Бом».— Ты способный парень, гибкий. А почему бы тебе не поработать у Краузе?

Оказывается, Краузе давно присматривался ко мне и сразу согласился взять в свою труппу. Я выполняю все указания Краузе, много тренируюсь — и вот уже летаю под куполом вместе с другими гимнастами. Подумываю о собственном номере и однажды рассказываю Краузе о своем плане. Старик «благословил» меня, а «крестный отец» Мечислав Станевский быстро набросал текст рекламы, характерный для цирка тех времен: «Десять минут между жизнью и смертью». Зрителям нравились сложные трюки, хозяин повысил зарплату, и, казалось, все шло хорошо. Но однажды все сорвалось, и виной тому была моя молодость. Работая в цирке в любом жанре, необходимо соблюдать строжайший режим. Тем более его должны придерживаться воздушные гимнасты. Я же был легкомысленным, не всегда следовал тогда золотому правилу и едва не поплатился за это жизнью...

В цирке появился «факир» Бен-Али, по паспорту польский гражданин Янушевский. Встретив меня в фойе, он сказал, что я поступил правильно, перестав рисковать жизнью.

— Эмиль, тебе надо стать иллюзионистом,— предложил он,— я обучу тебя этому искусству...

— Спасибо,— ответил я.— Видел я одного иллюзиониста. Он даже угостил меня яичницей, приготовленной в цилиндре. Нет, благодарю...

На этом мы расстались с «факиром». Позже, когда цирк гастролировал в Вильнюсе и не делал сборов, я вспомнил о Бен-Али и предложил пригласить его. Я разыскал Бен-Али и привез в Вильнюс.

Первое выступление «факира» прошло при полупустом зале, но на другой день по городу прокатилась молва о «великом гипнотизере», и народ повалил в цирк. Через несколько представлений уже трудно было достать билет.

Работал Бен-Али мастерски, но прибегал к самому обыкновенному обману публики. Гвоздем его выступления было «Распятие на кресте». В центре манежа устанавливался деревянный крест, и униформисты, страшно стуча, «приколачивали» к нему «факира». На самом деле «распятый» висел на хорошо скрытом крюке, зацепившись за него продетыми под рубахой лямками. Публика ахала от удивления, в цирке наступала тишина.

Дела в цирке шли отлично, и Бен-Али пребывал в превосходном настроении. Из чувства благодарности он еще энергичнее стал уговаривать меня заняться фокусами. А мне надоело быть помощником администратора, на голову которого в случае любой неудачи все шишки валятся, и я решился стать иллюзионистом.

В Берлине в те годы существовала фирма Хорстера, торговавшая всевозможными «таинственными сундуками», «неисчерпаемыми ящиками», «бездонными бочками», ведрами с двойным дном и другой аппаратурой для работы в иллюзионном жанре. У Хорстера я купил «волшебный» ящик с открывающимися стенками. Хорстер объяснил, как надо пользоваться ящиком и демонстрировать различные трюки, но я ничего не понял. Тогда владелец фирмы любезно предложил поступить в «Адскую академию». Она находилась в его доме, хозяин и его помощник обучали нескольких новичков искусству иллюзионизма. Постепенно я овладел техникой. Хорстер похваливал меня, но рекомендовал показывать номера еще быстрее и непринужденнее. Торжественно вручил он мне диплом об окончании «Адской академии». Такой диплом имеется и у выступающего под псевдонимом «Али-Вад» советского иллюзиониста А. Вадимова, который когда-то тоже приобрел несколько различных аппаратов в фирме Хорстера и прошел там курс всех наук.

Мой первый номер, с которым я выступал в Варшаве, Вильнюсе, Львове и других городах, назывался «Омоложение». Старая женщина подходила, прихрамывая, ко мне и жаловалась на старческие недуги. Я соглашался произвести эксперимент с «омоложением» и приглашал ее зайти в ящик. Охая и кряхтя, старуха забиралась в аппарат. Ассистенты закрывали ящик, запирали его большим замком. Несколькими остро отточенными шпагами я прокалывал ящик со всех сторон и для большего эффекта — пикой. Затем шпаги и

пика вынимались, ящик открывали — вместо старухи перед зрителями появлялась хорошенькая девушка. Войдя в ящик, гибкая и пластичная ассистентка сжималась в комочек в уголке аппарата, снимала с себя искусно сделанную маску старухи, парик и платье.

Везде, где я гастролировал, у меня не было отбоя от старух, умолявших меня за любые деньги «омолодить» их,— настолько они верили в то, что я действительно наделен этим чудесным даром.

Успех окрылил меня, я стал придумывать новые трюки и с головой ушел в иллюзионный жанр, увлекся им и полюбил его.

Веревку, только что разрезанную зрителями, Кио «сращивает» на глазах у публики.

Выступать под настоящей фамилией — Ренард — мне не нравилось. Псевдоним я нашел совсем неожиданно. Как-то раз с группой артистов мы возвращались из цирка. Одна из актрис была в веселом настроении и читала шиворот-навыворот вывески магазинов и рекламу кинотеатров.

— Смотрите, смотрите,— закричала она,— буква «н» вывалилась! — Затем, взглянув на меня, сказала: — Эмиль, почему бы вам не выступать под именем Кио? Коротко и загадочно... И никто не будет знать, что всему виною выпавшая буква «н»!

Я очень обрадовался этой находке и тут же пригласил своих друзей выпить бутылочку вина в честь рождения артиста-иллюзиониста Кио.

В 1921 году исполнилась моя заветная мечта: я вернулся на Родину и сразу был приглашен в эстрадные театры «Аквариум» и сада «Эрмитаж». Загадочное Кио привлекало москвичей, и выступления проходили с успехом. Потом приглашение директора Тамбовского сада. Выехали туда мы вдвоем с новой помощницей Лидией Дагмар. Казалось, ничто не предвещало печального финала этой поездки. Заманчивые афиши, аншлаг на окошке кассы: «Все билеты проданы»...

В хорошем, несколько приподнятом настроении я выхожу на сцену, где уже приготовлена моя аппаратура. Аплодисменты зрителей, я по-восточному раскланиваюсь, прижимая руки к сердцу и касаясь двумя пальцами своей чалмы. Помощница входит в ящик, я прокалываю его шпагами. В зале настороженная тишина... Неожиданно из публики выскочил какой-то мальчишка, перемахнул через невысокое ограждение, подбежал к ящику и, приоткрыв крышку, заглянул внутрь. Со смехом мальчишка захлопнул крышку и так же быстро убежал. Раздался хохот. Выходка парнишки произвела на меня удручающее впечатление. И хотя он не разоблачил секрета и публика так и не узнала, как же происходит процесс «прокалывания», но такое вмешательство заставило меня призадуматься. Я едва дотянул представление до конца, затем пошел к директору и заявил, что в таких условиях выступать не могу. Никакие уговоры остаться и поработать еще не-

сколько дней не повлияли на мое решение.

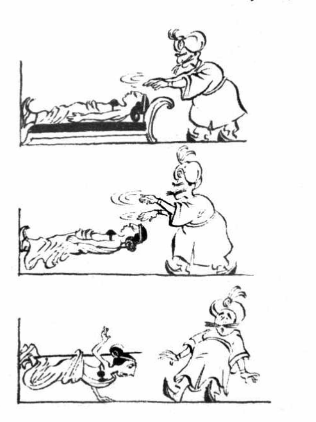
Получив небольшой гонорар за выступление, я мог купить лишь один билет до станции Козлов и отправил в поезде помощницу и аппаратуру. Сам же побрел к товарному составу и «зайцем» добрался до этой же станции. Лидия Дагмар поджидала партнера в Козлове. Обсудив создавшееся положение, мы стали уже сожалеть, что так поспешно, из-за пустяка отказались от работы в Тамбове. К счастью, в городе удалось договориться с директором местного сада отдыха о трех выступлениях. Прошли они вполне успешно.

Зрители всегда думают, что они вот-вот «поймают» артиста, разоблачат его, и заранее предвкушают это удовольствие. Артист, работая безукоризненно тонко, с юмором и шуткой, все время должен отвлекать внимание публики, направляя его на второстепенное и ненужное, но кажущееся именно самым главным и важным. Конечно, в таком «соревновании» победителем должен выходить артист даже тогда, когда какой-нибудь фокус и не удался, сорвался. Только в этом случае надо самому сделать вид, будто ты сам стремился к этому мнимому саморазоблачению, превратив свою неудачу в непринужденную шутку.

Почти два года я разъезжал по провинции. За это время было создано несколько новых иллюзионных номеров. С ними я поехал в Петроград. В 1923 году в местных кинотеатрах перед сеансами практиковались выступления всякого рода куплетистов, певцов, исполнителей танго, акробатов, жонглеров. Прокатная контора «Совкино» направляла меня то в кино «Титан», то в «Колизей», то в «Великан».

Кроме старого номера, «Омоложение», исполнялся и новый — «Человек-молния». На просцениум перед экраном выносили большой мешок, связывали меня по рукам и ногам, ставили в мешок, завязывали его и запечатывали, а затем, положив в сундук, забивали крышку и скрепляли веревкой. Процесс завязывания обычно проходил в присутствии зрителей, выходивших на просцениум и с невероятным старанием следивших за тем, чтобы делалось это добросовестно. Добровольцы, наблюдавшие за тщательностью моей «упаковки», думали, что упрятали меня надежно и из сундука уже невозможно выбраться. Но ассистентка три раза громко стучала по сундуку и, едва она произносила «три», как я появлялся в другом конце зрительного зала и раскланивался перед недоумевающей публикой.

Работая над новым репертуаром, я занялся поисками литературы о фокусниках и иллюзионистах. К сожалению, книг на русском языке, из которых я мог бы почерпнуть что-либо интересное, оказалось мало. Библиотека предложила мне несколько старинных журналов. При Ленинградском цирке лет тридцать существует музей циркового искусства, созданный большими энтузиастами и любителями цирка В. Андреевым и О. Алексеевой. В коллекциях музея я нашел немало афиш, газет, журналов, в которых описываются трюки иностранных фокусников и иллюзионистов, приезжавших в нашу страну. В 1929 году вышла довольно интересная книга Н. Ознобишина под названием «Иллюзионы» («Фокусники и чародеи»), где автор дает краткий обзор истории развития иллюзионного жанра, колыбелью которого, кстати говоря, принято считать Египет, где иллюзионизм служил религиозным целям. Чтение старинных журналов и книг подсказало создание новых трюков и иллюзионных номеров, а



также поиски новых форм их исполнения.

Постепенно я стал понимать, что, вовлекая в свои выступления зрителей и делая их как бы соучастниками номеров, моими «стражами» и возможными «разоблачителями», я поднимал интерес к каждому трюку. Зрители любят потрогать и проверить различные предметы реквизита, убедиться в том, что кольца, например, невозможно раздвинуть, а ящик не имеет двойных стенок и двойного дна. И я широко привлекал зрителей, стремившихся разоблачить мои трюки.

В середине двадцатых годов к нам в страну приезжало немало знаменитых иностранных иллюзионистов — Касфикис, Кефало, Данте и другие. По нескольку раз я смотрел работу каждого из них, стараясь разгадать какой-либо новый, доселе мне неизвестный номер. Но, к сожалению, нового для себя я видел мало. Например, Касфикис показывал номер «Летающая дама». Одна из ассистенток иллюзиониста ложилась на диван. К ней подходил Касфикис, делал гипнотические пасы, будто бы усыплял ее. Затем диван убирали, и женщина словно повисала в воздухе. Но трюк этот имеет большую давность. Его исполняли еще в конце прошлого века многие заезжие иллюзионисты, и до сих пор, правда, с некоторыми «поправками», показывают и современные «чародеи».

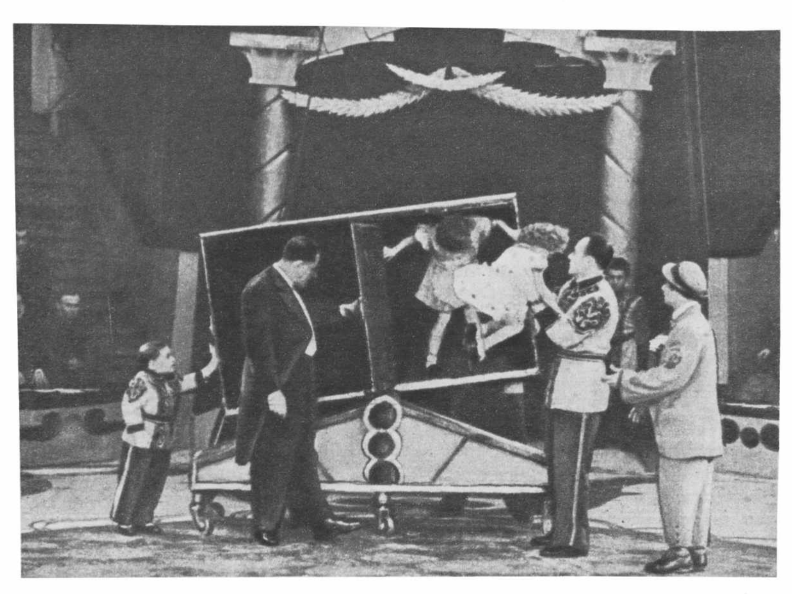
Касфикис еще демонстрировал так называемые «сеансы гипноза», представлявшие собой откровенный обман зрителей. На манеж выходили «желающие», которых заранее за определенное вознаграждение приглашал «гипнотизер», и его ассистенты. По специально разработанной и отрепетированной программе эти «добровольцы» из публики, якобы в состоянии гипноза, пили воображаемое вино в Канне Галилейской, отбивались палкой от «собаки», перепрыгивали через «змею», готовую их «ужалить», исполняли невероятные танцы и так далее.

Квалифицированно и интересно, с большей выдумкой и театрализацией показывал свои трюки немецкий иллюзионист Данте. Он выступал в окружении полутора десятка хорошеньких ассистенток, отвлекавших внимание зрителей от исполнения трюков. Данте притрагивался кончиком своего жезла к носу девушки или к ее уху, и оттуда начинал бить фонтанчик воды. Интересен был у него трюк с превращением обыкновенной палки, воткнутой посредине сцены, в миловидную девушку.

Приезжал к нам и индус Линга-Синга, «прокалывавший» длинной иголкой трех своих ассистенток и «продевавший» сквозь них цветную ленту. Связанные таким образом девушки маршировали по сцене под звуки музыки. Это «прокалывание» также построено на очень ловком приеме: алюминиевая игла скользит по поясам, надетым на бедра ассистенток, и, естественно, не прокалывает их.

Выступало немало и советских иллюзионистов и фокусников: Д. Тейде, П. Соколов-Пассо, Дацар, Али-Вад, Марчесс, Клео Доротти и другие. Правда, их номера не были обставлены с такой пышностью и богатством, как аттракционы иностранцев. Не было у советских артистов и многочисленных ассистентов. Но многие трюки они исполняли, безусловно, лучше иностранцев.

В середине двадцатых годов у нас было мало государственных цирков, еще существовали различные объединения артистов цирка и даже скрытые «хозяйчики». Мне приходилось колесить со своими иллюзионными аппаратами по всей стране, заезжая в самые маленькие городишки. В свободные дни я любил бродить по базарам и ярмаркам и с интересом посещал многочисленные балаганы, в которых демонстрировались всякого рода «женщины-пауки», «женщины с рыбьими хвостами» и другие «феномены XX века». Показ этих «феноменов» сопровождался шутками,



Ящик был пуст, в этом убедились зрители. Но иллюзионист достает из него нескольких лилипутов.

прибаутками, хлесткими словечками, которые скороговоркой выпаливал владелец балагана. Эти «аттракционы» строились главным образом на оптическом приеме: особое расположение зеркал создавало требуемую иллюзию. Многим казалось, что к женскому телу действительно прирос огромный рыбий хвост или симпатичная «девушка-паук» свободно управляет своими лапками.

На базарах выступали «люди-аквариумы», выпивавшие по две — три бутылки воды и затем извергавшие ее фонтаном. Эти артисты из народа, набрав в рот несколько глотков керосина, зажигали спичку, и пламя било у них изо рта. Свое древнее искусство демонстрировали бродячие артисты-шпагоглотатели, «несгораемые люди», руками бравшие раскаленное железо, и многие другие. «Несгораемые люди» обычно натирали себе руки специально изготовленной мазью, делавшей тело нечувствительным к огню. Шпагоглотатели часто обманывали неискушенных зрителей, пряча клинки шпаг в привязанные бороды или складывая их по мере «просовывания» в горло. Но были и такие артисты, которые без обмана, по-настоящему, засовывали шпагу в горло. Довелось повидать на ярмарках и множество различных манипуляторов — фокусников, удивительно ловко и быстро демонстрирующих работу рук.

Я с удовольствием вспоминаю о годах моей артистической молодости. Присматриваясь ко всякого рода народным аттракционам и забавам, я впоследствии применял многие из них в своей практике, конечно, переделывая их, театрализуя, используя достижения современной оптики и механики. Но основа многих номеров у меня народная.

После успешных гастролей в московском мюзик-холле меня пригласили на работу в цирк (когда все цирки были объединены Главным управлением, в его ведении оказалось почти пятьдесят зимних и летних цирков, несколько мюзик-холлов, зверинцы, передвижные цирковые группы). Это было приятное предложение, означавшее постоянные круглогодовые гастроли в цирках нашей страны. Но иллюзионисту очень трудно выступать на арене цирка, со всех сторон просматриваемой зрителями, в непосредственной близости к публике. После долгих колебаний и раздумий я принял это предложение. Пришлось немало потрудиться, чтобы приспособиться к выступлениям на арене. Большую помощь мне оказали режиссеры цирка Б. А. Шахет и А. Г. Арнольд.

Вместе с режиссером Арнольдом было решено создать аттракцион «Таинственный дом». Нечто вроде этого мы видели во время гастролей иллюзиониста Данте. Но он показывал зрителям небольшой домик, в который входило пять—шесть человек. Мы изменили номер. Униформисты устанавливали на арене небольшой дом. Со всех сторон открывались двери и стенки, и зрители видели, что дом пуст. Скупое декоративное оформление и некоторые детали определяли место действия: рабочая окраина какого-то капиталистического города. На манеж выходил человек в спецовке и, оглянувшись по сторонам, осторожно расклеивал листовки, призывающие к борьбе за мир. Появлялись полицейские. Человек в спецовке, спасаясь от преследования, вбегал в дом. Пытались войти и полицейские. Но навстречу им выходили различные люди — взрослые и дети. Наконец полицейским удалось ворваться в дом. Но «подозрительного» человека они не могли найти.

Эта, по сути дела, непритязательная сценка проходила в быстром темпе с показом мгновенной трансформации. Одни и те же ассистенты, да и я сам, входили в дом в одном костюме и парике, выходили из него в другом. Естественно, что когда в начале сценки помощники показывали, что дом пуст, мы прибегали к маленькому обману. В различных невидимых потайных «карманах» скрывалось свыше полутора десятка действующих лиц. Чтобы создать такой легкий и портативный дом с «секретами», пришлось немало потрудиться вместе с моими ближайшими помощниками и большими выдумщиками И. А. Брюхановым и И. А. Татаринским. Эта сценка всегда хорошо принималась зрителями.

Среди многочисленных номеров есть у меня и «Сжигание женщины». Этот трюк проделывали многие иллюзионисты еще в давние времена, но зрители всегда смотрят его с интересом и при встречах со мной непременно спрашивают, как я могу подвергать ассистентку такой опасности. И действительно, вопрос вполне законен, если посмотреть на «сжигание». Ассистентку укрывает спускающийся из-под купола колпак, оклеенный вощеной бумагой. Затем я поджигаю колпак. Разгорается костер, слышно, как трещит бумага. Где же находится женщина? Постарайтесь догадаться! Ведь бумага на колпаке сгорела, остался лишь проволочный каркас. Припомните: я раскрываю все стенки круглой установки-пьедестала, и зрители видят, что там никого нет.

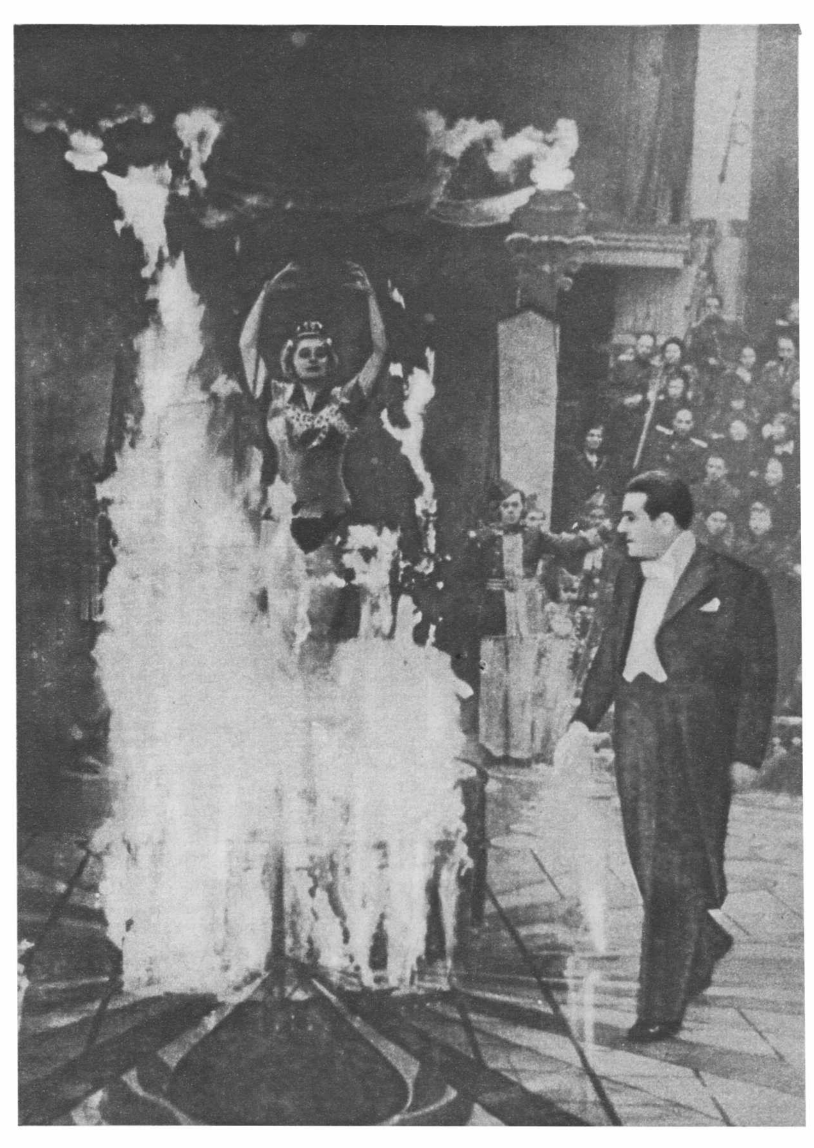
Разрабатывая этот номер, мы долго думали о том, как найти такой химический состав для пропитывания бумажного колпака, чтобы не создавать опасности ни для зрителей, ни для цирка. Ведь от одной искры бушующего пламени могут загореться деревянные переборки, мебель — и тогда жертвы! Мы приглашали крупных специалистов-химиков, но все было напрасно. Нам предлагали применять дымовую завесу, чтобы закрывать ею колпак, а иллюзию огня создавать с помощью лоскутков красного шелка, раздуваемых сильным вентилятором. У нас ничего не получалось. Мы уже думали отказаться от этой затеи, когда один из помощников, лилипут Василий Котельников, предложил удивительно простой по своему решению способ.

— Проволочный каркас колпака надо обклеить лигнином,— сказал он,— а сверху спрыснуть керосином... Несколько раз я пробовал этот способ, и квартирная хозяйка настолько перепугалась, что обещала меня прогнать, боясь, что спалю ее дом.

Способ, предложенный Котельниковым, дал блестящий результат. Во время репетиции пламя было такое, что перепугался директор цирка.

— Прекратите ваши трюки! — вопил он.— Вы спалите мне цирк!..

Творческая помощь и заинтересованность моих помощников в наиболее эффектном показе наших иллюзионных номеров обеспечивают успех всего аттракциона. А не будь у меня ловких, быстрых и гибких ассистентов, вряд ли я мог бы выступать, особенно на аренах цирков. Быстрота исполнения номера, мгновенная смена одного трюка другим — основа успеха. Ведь моим помощникам с обезьяньей гибкостью приходится укладываться в очень маленькие и неудобные потайные карманы и складки, распластываться в щелях различных аппаратов, ящиков и сундуков. К тому же они должны мгновенно менять костюмы и парики, появляясь перед зрителями то в одном, то в другом обличье. Все надо делать молниеносно и так, чтобы зритель и не подумал, что его «проводят».



«Сжигание женщины».

Например, у меня есть номер с большим мешком. Его спускают из-под купола цирка на тросе. Туда забирается девушка. Ассистенты завязывают мешок, «добровольцы» из зрителей проверяют, действительно ли ассистентка еще находится в нем. Но вот с помощью лебедки мешок с девушкой подтягивается под купол цирка.

— Марина,— спрашиваю я,— где вы?

— В мешке,— раздается голос из-под купола.

Я стреляю из «волшебного» пистолета, мешок быстро опускается. Снова при самом пристальном внимании публики мешок развязывают, выворачивают — он пуст.

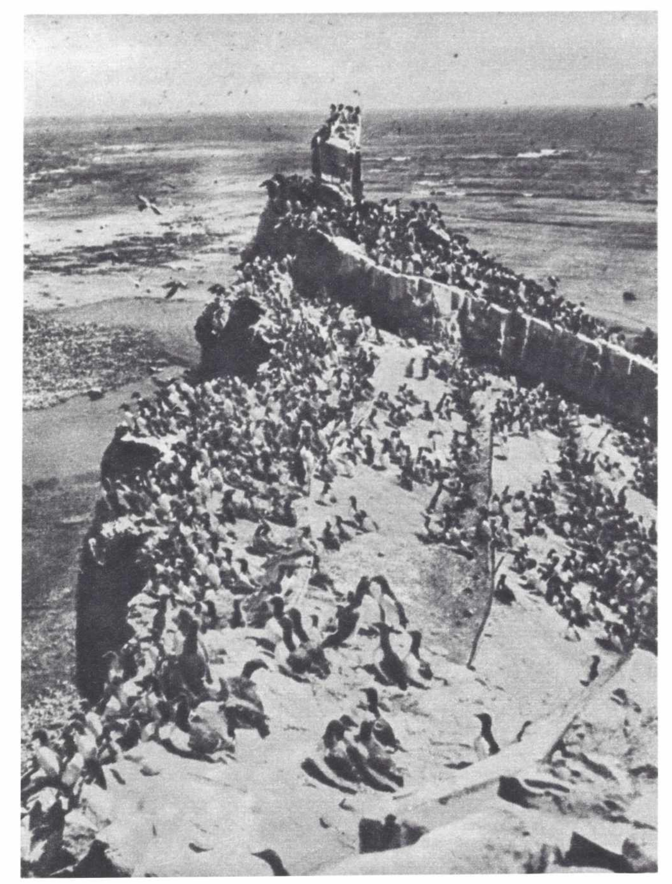
Дело в том, что в тот момент, когда девушка входила в мешок, на ней под длинным дамским платьем был одет костюм униформиста. И пока мешок завязывали и проверяли, помощница сбрасывала платье, принимала вид униформиста, выбиралась через небольшую прорезь в аппарате. В воздух поднимали пустой мешок с каркасом из проволоки. А из-под купола голос звучал через репродуктор.

Успех каждого номера я делю со своими помощниками. Почти по тридцать, по двадцать пять и двадцать лет работают со мной И. Брюханов, П. Лепковский, И. Татаринский, А. Бугрова, Ф. Шварц, М. Чуркин, моя жена Е. Ренард-Кио и другие. Вместе с ними — в прошлом актерами драматических театров, художниками и инженерами, отличными мастерами на все руки — мы придумывали и разрабатывали все новые и новые трюки и иллюзии. Справедливость требует назвать и маленьких помощников-лилипутов. Небольшие ростом, проворные и ловкие, они обеспечивают удачу выполнения разных номеров. Много лет в нашем аттракционе работают сестры Ирина и Мария Прутковские, Алексей Кудашев, Александр Ольховников, Герман Измайлов, В. Кмит, Мария и Раиса Ягубовы, Борис Яшин и другие.

Литературная запись
Мих. ДОЛГОПОЛОВА.

Окончание следует.

Птичьи горы



За долгие годы полярных путешествий я не раз видел птичьи базары на Новой Земле, на Чукотке. Это скопление кайр заснято значительно южнее, на острове Тюлений, что близ восточного берега Сахалина, в заливе Терпения. Летом птичьи горы представляют захватывающее зрелище. Гомон стоит такой, что сборщики яиц не слышат друг друга. Наверное, потому крикливые скопища и называются птичьими базарами. Когда случается драка, с высокой скалы сыплются в воду пух и перья. Кайры жадно выхватывают у своих соседей добычу, будто в море мало рыбы.

Однажды на Чукотке, в заливе Провидения, я с группой полярников решил разнообразить наш судовой стол — собрать яиц. Один из нас забрался выше всех. Казалось, он вернется с богатыми трофеями. Вдруг камни под ним стали осыпаться, человек не мог сделать ни шагу без риска свалиться в пропасть. Пришлось всем остальным спуститься и организовать помощь с противоположной стороны скалы, откуда кинули ему веревку. Поздно вечером мы вернулись на корабль не солоно хлебавши.

Макс ЗИНГЕР

Фото В. Приверзенцева.

ЭТО ВСЕ, ЧТО ОН ПИШЕТ.

Рисунок В. Соловьева.

На вкладках этого номера репродукции картин В. Перова «Птицелов», «Тройка», портрет А. Островского, «Последний кабак у заставы», «Странник», «Автопортрет» и четыре страницы цветных фотографий.

Неисчерпаемое алоэ

Существует легенда, что алоэ как лечебное средство было известно грекам еще в IV веке до нашей эры. Ради чудодейственного растения, говорится в легенде, Аристотель посоветовал Александру Македонскому завоевать остров Сокотра. Захватив остров, Александр Македонский изгнал оттуда туземцев и поселил греков. С этого времени греки используют алоэ. Из сока драгоценного растения они стали приготавливать различные лекарства.

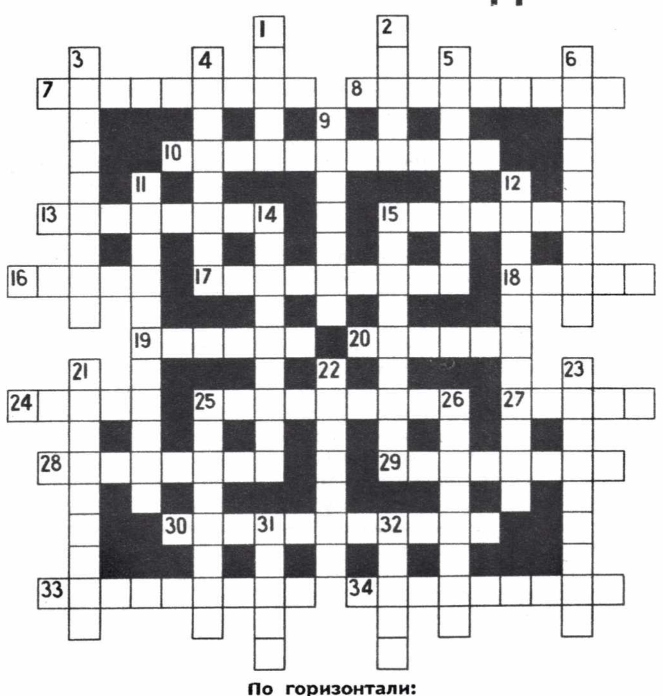
Известно около двухсот видов алоэ, представляющих собой вечнозеленые многолетние растения с сочными и мясистыми листьями, покрытыми восковым налетом. На протяжении многих веков из алоэ получают всевозможные препараты. С давних пор алоэ использовалось в Китае и Индии при экземе и при воспалительных процессах. В Советском Союзе алоэ культивируется на Черноморском побережье Кавказа. Наши медики употребляют препараты из алоэ при ожогах, длительно не заживающих язвах и ранах, при истощении и пониженном аппетите, при глазных заболеваниях, а также в качестве слабительного средства. Академиком В. П. Филатовым в последние годы в медицинскую практику внедрен новый лечебный препарат из листьев алоэ для тканевой терапии.

Прошли тысячелетия с тех пор, как люди обратились к алоэ. Казалось, растение должно было исчерпать себя.

Недавно во Всесоюзном научно - исследовательском институте лекарственных и ароматических растений получено новое лечебное средство — эмульсия алоэ. Как известно, в настоящее время в борьбе с раком большая роль отводится лучевой терапии. Но этот метод, являющийся эффективным в ликвидации злокачественных опухолей, часто приводит к повреждению окружающих тканей. Ряд средств профилактики и терапии лучевых повреждений кожи не давал должных результатов. После многих опытов таким средством оказалась эмульсия алоэ. Клинические испытания показали, что препарат полностью снимает боли с участка кожи, подвергавшегося рентгеновскому облучению.

Т. АЙРАПЕТЯН

КРОССВОРД



По горизонтали:

7. Раздел науки кораблевождения. 8. Первенство. 10. Член организации русских художников-реалистов. 13. Улица. 15. Обработка изделия резцами. 16. Музыкальный термин. 17. Декоративное растение. 18. Народное собрание в Древней Греции. 19. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 20. Город в Китае. 24. Пьеса В. Билль-Белоцерковского. 25. Точные часы. 27. Электронная лампа. 28. Персонаж из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 29. Буквопечатающий телеграфный аппарат. 30. Народ тюркской языковой группы. 33. Сорт яблони. 34. Крупный промышленный город в Румынии.

По вертикали:

1. Печатная форма с рельефным рисунком. 2. Корм для лошадей. 3. Овощное и кормовое растение семейства зонтичных. 4. Произведение А. П. Чехова. 5. Группа лиц со специальными полномочиями. 6. Телескоп. 9. Вид транспорта. 11. Подбор видов и сортов товаров. 12. Высота звуков лада. 14. Глубокая впадина в Тихом океане. 15. Автор критических отзывов. 21. Воинское звание в дореволюционном флоте. 22. Мыс на севере Скандинавии. 23. Народный артист СССР, дирижер. 25. Органическое соединение в виде белого кристаллического порошка. 26. Вещь, хранимая как память. 31. Столица государства Гана. 32. Разведка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

7. Хлопководство. 10. Натрий. 11. Болеро. 12. Приз. 13. Колизей. 14. Балл. 17. Аванс. 19. Диаметр. 20. Кутаиси. 21. Есипова. 22. Номинал. 23. Ребус. 28. Идея. 29. Свирель. 30. Гуно. 33. Сверло. 34. Мамонт. 35. Автопогрузчик.

По вертикали:

1. «Охотник». 2. Лоция. 3. Корнилов. 4. Фонвизин. 5. Откос. 6. Кочегар. 8. Днепродзержинск. 9. Коллегиальность. 15. Анероид. 16. Автомат. 17. Архар. 18. Скунс. 24. Единорог. 25. Увертюра. 26. Сенегал. 27. Пуночка. 31. Плато. 32. Парча.

Летние платья

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

Для летних платьев художники-модельеры рекомендуют недорогие шелка и хлопчатобумажные ткани. Широко будут применяться поплин (цена 1 метра от 16 до 38 рублей), всевозможные искусственные шелка (от 40 до 60 рублей), хлопчатобумажное пике (12 рублей), маркизет (22 рубля), ситец (5—9 рублей).

Мы публикуем на четвертой странице обложки ряд моделей из этих тканей, подготовленных Общесоюзным Домом моделей и ателье № 51.

1. Платье из полосатого поплина. Спинка лифа выкраивается по долевой нитке, перед — по косой, юбка — по поперечной. Юбка шестиклинная, с высоким выкройным корсажем.

Автор — Н. Шальнова.

2. Платье-костюм из цветного хлопчатобумажного пике. Юбка четырехклинная, жакет короткий, прилегающий, с коротким втачным рукавом. Рекомендуется на любой размер.

Авторы — Н. Голикова и А. Левашова.

3. Платье из искусственного креп-жоржета (или маркизета) мягкого тона. Свободный лиф с напуском. Юбка широкая, застроченная на бедрах мелкими складочками.

Автор — Т. Кузнецова.

4. Платье из поплина «мимоза». Юбка четырехшовная, расклешенная, собранная у талии в сборку. Отделка — черная декоративная строчка.

Автор — М. Задорожная.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

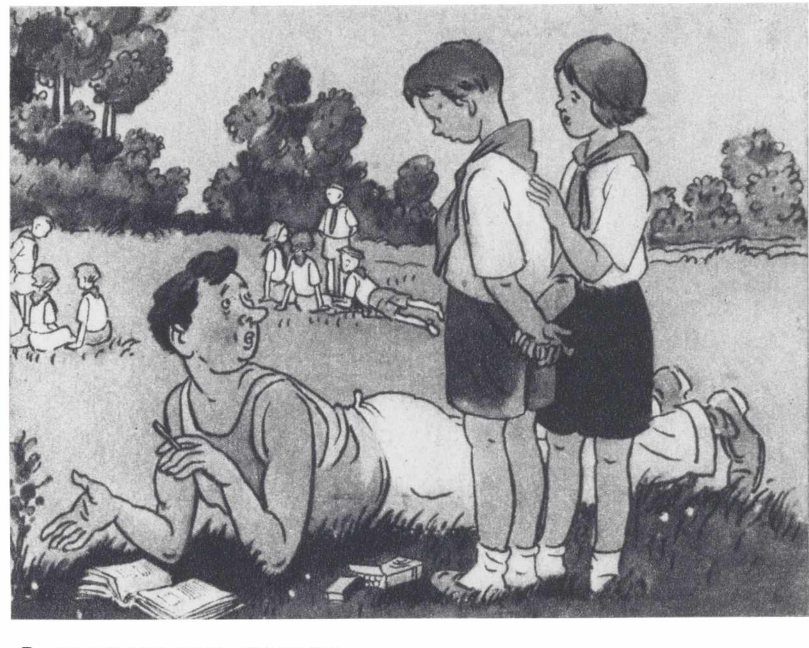
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05233. Подписано к печати 5/VI 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 598. Заказ № 1379.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Украинский юмор

ИЗ ЖУРНАЛА «ПЕРЕЦ»



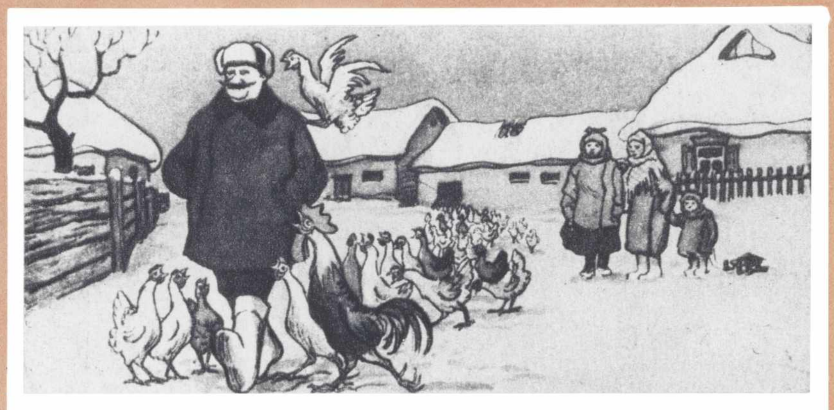
В пионерском лагере

— Дядя вожатый, поиграйте с нами...
— Чего захотели! Что я вам, маленький?!

Рисунок Бе-Ша.

— Почему это вы сегодня сторожите без собаки?
— Гавкает всю ночь, спать не дает!..

Рисунок Л. Бойка.



— Смотри, как нашего председателя куры любят: куда он, туда и они!
— Это они есть просят.

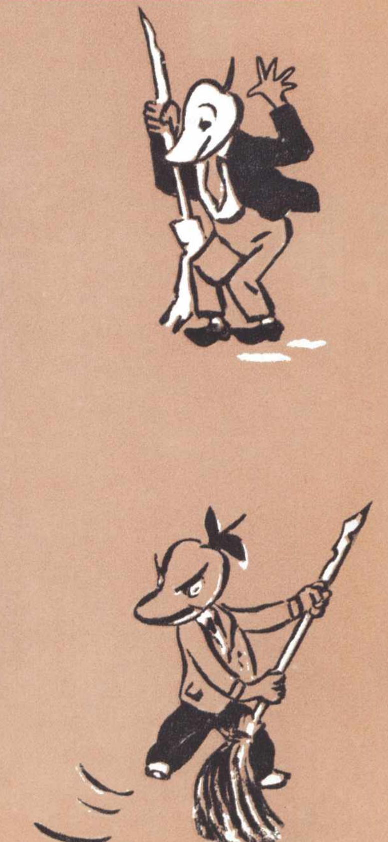
Рисунок С. Самума.

— А где же у вас детская площадка?
— На каждом этаже.

Рисунок В. Глывенка.

Диктор:
— Мы передавали концерт легкой музыки...

Рисунок А. Арутюнянца.



Цена номера 3 руб.
Летние платья